

ISSN 0135-1672

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 23

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 23

Ответственный редактор
академик АН УзССР *А. А. Аскарлов*

ТАШКЕНТ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР. 1990

Сборник объединяет первичные публикации, вводящие в науку материалы исследований стоянок каменного века, жилых и погребальных комплексов эпохи бронзы, поры античности и средневековья, элементов древнегородской топографии. В нем рассматриваются вопросы денежного обращения в Средней Азии и социально-экономической истории поры средневековья, а также результаты изучения этнического процесса на территории Узбекистана и достижения реставрации археологических памятников.

Для историков, этнографов, преподавателей и студентов вузов.

Рецензенты:

кандидаты исторических наук *А. А. Анарбаев, Э. В. Ргвеладзе*

**СЕРГЕЙ КУЗЬМИЧ КАБАНОВ (к 80-летию со дня рождения
и 50-летию научной деятельности)**

С. К. Кабанов — один из старейших археологов Средней Азии, известный специалист в области античной и средневековой

С. К. Кабанов.

археологии Узбекистана — родился 9 июля 1909г. в г. Мстиславле (Могилевская область Белорусской ССР).

После успешного окончания Педагогического техникума в

Мстиславе в 1929 г., он поступил на музейно-краеведческое отделение Ленинградского государственного института истории, филологии и лингвистики. Здесь определился круг его научных интересов, основу которых составило прошлое народов Средней Азии. В 1933 г. сразу же после окончания института, он приехал в Узбекистан. В 1933—1941 гг. работал в Узкомстарисе в должности научного сотрудника и уполномоченного в городах Хиве, Шахрисабзе, Бухаре. Принимал деятельное участие в ремонтно-реставрационных работах по сохранению средневековых архитектурных памятников Шахрисабза. Одновременно осуществлял обследование и фиксацию археологических памятников Каршинского оазиса. В 1938 г. под руководством В. А. Шишкина участвовал в раскопках городища Варахша.

В 1941 г. и до призыва в Красную Армию работал в Бухарском областном музее. С мая 1943 г. С. К. Кабанов — на фронтах Великой Отечественной войны. В звании лейтенанта командовал взводом и ротой. Тяжело ранен. Имеет боевые награды. Но даже в годы войны, совершая походы по дорогам Украины и Польши, он не оставлял мысли о возвращении в долину Кашкадарьи и осуществлении давно задуманных раскопок древних поселений.

С декабря 1945 г. он работал в Институте истории и археологии АН УзССР. Принимал участие в раскопках обсерватории Улугбека (1948 г.), городищ Варахша (1951—1954 гг.) и Афрасиаб (1959—1962, 1965—1970 гг.). Однако основная работа осуществлялась в долине Кашкадарьи, где раскопками поселения Каджартепа (1947 г.) и городища Еркурган (1948 г.) начато систематическое изучение археологических памятников.

В 1953 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Нахшеб в III—VIII веках в свете археологических данных».

Начиная с 1973 г. и вплоть до выхода на заслуженный отдых в 1982 г. С. К. Кабанов осуществлял полевые исследования городища Афрасиаб. Результаты своих исследований он изложил в 50 научных работах, среди которых две монографии: «Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.)» (1977 г.) и «Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв.» (1981 г.). Широкую известность получили его работы по разработке древней и античной периодизации Афрасиаба, а также исследования по позднеантичной и раннефеодальной истории Южного Согда (Кеша и Нахшеба).

В настоящее время С. К. Кабанов продолжает трудиться над научными работами, щедро и охотно делится своим опытом и знаниями с молодежью. В 1988 г. он опубликовал небольшую книжку воспоминаний, в которой подытожил свой 50-летний путь в науке.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ С. К. КАБАНОВА*

1. Изображение Сэнмурва с городища Куня-Фазли//Бюллетень АН УзССР. 1947. № 9.
2. Руины дворца Ак-сарай в Шахрисабзе//ТИИА. Т. 1. Ташкент, 1948.
3. Археологические находки на Фархадстрое//Известия АН УзССР. 1948. № 5.
4. Археологические работы в 1948 г. в Каршинском оазисе//ТИИА. Т. 2. 1950.
5. Археологические разведки в Шахрисабзском оазисе//Известия АН УзССР. 1951. № 6.
6. Нахшеб в III—VIII вв. в свете археологических данных//Автореферат. канд. дисс... Ташкент, 1953.
7. К вопросу о столице кидаритов//Вестник древней истории. 1953. № 2.
8. Археологические раскопки на Шортепе близ Карши//Известия АН УзССР. 1954. № 1.
9. Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи//ТИИА. Т. 7. Ташкент, 1955.
10. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша//ТИИА. Т. 8. Ташкент, 1956.
11. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв.//ВДИ. 1956. № 2.
12. К вопросу о древности канала Иски-ангар//Труды АН ТаджССР. Т. 37. Душанбе, 1956.
13. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища//Изв. АН УзССР. Серия обществ. наук. 1957. № 2.
14. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи//СА. 1958. № 3.
15. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг.//ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.
16. Археологические наблюдения на строительстве Иски-ангарского канала//ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.
17. Нахшебские монеты V—VI вв.//ВДИ. 1961. № 1.
18. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе//ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
19. Две терракоты из долины Кашкадарьи//ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
20. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв.//СА. 1963. № 1.
21. Погребение воина в долине р. Кашкадарья//СА. 1963. № 3.
22. Археологические раскопки на Шортепе близ Карши в 1952—1953 гг.//ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964.
23. Ареал и эволюция двух древних керамических форм//СА. 1964. № 3.
24. Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.
25. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарья/соавтор К. А. Шахурин//ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
26. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв.//СА. 1966. № 3.
27. Древнейшие наслоения Афраснаба (соавтор Г. В. Шишкина)//ОНУз. 1968. № 3.
28. Позднекушанские поселения в низовьях р. Кашкадарьи//Тезисы докладов советских ученых на Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 1968.
29. Изучение стратиграфии городища Афраснаб//СА. 1969. № 1.
30. Архитектура, искусство, религия (соавтор Ш. С. Ташходжаев)//История Самарканда. Т. 1. Гл. 2. § 5. Ташкент, 1969.
31. Изображение Шивы на оссуарии//СА. 1971. № 2.
32. Айтугдытепе//ИМКУ. Вып. 9. Ташкент, 1972.
33. Раскопки руин сельского поселения III—V вв. на Коштепе-2 близ Карши//Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.

* Биографический очерк и список работ составил А. А. Грицина.

34. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афраснаб//Афраснаб. Вып. 2. Ташкент, 1973.
35. Поздние кушаны в Нахшебе//ВДИ. 1973. № 3.
36. Руины здания времени кушан близ Карши//ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
37. Руины жилища земледельца II—III вв.//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1974.
38. Раскопки части жилого массива IX—XI вв. (Соавторы М. И. Филанович, М. Х. Урманова)//Афраснаб. Вып. 3. Ташкент, 1974.
39. Позднекушанские поселения в низовьях р. Кашкадарья//Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. 2. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху. М., 1975.
40. К стратиграфии верхних (VIII—XIII вв.) наслоений памятников зоны Чим-курганского водохранилища (соавтор З. И. Урманова)//ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
41. Нахшеб на рубеже древности и средневековья. Ташкент, 1977.
42. Раскопки сельского поселения III—V вв. близ Карши//СА. 1978. № 1.
43. Археологическая разведка в Придаргомской степи//ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
44. Периодизация раннеантичной культуры Согда (VI—III вв. до н. э.)//По материалам раскопок на городище Афраснаб//Всероссийское научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Ташкент, 1979.
45. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981.
46. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни//К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
47. Терракоты из раскопа на Афраснабе//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.
48. Археологические данные к изучению гспезиса феодализма Средней Азии (по материалам Нахшеба, Хорезма и долины р. Чу)//СА. 1984. № 3.
49. Рецензия на книгу К. И. Пегрова. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI—начала XIII вв. Фрунзе: Илим, 1981//СА. 1984. № 4.
50. В оазисах и степях Кеша и Нахшеба. Поиски и находки археолога в долине Кашдарьи. Ташкент, 1988*.

А. А. АСКАРОВ, В. Д. РУЗАНОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА МЕТАЛЛА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ БУСТАН 3,4 И 5

В настоящее время среди металлических изделий среднеазиатских земледельческих культур эпохи бронзы наиболее изученными в химическом аспекте являются принадлежащие культуре Сапалли. Известен химический состав металла более 450 изделий и их фрагментов, в том числе остатков литья, происходящих из памятников этой культуры. Спектроаналитические исследования данных находок позволили сделать ряд важных выводов в области металлообработки у племен южного Узбекистана (1). В ее развитии намечено несколько периодов, охватывающих сравнительно большой отрезок времени: XVII в.—X в. до н. э. Заключительную фазу, которая датируется XI—X вв. до н. э., характеризуют материалы из поздних слоев поселения Джаркутан, поздних могил одноименного могильника, могильника Молали, а также металлический инвен-

* Кроме того С. К. Кабановым в брошюрах, журналах и газетах опубликовано свыше 50 научно-популярных статей.

тарь из могильников Бустан 3, 4 и 5. Как показал спектральный анализ, медь большинства изделий бустанской коллекции своеобразна по химическому составу и резко отличается от основной массы металлических предметов сапаллинской культуры.

Раскопки погребений могильников Бустан 3, 4 и 5, подавляющая часть которых была ограблена в древности, дали небольшую

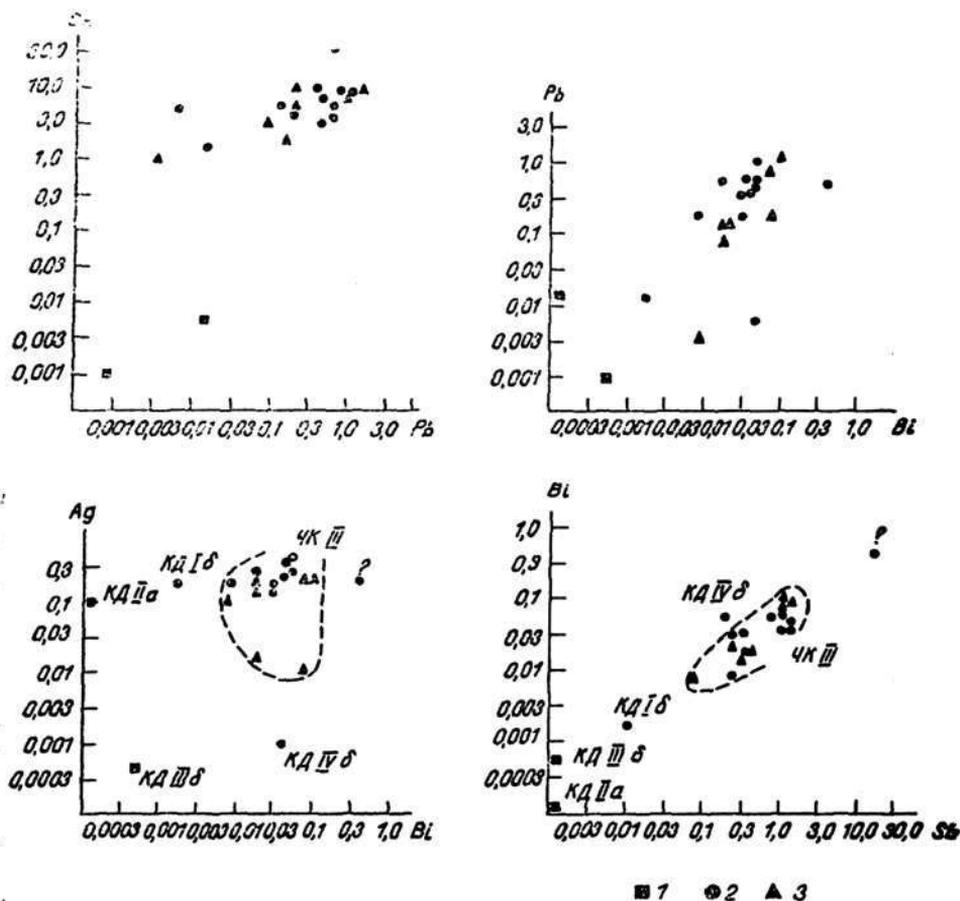

Рис. 1. Корреляция концентраций некоторых примесей к меди могильников Бустан 3, 4 и 5. Условные обозначения:

а — Бустан 3; б — Бустан 4; в — Бустан 5.

коллекцию предметов. Не отличается эта коллекция и многообразием форм изделий. Основная масса находок — небольшие тонкие пластинки, подобные пластинкам, известным в могильнике Джаркутан (2, табл. XVII, 10—14). Кроме них встречены бусинки с ребром и без него и одна обкладка с двумя штырьками, изготовленная из подпрямоугольной пластины, свернутой пополам.

Нами изучен состав металла 21 предмета*, 2 из которых были обнаружены в могильнике Бустан 3 (погр. 23 и 33), 12 — в могильнике Бустан 4 (погр. 4, 7, 10, 19, 25, 29, 32, 34 и 36) и 7 — в могильнике Бустан 5 (погре. 4, 9 и 12). Все изделия изготовлены на медной основе. Основной металлургической группой, как об этом свидетельствует корреляционный график олово-свинец и гистограмма олова (рис. 1 и 2, *в*), являются оловянистые бронзы. В этой группе привлекает внимание высоким содержанием олова (более 30,0%), сурьмы (15,0%) и мышьяка (4,5%) одно из-

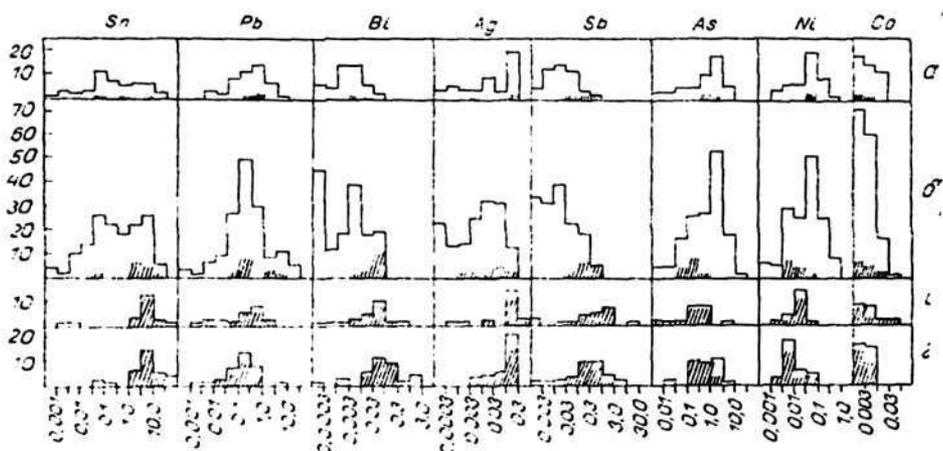

Рис. 2. Частотные гистограммы концентраций примесей к меди поселения Джаркутан (*а*), могильника Джаркутан (*б*), могильников Бустан 3, 4 и 5 (*в*) и могильника Тандырйул (*г*).

делие из могильника Бустан 4, что позволяет предположить использование комплексной оловянно-сурьяно-мышьяковистой лигатуры (рис. 2, *в*). В прочих предметах данной группы повышенное содержание сурьмы (от 0,1 до 1,5%), очевидно, носит естественный характер, т. е. связано с использованием высокосурьянистых руд. Два изделия сделаны из «чистой» меди.

Медь из могильников Бустан 3, 4 и 5 подразделяется на 5 химических групп — КД IIа, КД Iб, КД IIIб, КД IVб и ЧК III (рис. 1). Одно изделие отнесено к химически неопределенной группе. Четыре группы, условно обозначенные индексом КД (кугитанг-копетдагские), являются обычными для металла сапаллинской культуры. Они выделены в материалах поселения Сапаллителя, могильника и поселения Джаркутан, а также в памятниках Южного Туркменистана и Северного Афганистана (1). Как показывает корреляционный анализ, изделия этих групп характеризуются своеобразным сочетанием концентраций таких примесей, как серебро,

* Спектральный анализ изделий выполнен в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР.

висмут и мышьяк. Так, группа КД IIa характеризуется низкой концентрацией висмута (меньше 0,0003%), повышенной — серебра (0,003—0,3%) и мышьяка (0,3—10,0%). В группу КД Iб, сходную по составу с волго-уральской химической группой (3, с. 31, рис. 24), входят предметы с повышенным содержанием висмута (0,0003—0,1%) и серебра (0,003—0,3%) и малым количеством мышьяка (меньше 0,3%). Третья группа — КД IIIб — отличается пониженной концентрацией всех трех примесей: висмута, серебра и мышьяка (соответственно меньше 0,0003%, 0,003% и 0,3%). Для группы КД IVб характерно малое содержание серебра (меньше 0,003%) и мышьяка (меньше 0,3%) и повышенное — висмута (0,0003—0,1%).

Особого внимания заслуживает пятая химическая группа, которая является ведущей в бустанской коллекции. Она объединяет 16 изделий, или 76% металла. Медь этой группы обогащена примесью сурьмы (0,1—1,5%). Свообразием группы является также несколько повышенное содержание висмута (0,003—0,3%) и серебра (0,01—0,4%), пониженная концентрация никеля (0,001—0,1%) и высокая — оловянистых бронз (100%). Описанные отличия хорошо видны при сравнении гистограмм примесей к меди, с одной стороны, могильников Бустан 3, 4 и 5 и, с другой, — поселения и могильника Джаркутан (рис. 2). Вместе с тем нельзя не отметить и совпадения в распределении концентраций вышеуказанных примесей в меди некоторых изделий, происходящих из джаркутанских памятников. Таких предметов немного — около 20 находок*, причем некоторые из них выделены нами условно. Прочие изделия, в химическом составе которых повышенное количество сурьмы, отличаются содержаниями висмута или серебра, что исключает их принадлежность к данной группе. Не относятся к ней и находки, изготовленные из меди, обогащенной мышьяком, из-за положительной взаимосвязи между увеличением содержания мышьяка и сурьмы.

Металлические изделия комплекса из некрополя Тандырйул (4, с. 567; 5, с. 93—103; 6, с. 63—74; 7, с. 56—68), расположенного в Южном Таджикистане, находят как химические, так и металлургические соответствия в меди бустанской химической группы. В составе металла, из которого они изготовлены, также отмечается повышенное содержание сурьмы, висмута и серебра, которое ограничивается теми же пределами, что в бустанских бронзах (рис. 2, в, г). Здесь также понижена концентрация никеля и наблюдается положительная взаимосвязь между концентрациями висмута и сурьмы. Показательно сходство и в рецептурном составе: подобно металлу бустанской химической группы, медь всех изделий со сходной химической характеристикой из могильника Тандырйул легирована оловом (100%).

* На рис. 2 гистограммы распределения примесей в меди данной химической группы заштрихованы.

В коллекции этого могильника можно выделить ряд изделий, обнаруживающих химико-металлургическую близость к бустанским. Из 9 проанализированных нами образцов бусин 5 имеют иные химические и рецептурные показатели. Согласно спектральному анализу, эти находки изготовлены из высокооловянистых бронз (олова более 30%) со значительным содержанием сурьмы (0,8—3,3%) и висмута (0,65—2%). Кроме того, в их металле зафиксирована более высокая концентрация мышьяка (1—2,9%), нежели в меди прочих находок. Указанные черты роднят данные предметы с изделием, кстати, также бусинкой из могильника Бустан 4, о котором говорилось ранее.

В круг памятников, давших сходные металлы, следует включить еще южно-таджикостанское поселение Кангурттут (8). Химически сходную медь мы находим также в материалах чувской и бургулюкской культур в Ферганской долине и Ташкентской области (9). И, наконец, несколько изделий с подобной химической характеристикой обнаружено в одном из памятников степной бронзы — в могильнике Чакка Самаркандской области.

Близость химических составов металлургических изделий указанных памятников и культур позволяет предположить использование меди одних и тех же или по крайней мере геохимически родственных источников. Судя по геологическим данным, на юге Узбекистана в Кугитангтауских горах месторождения с подобной химической характеристикой пока не обнаружены. Они находятся севернее — в Чаткальском и Кураминском горнорудных районах (9, 10). Здесь же зафиксированы многочисленные следы древних работ по добыче медных и полиметаллических руд и производству металла, датированные преимущественно средневековым временем (11, 12). Некоторые из этих месторождений, как показал спектральный анализ, могли разрабатываться в более ранний период — в эпоху поздней бронзы. Отсутствие геохимических характеристик месторождений в Таджикистане не позволяет провести сравнение составов металла и руд, поэтому вопрос о связи местных месторождений с металлом выделенной нами химической группы пока остается открытым. В этом горном районе имеются медные и полиметаллические месторождения, в том числе оловорудные, где зафиксированы древние выработки (13, с. 170—179; 14, с. 23—27).

Вместе с геохимическими свидетельствами на северо-восточную локализацию источников меди этой группы указывает географическое распространение ее образцов. В настоящее время известно примерно 136 изделий, изготовленных из металла описанного состава, около половины которых происходят из Ферганской долины и Ташкентского оазиса (49,2%). Небольшая часть этой коллекции (6,6%) сосредоточена в бассейне Среднего Зарафшана. Примерно 1/5 ее (19,2%) обнаружена в памятниках Гиссарской и Вахшской долин. Прочие находки (25,0%) концентрируются в Сурхандарьинской области. Все это позволяет сделать

~~вывод о том, что некоторые изделия из могильников Бустан 4 и 5, поселения и могильника Джаркутан были сделаны из металла северо-восточного происхождения.~~ Возможно, его источники расположены в Чаткало-Кураминских горах, поэтому химическая группа, объединяющая предметы, сходные по составу с металлом северо-восточных областей Узбекистана, названа чаткало-кураминской (ЧК).

Наблюдаемая химическая близость металлов, очевидно, может служить свидетельством связей между литейщиками сапаллинской культуры и земледельцами Южного Таджикистана, в частности населением Гиссарской и Вахшской долин. На это указывают также типологические соответствия. Так, в инвентаре могильника Тандырбул найдены пластинки, подобные бустанским и джаркутанским. Причем все они изготовлены из металла ЧК III. На поселениях Джаркутан и Кангурттут (8) обнаружены сходные по форме ножи, имеющие рукоять и оттянутый к спинке конец клинка («хвостатые»). Много аналогий прослеживается и в керамическом материале из памятников этих районов (4, 5, 6). Уместно упомянуть и о двух сходных мужских фигурках из необожженной глины, найденных в могильниках Джаркутан* и Тандырбул (4, 5, 6), которые являются пока единственными находками в памятниках южно-среднеазиатских культур эпохи поздней бронзы.

Время начала контактов определяется датой джаркутанского этапа сапаллинской культуры (1500—1350 гг. до н. э.), комплексы которого содержат металл группы ЧК III. Правда, эта дата не твердая, поскольку количество таких находок здесь незначительно (всего 3 образца), к тому же часть из них отнесена к химической группе ЧК III условно. Больше свидетельств имеется в материалах кузалинского периода, датируемого 1350—1200 гг. до н. э.

Итак, спектральный и сравнительный анализ металла из могильников Бустан 3, 4 и 5 позволил выявить новые черты металлообрабатывающего производства в сапаллинской культуре**. Они выражены использованием новых типов сплавов как искусственного, так и естественного происхождения, приоритетом оловянистых бронз, использованием металла иного состава (и, следовательно, новых источников сырья) и переменами в ориентации связей сапаллинского очага металлообработки в поздних периодах его развития. Все эти перемены мы склонны

* Рисунок мужской фигурки из могильника Джаркуртан опубликован в журнале: *Фан ва турмуш*. 1984. № 12.

** Ранее мы не имели данных, свидетельствующих о химической близости металла из памятников Южного Узбекистана и могильника Тандырбул, поселения Кангурттут и памятников северо-восточных областей Узбекистана, что нашло отражение в одной из публикаций автора (9, с. 61). Они были получены недавно после спектроаналитических исследований металлических находок из могильников Бустан 4 и 5. Эти материалы позволили выделить в коллекции из Джаркутана ряд изделий с подобной химической характеристикой.

объяснять внешними воздействиями со стороны южно-таджикостанских литейщиков, не исключая при этом возможности их проникновения на территорию Южного Узбекистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рузанов В. Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1982.
2. Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
3. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья//МИА. М., 1970. № 172.
4. Литвинский Б. А., Антонова Е. В., Виноградова Н. М. Раскопки могильника Тандырйул//АО. 1975. М., 1976.
5. Антонова Е. В., Виноградова Н. М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г.//АРТ. Вып. 14. Душанбе: Дониш, 1979.
6. Виноградова Н. М. Отчет о раскопках могильника Тандырйул в 1975 г.//АРТ. Вып. 15. Душанбе: Дониш, 1980.
7. Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г.//АРТ. Вып. 18. Душанбе: Дониш, 1983.
8. Виноградова Н. М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978)//АРТ. Вып. 18. Душанбе: Дониш, 1983.
9. Рузанов В. Д. К вопросу о металлообработке у племен чувской культуры//СА. 1980. № 4.
10. Рузанов В. Д. О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана//ИМКУ. Вып. 15. 1979.
11. Массон М. Е. К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка//Тр. ТПЭ. Вып. 37. 1936.
12. Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.
13. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов//Тр. АН ТаджССР. Т. 33. 1962.
14. Равич И. С., Седов А. В., Шемаханская М. С. Применение моделирования к изучению древних бронз южного Таджикистана//Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.

К. АБДУЛЛАЕВ, Т. АННАЕВ

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ЗАРТЕПА В 1979—1981 гг.

Многолетние исследования на городищах Дальверзинтепа (1) и Зартепа (2) выявили архитектурно-планировочную структуру финального этапа развития позднекушанского города. Не меньший интерес в плане археологического изучения материальной культуры Бактрии — Тохаристана раннесредневекового периода представляет анализ данных, полученных из посткушанских слоев. Для этой цели Институтом археологии АН УзССР были проведены раскопочные работы на цитадели городища Зартепа.

Цитадель городища занимает площадь более одного гектара. В ее северной части выделяется небольшой холм высотой около 10 м, который был выбран в качестве объекта исследования; пло-

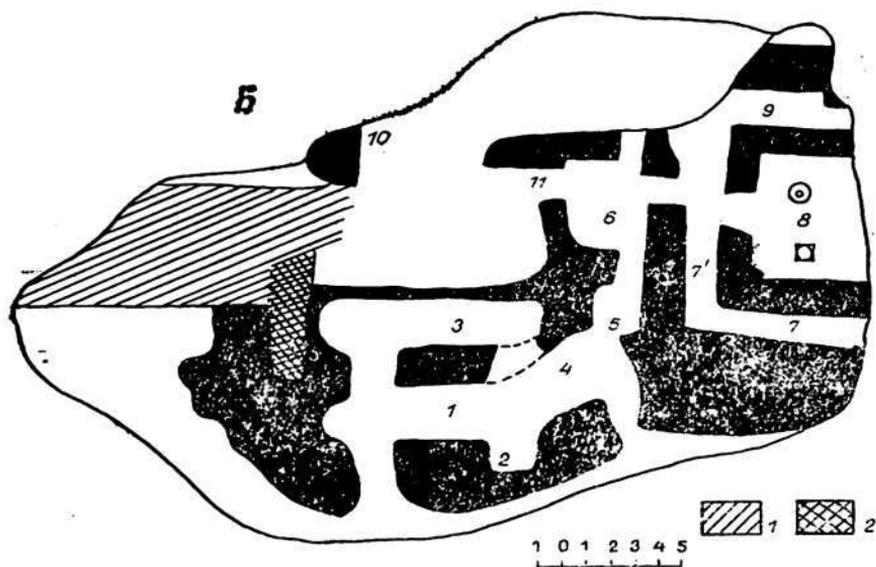
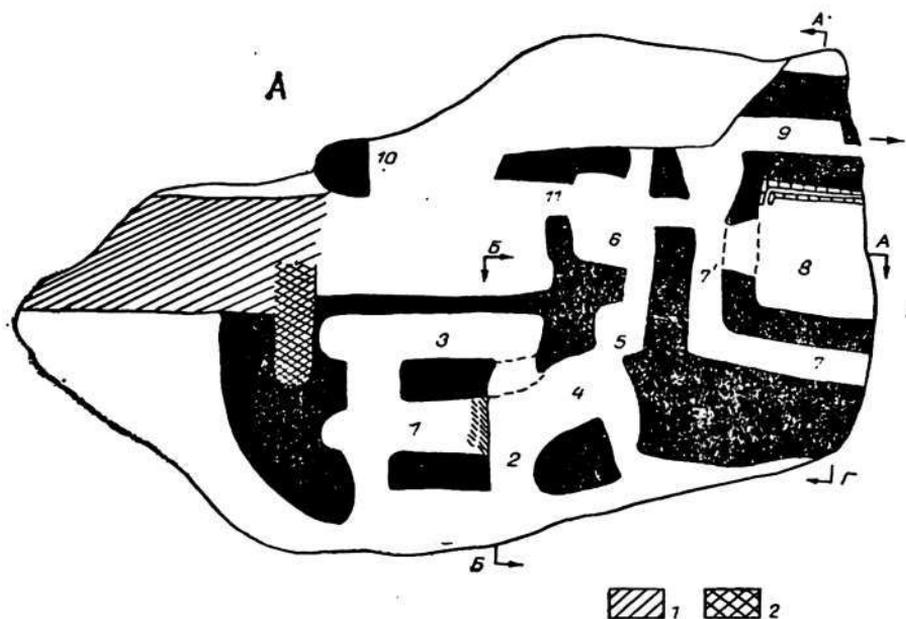

Рис. 1. Общий план помещений первого (верхний) и второго (нижний) строительных горизонтов:

1 — сырцовая кладка; 2 — остатки второго этажа.

щадь вскрытого участка — 26×27 м. В ходе работ установлено, что постройки возводились на гребне крепостной стены позднекушанского времени. Из-за плохой сохранности юго-западной части холма установить точные размеры его не удалось. В процессе работ были вскрыты остатки 13 помещений, относящихся к двум строительным периодам. Поверх цитадели кушанского времени была расчищена стена толщиной 5 м на протяжении 7,5 м, которая замыкала по периметру жилую застройку. Однако вход на территорию обнаружить не удалось, это дало основание полагать, что попасть туда можно было только через перекидной мост. Сам же комплекс в целом представлял, по всей вероятности, замок раннесредневекового времени.

Постройки первого строительного периода, существовавшие на протяжении двух этапов, соответствуют двум нижним уровням полов. На первом этапе формирования комплекс состоял из зала (пом. 8) с обводным коридором помещений 7,8; центральную часть построек занимали два прямоугольных помещения 5 и 6, к северо-востоку от которых располагались длинные сводчатые помещения 1 и 3. Входы помещения 1 вели на восток к площадке, максимальная ширина которой 2,5 (рис. 1, а). Помещение 8 (зал) ориентировано по линии север—юг, размеры его: $5,4 \times 5,3 \times 4—4,7$ м; к востоку от него находится коридор шириной 1,5—1,6 м. Вдоль западной и частично южной стен зала было расположено суфообразное сооружение, обмазанное глиняной штукатуркой. Стенка его выложена параллельно двумя рядами кирпичей размерами $50 \times 25 \times 10$ см, образуя, по всей вероятности, дымоходное отверстие отопительного сооружения наподобие кана. Об этом свидетельствуют следы прокаленности на внутренней поверхности. Более явные следы огня присутствуют в помещении 9; не исключено, что очаг находился именно здесь. По-видимому, отопительная система проходила вдоль плоскости стен и через крышу имела выход наружу. С запада зал огибает помещение 9 (его длина 4,6—4,7 м); в северной части был расчищен проем шириной 0,7 м. Пол помещения устроен на выровненном гребне крепостной стены, обмазанном глиной. Вдоль южных стен обводного коридора расположены прямоугольные в плане помещения 5 и 6, сообщавшиеся между собой проходом. Размеры помещения 5: южная стена 1,9 м, западная от угла до прохода 1 м. Помещение 6 с четырьмя проходами по сторонам расположено в центральной части замка. Восточную часть комплекса занимают два параллельно расположенных сводчатых помещения 1 и 3, ширина которых по 2,2 м. Помещение 4 имеет проходы, выходящие на восток; северо-западные стены его имеют округлые очертания. С восточной стороны помещения 1 имеется открытое пространство шириной 2,5 м, которое предположительно занимал айван.

Второй этап обживания замка характеризуется значительными перестройками, прежде всего они коснулись зала. С повышением

уровня забутовано отопительное устройство, одновременно перекрытие потолка дополнительно укреплено двумя колоннами.

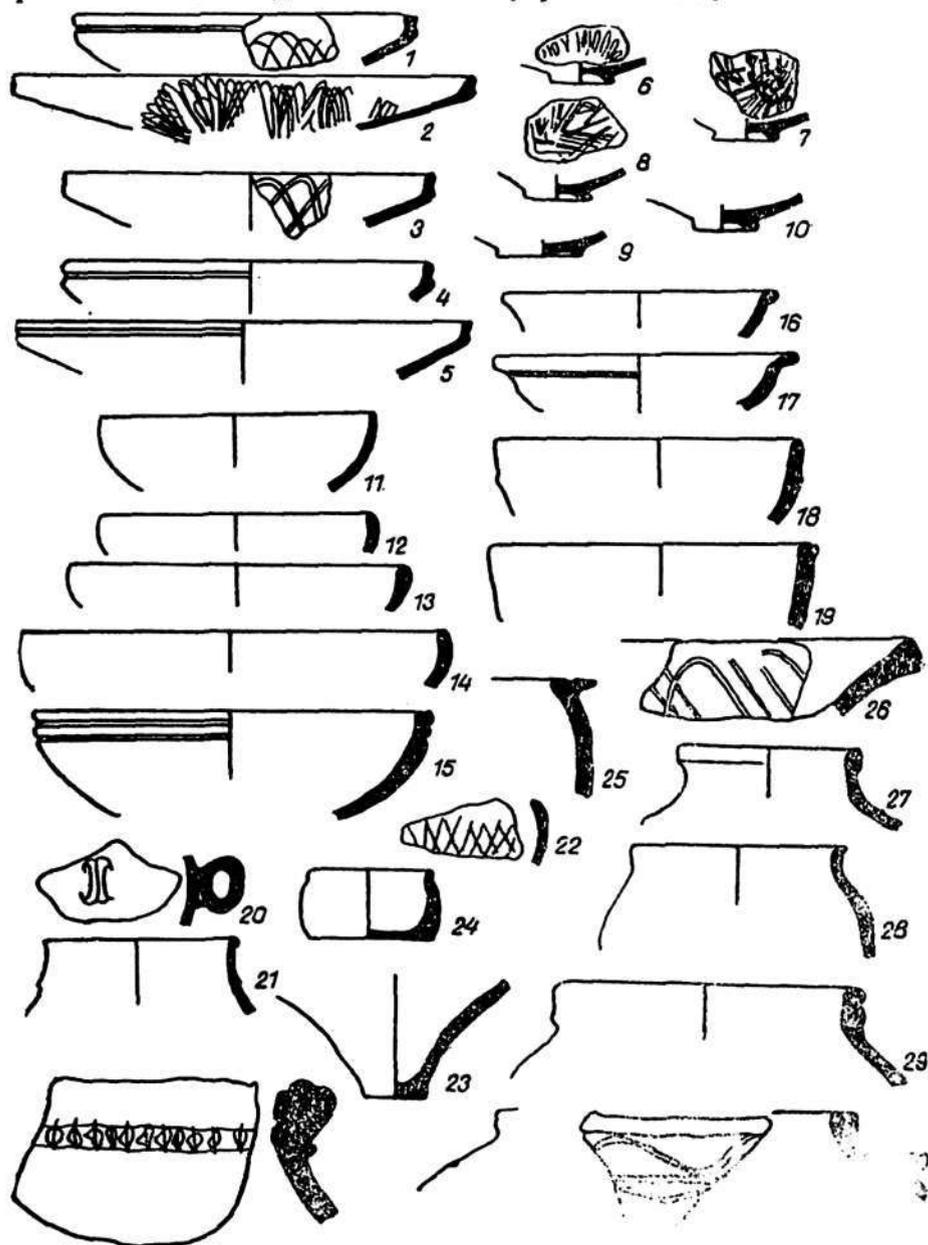

Рис. 2. Керамический комплекс 1 этапа.

Вход в зал перенесен на его южную сторону. In situ обнаружено основание колонны, представляющее собой обтесанный камень.

диаметром 0,65 м и высотой 10 см; в нижней его плоскости имеется крестовидное углубление размерами 2×25 см. На уровне того же пола была расчищена база колонны, изготовленная из мергелистого известняка со сторонами 0,5×0,5 м; форма торовидная с двумя профилированными валиками. В середине верхней плоскости базы имеется неглубокая выемка квадратной формы.

Ремонтам подвергались южный фас комплекса и внешняя восточная часть помещения 1, где сооружена дополнительная стена. В результате перестроек на месте прохода (пом. 2) образована ниша глубиной 1,5 м. На первых двух этапах первого строительного периода существовал второй этаж.

Второй строительный период также делится на два этапа, которые соответствуют двум верхним уровням полов, зафиксированных в помещениях 7, 8, 10 и 11. На первом этапе продолжал функционировать зал с двумя колоннами. Часть обводного коридора на одной линии с южной стеной зала заложена рядами из сырцовых кирпичей (50×25—30×9—10 см); впоследствии на месте прохода в зал образована ниша. В отдельный отсек обособлено и помещение 7. Сводчатые помещения 1 и 3 в восточной половине комплекса и помещения 5 и 6, расположенные в его центральной части, полностью забутованы. К двум этапам функционирования второго периода относятся также помещения 10, 11, 12. Над забутованными сводчатыми помещениями возведено помещение 13.

В процессе раскопок замка цитадели Зартепа был собран значительный керамический материал, который позволяет выделить 4 этапа обживания замка в его финальный период существования. Из находок к первому этапу замка можно отнести 47 фрагментов керамики, среди которых имеются чаши (12 фрагментов). Преобладают чаши с вертикальным венчиком (рис. 2, 1—5) с орнаментальным лощением по внутренней поверхности в виде овально пересекающихся линий и растительных мотивов (рис. 2, 6—8, 13); полусферические со слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 2, 11—13); с венчиком, отогнутым наружу (рис. 2, 16—17); миски полусферической формы (рис. 2, 14—15); кувшины (рис. 2, 27); широкогорлые горшки (рис. 2, 28—29); усеченно-конические бокалы (рис. 2, 23); кружки с вертикальным горлом (рис. 2, 21); кружки одноручные с округлым туловом (рис. 2, 20). Тарная посуда представлена хумчами с горлом, оформленным волнистым орнаментом (рис. 2, 29—30) и хумчами с налетом под венчиком, с резным ленточным орнаментом (рис. 4, 31). Лепная посуда состоит из мисок усеченно-конической формы (рис. 2, 18—19) и банкообразного сосуда.

Керамические изделия второго этапа, составляющие синхронный комплекс, найдены на полях помещений 1—6 и 9 и третьего пола помещений 7 и 8. Заметное изменение наблюдается в формах чаш, среди которых доминируют полусферические; с утон-

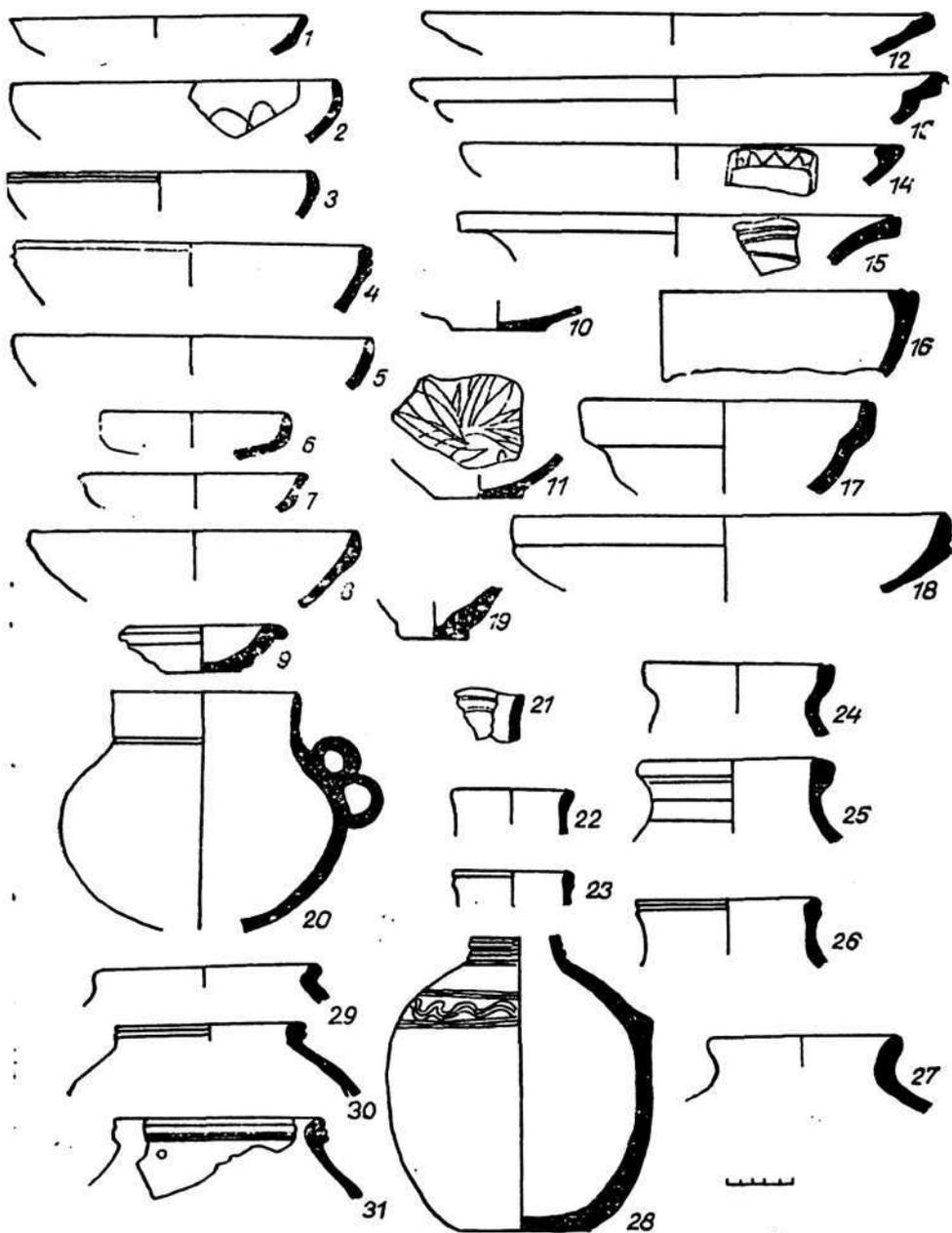

Рис. 3. Керамический комплекс 2 этапа.

чающимся к верхней части или утолщенно-округлым венчиком (рис. 3, 3, 5—6); на некоторых образцах сохранилось лощение в виде полуовальных линий (рис. 3, 2, 11). Встречаются чаши с отогнутым наружу венчиком и чаши усеченно-конической профилировки (рис. 3, 7—8). Керамика рассматриваемого этапа включает миски усеченно-конической (рис. 3, 12—15) и полусферической форм (рис. 3, 16), на первых сохранилась выемка на венчике, между тем как стенки стали более тонкими, а с внутренней стороны появился уступ (рис. 3, 13).

Встречено 9 фрагментов кувшинов, в том числе кувшинов со сливом (рис. 3, 21), узкогорлых (рис. 3, 22—23) и одноручных широкогорлых (рис. 3, 24—27). Причем у кувшинов с узким горлом вдоль борта появился волнистый орнамент, заключенный между параллельными линиями (рис. 3, 28). Среди столовой посуды встречаются бокаловидные сосуды (рис. 3, 19); кружки с двумя спаренными ручками (рис. 3, 20); горшки с выемкой для крышек (рис. 3, 29—31); горшки с вертикальной стенкой (рис. 4, 10). Кухонная и тарная посуда представлена сосудами с отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 9) и одной округлой ручкой; лепными горшками с шарообразным туловом (рис. 4, 4—7); круглодонными мисками (рис. 3, 17—18); котлами цилиндрической формы с округлым дном (рис. 4, 1—3) и банкообразным сосудом с плоским дном (рис. 4, 13). В слоях рассматриваемого этапа были обнаружены хозяйственные подставки (2 экз.) с рифлеными краями (рис. 4, 11—12); чираг в виде небольшой чашечки (рис. 3, 9); фрагменты тагора с усеченно-конической профилировкой (рис. 4, 14—15); с перегибом в средней части корпуса (рис. 5, 16). Хумы и хумчи представлены 27 фрагментами. Хумчи, как правило, имеют слабовыделенную шейку с параллельно следующей волнистой орнаментацией (рис. 2, 29—30); хумы с фигурным венчиком (рис. 4, 20); одноручные хумы с процарапанным геометрическим орнаментом вдоль горла, заключенным между двумя параллельными линиями (рис. 4, 17); хумы с буровато-коричневым ангобом (рис. 4, 19—20).

Керамика с поверхности первых полов помещений 10—12 второго строительного горизонта замка цитадели составляет третий комплекс. Общее количество предметов третьего комплекса составляет 69 фрагментов, из них 41 образец изготовлен на гончарном круге, остальные 28 вылеплены вручную. Здесь встречаются узкогорлые и широкогорлые кувшины (рис. 4, 24—26); небольшие чаши (рис. 4, 21—22); чираги со смятым сливом (рис. 4, 31) и часть светильника с ленточным орнаментом в виде вдавлений, нанесенных пальцем (рис. 4, 30). Котлы имеют зауженное горло, под которым расположено по две ручки с каждой стороны в виде выступа (рис. 4, 27); цилиндрические котлы представлены двумя разновидностями: с отогнутым наружу венчиком, под которым расположен ленточный вдавленный орнамент (рис. 4, 29), и с за-

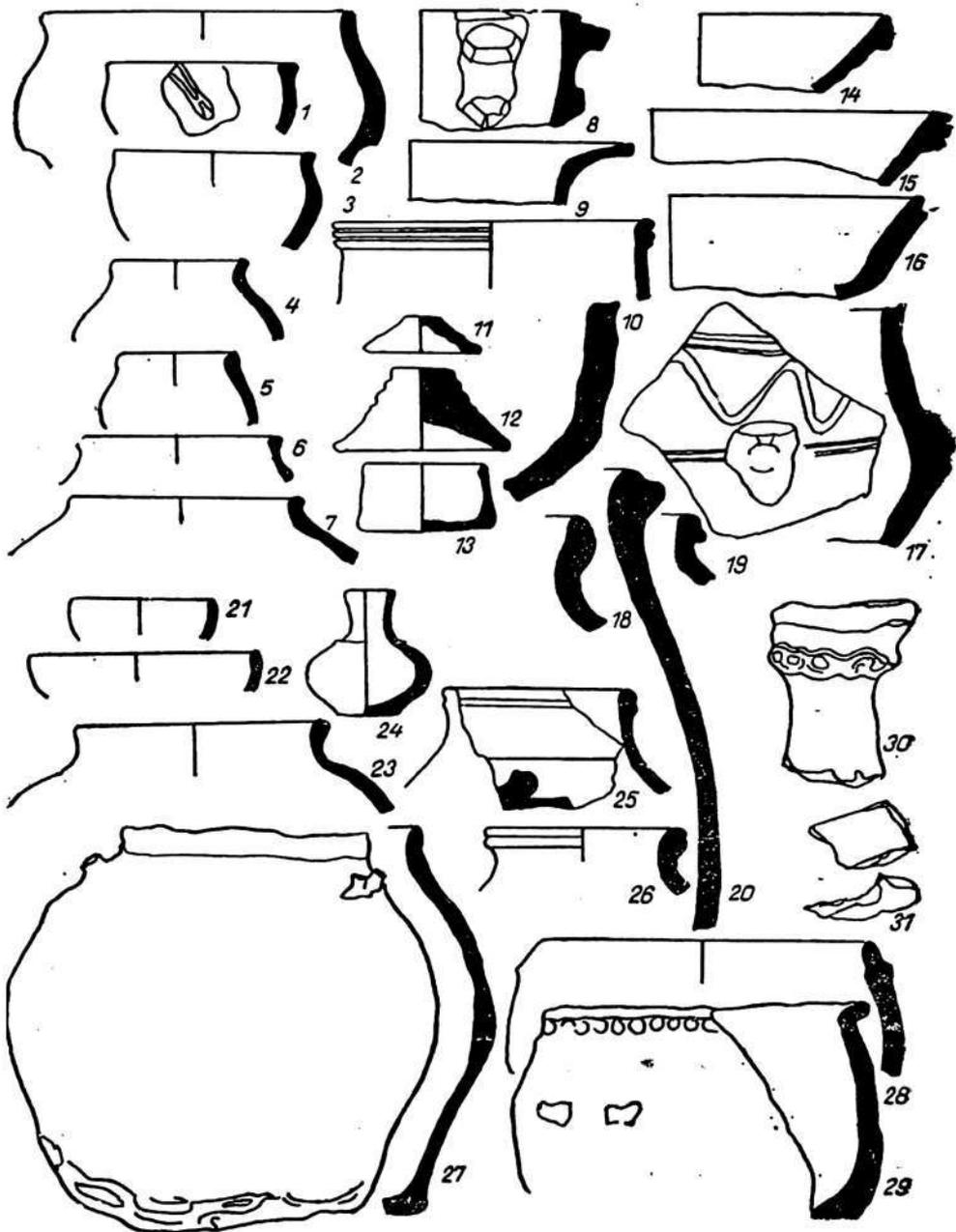

Рис. 4. Керамический комплекс 3 этапа.

остренным в верхней части венчиком (рис. 4, 28). Горшки имеют вертикальное горло и округлый корпус (рис. 4, 23).

Наряду с керамической посудой на третьем полу зала были обнаружены антропоморфная и зооморфные статуэтки и налп в виде антропоморфизированной головки льва (под первым полом помещения 1); металлический сосуд (на втором полу помещения 9); зернотерки и жернова, изготовленные из порфирита и диорита. Зернотерки продолговатой формы с приподнятым краем, жернова круговращательные с отверстием в центре, на некоторых из них по краям имеется отверстие, использовавшееся для прикрепления деревянной ручки. Точильные камни—оселки—продолговатой формы были найдены на поверхности третьего пола помещения 8; были встречены также пряслица полусферической формы из белого алебастра, украшенные резными концентрическими кругами по окружности, а также пряслица, выточенные из керамики.

Синхронизацию керамических комплексов представляется целесообразным начать с нижних, т. е. ранних полов. Сюда можно отнести керамику второго пола помещений 5, 6, 7 и 9, четвертого пола помещений 7 и 8. Судя по отдельным кушанским монетам, керамическим формам и формам сырца, непосредственно под этими полами следуют слои позднекушанского времени. Традиционно многие формы кушанского керамического комплекса продолжали существовать в последующее время, хотя претерпели некоторые изменения. Так, например, чаши с вертикальным венчиком и орнаментальным лощением по внутренней поверхности, в значительном количестве представленные в первом комплексе, являются ничем иным как эволюционизированным вариантом кушанских кубковидных чаш, которые встречаются в комплексах Зартепа (3); в комплексах второго периода Каратепа (4). Аналогичный материал обнаруживается в синхронных слоях крепости Талитагора (5). К кушанским керамическим комплексам следует отнести чаши усеченно-конической профилировки; чаши с отогнутым наружу венчиком (рис. 2, 16, 17); бокалы с полосчатым лощением снаружи (рис. 2, 22). Появление одноручных кружек округлой формы скорее всего можно связать с позднекушанскими цилиндро-коническими чашами.

Для керамики второго комплекса замка цитадели Зартепа характерно отсутствие чаш с вертикальным венчиком и лощением. Лощение сохраняется на полусферических чашах (рис. 3, 2, 11). К числу кушанских типов, именуемых в литературе «столовая тагора», относятся миски полусферических и усеченно-конических форм, с процарапанным или резным геометрическим орнаментом по верхней части (рис. 3, 16). Среди столовой посуды тяготеющими к позднекушанской керамике следует отметить кувшины со сливом, происходящие, по всей вероятности, от эйнхоевидной посуды (рис. 3, 21). С позднекушанским комплексом можно связать горшки с выемкой для крышки и сквозными от-

верстиями под венчиком (рис. 3, 29, 31); круглодонные лепные миски, изготовленные путем тиснения (рис. 3, 12, 18); кухонные горшки с вертикальным венчиком (рис. 4, 10), тагора с гофрированным венчиком.

В отличие от позднекушанских комплексов в керамике первых двух этапов характерно полное исчезновение двуручных кувшинов, на месте которых возникает новая форма в виде одноручного кувшина овальной профилировки с плоским дном, украшенного в верхней части тулова процарапанным волнистым орнаментом, заключенным между двумя параллельными линиями (рис. 3, 28). Одним из существенных отличий керамики данных этапов является появление двуручно-спаренных кружек с вертикальным венчиком, наиболее ранние аналоги рассматриваемого типа можно найти среди керамического материала II—IV вв. н. э. памятников долины реки Арысь (6, с. 186) и Караул-тюбе в Отрарском оазисе (7, с. 75).

Состав третьего керамического комплекса, который связывается с финальным этапом обживания замка цитадели, входят сосуды с вертикальным венчиком, покрытые красновато-бурью ангобом. Здесь же встречается посуда, украшенная росписью красной краской — продолжение декоративной традиции первых двух этапов (рис. 2, 25). Для керамики финального этапа характерно увеличение количества лепной посуды (рис. 4, 27—29).

Таким образом, керамические комплексы двух первых этапов довольно ясно свидетельствуют о преемственности традиций позднекушанского гончарного производства. Верхний рубеж обживания древнего города датируется концом IV — первой половиной V в. н. э. (3; 8; 9). Исследования замка на цитадели Зартепа показали, что замок представляет собой непрерывное звено в жизни древнего города. Из обнаруженной 21 монеты* самая ранняя (10-ая монета) датирует время возведения замка. Она относится к чекану кушаншаха Хормизда и датируется, по В. Г. Луконину, 450—457 гг. Верхнюю дату функционирования замка дает 21-ая монета, анэпиграфная, с изображением на одной стороне лица в фас, а на другой знака , или раннесогдийская монета с погрудным изображением и У-образным знаком. Условия находок монет подобного типа рассмотрены Д. Давутовым. Ссылаясь на Б. И. Маршака, он отмечает, что эти монеты встречаются в слоях VII—VIII вв. Педжикента, но отсутствуют в кладах. Исходя из этого, исследователь делает вывод о возможном прекращении их чеканки к этому времени. Так как монеты данного типа найдены вместе с монетой Пероза на Дильберджине, он склонен датировать ее появление концом V — первой половиной VI в. (11, с. 6).

Таким образом, при абсолютных датах функционирования

* Все монеты определены Е. В. Зеймалем; определение дается по схеме В. Г. Луконина (10, с. 31).

замка на цитадели Зартепа с четырьмя этапами лежит в пределах второй половины V — первой половины VI в.

Значительный интерес с точки зрения художественной культуры рассматриваемого периода представляют собой образцы терракотовой скульптуры, найденные в достоверных стратиграфических условиях. В одном слое с монетой Хормизда был обнаружен фрагмент верхней части тулова сосуда. Последний изготовлен из теста мелкой отмучки; черепок звонкий с качественным ровным обжигом. Внешняя поверхность была покрыта ангобом желтовато-коричневого цвета. Тулово сосуда украшали штампованные налепы, последовательность которых проследить трудно, однако по местам сколов можно судить об их различных размерах и конфигурациях. Единственный сохранившийся полностью налеп выполнен в технике высокорельефного штампа. Размеры его 40—41 мм. В диаметре передает голову антропоморфизированного хищного зверя с чертами львиного лика. Голову обрамляет ореол округлых выступов-перлов. Лобную часть украшает ожерелье наподобие диадемы, контуры которой подчеркнуты углубленной линией. Тщательно проработаны ушные раковины, нижнюю часть которых продолжают серьги округлой формы с поперечным перехватом в верхней части. Несколько схематично показанные глаза выделены выступающими веками и рельефом округлого зрачка. Нижняя часть звериного лика проработана штрихами, изображающими волосяной покров (щетину) животного; подбородок раздваивается; пасть приоткрыта, уголки загнуты вверх, продолжая линию носа, который обозначен треугольным рельефом. На фрагменте сохранилась часть штампа нижнего орнаментального пояса, следующего ниже в чередующемся порядке; сохранилась центральная часть налепа, которая представляет собой три вытянутых лепесткообразных выступа, напоминающих розетку.

Приемы декоративного обрамления в виде «перлов», заключающих в центр изображение зооморфного или антропоморфного характера, напоминают технику зерни в художественном металле и большей частью связаны с созданием образцов торевтики. Наглядным примером тому могут служить изделия сасанидского серебра (12, табл. 41). Сходные манеры в приемах художественной передачи можно наблюдать на медальоне из Пенджикента (13, рис. 33), из того же памятника происходит налеп оссуария из науса 13 некрополя древнего города, на котором представлено гротескное изображение хищного зверя (14, рис. 16). О широком распространении подобного приема в керамической орнаментике на довольно обширном пространстве свидетельствуют многочисленные образцы художественной терракоты Хотана (15, рис. 448, 689, 690). Если появление мотива «перлов» в керамике можно связать с подражанием изделиям из благородных металлов, то декоративное оформление костюмов персонажей на росписях из Афрасиаба (16, табл. V, VI и сл.), а также использова-

ние этого мотива в качестве бордюрного элемента говорит об одном из наиболее излюбленных мотивов древних мастеров искусства раннесредневековой поры.

В слоях, датированных монетой кушаншаха Пероза (457—459 гг.), была найдена терракотовая фигурка слона. Терракота изготовлена из теста мелкой отмучки; излом коричневого цвета, обжиг неравномерный; поверхность терракоты покрыта ангобом желтоватого оттенка. Максимальная длина—6,5 см. Довольно

выразительно вылеплена голова животного с оттопыренными ушами. Глаза имеют вид глубоко просверленных отверстий. Массивные выступающие бивни и длинный хобот между ними придают фигуре животного монументальный вид. Эти статуэтки, в большом количестве ввозившиеся на территорию Средней Азии, приобрели большую популярность (17, с. 49).

В синхронном слое было обнаружено терракотовое изображение женского божества (рис. 5). Терракота выполнена в технике штампа высокого

Рис. 5. Терракотовая скульптура с погрудным женским изображением.

рельефа; края и тыльная сторона подрезаны инструментом. Тесто мелкой отмучки, черепок в изломе розового цвета, обжиг ровный, качественный; поверхность фигурки покрыта темно-красным ангобом. Мягкий овал лица обрамляют локоны в виде косых вдавлений. На лоб ниспадают завитки кудрей. Черты лица переданы в реалистической манере; широкие дуги бровей ровно продолжают линию прямого носа; глаза моделированы ровно выступающими рельефами век. Уголки полных губ отмечены ямочками, словно они едва улыбаются. Плавно очерченный подбородок продолжает линию обнаженной шеи богини, не имеющей украшений. Плечи охватывает толстый шарф, складки которого обозначены прямыми вдавленными линиями, проведенными параллельно его контурам. Окаймленный край платья орнаментирован точечными углублениями, изображающими, по всей вероятности, нашивные бляшки или украшения. Левое предплечье показано невысоким выступом, и лишь линии складок рукава тремя насечками подчеркивают согнутую руку богини.

Кисть левой руки, расположенной на уровне груди, отколота. Правая рука, как и левая, прижата к груди. Особый интерес представляет рельеф, выполненный на фоне шарфа: лишь при пристальном рассмотрении можно различить голову животного. Нос тупой формы, рот, показанный двумя черточками, тонкая полоска, опущенная вниз и обозначающая ухо — указанные признаки дают основание полагать, что это изображение ягненка или близкого к этому виду животного.

Непосредственные аналоги данного сюжета из имеющегося коропластического материала привести трудно, однако наличие атрибута в виде животного облегчает идентификацию образа. Изображение богини с ягненком в первую очередь ассоциируется с божеством, покровителем животного мира, живой природы. В религиозном пантеоне Бактрии — Тохаристана и сопредельных историко-культурных регионов подобную функцию выполняли женские божества, чей культ не всегда был отражен в изобразительном искусстве. В авестийском пантеоне одним из таких божеств является Арамати. «Пророк (Зороастр. — А. К.) обращается к прекрасной Арамати, чтобы она взяла скот под свое покровительство» (18, с. 61). Сходные элементы можно наблюдать и в культе Ардвисуры-Анахиты, в синкретизированном образе которой прослеживаются черты греческой Артемиды (монеты греко-бактрийского царя Деметрия (19, с. 134). В кушанском пантеоне аналогичную функцию выполняет богиня Нанайя (Нана), чей образ запечатлен на монетах Канишки; богиня представлена в длинном складчатом одеянии со скипетром, заканчивающимся протомой коня (19, с. 137).

В целом для V—VIII вв. на территории Северного Тохаристана наблюдается значительное сокращение изделий мелкой пластики. Так, около 50 изученных раннесредневековых памятников дали 22 терракотовые статуэтки. Сходная картина наблюдается среди синхронных раннесредневековых комплексов Юго-Восточного Таджикистана, где до настоящего времени отмечается отсутствие образцов терракотовой пластики (20, с. 138; 21). Резкое сокращение терракотовой скульптуры объясняется особенностями архитектурного развития раннесредневековой поры, для которой характерно преобладание высотной архитектуры в сельском ландшафте (22, с. 17), а также тем, что наличие в культовых комплексах монументальной скульптуры и настенной живописи ограничивало употребление статуэток в качестве культовых предметов (23, с. 9).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
2. Массон В. М. Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.

3. Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг.//СА. 1979. № 3.
4. Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе//Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. Вып. 4. М.: Наука. 1975.
5. Аннаев Т. Раскопки на Талитагора и некоторые вопросы водоснабжения древнего Термеза и его округи//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент: Фан, 1984.
6. Подушкин И. Н. Новые поселения раннеземледельческой культуры на юге Казахстана//Известия АН Казахской ССР. Сер. обществ. науки. 1968. № 6.
7. Акишев К. А., Байбаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
8. Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана/вопросы хронологии и периодизации//ОНУ. 1981. № 4.
9. Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана/вопросы типологии поселений и культурогенеза//ОНУ. 1981. № 6.
10. Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты//ЭВ. XVIII. Л., 1967.
11. Давутов Д. Денежное обращение раннесредневекового Пенджикента (V—VIII вв.)//АКД. Л., 1982.
12. Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935.
13. Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971.
14. Ставицкий Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. В. Пянджикентский некрополь//МАИ. М.—Л., 1953. № 37.
15. Дьякова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Л., 1960.
16. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
17. Абдуллаев К., Аннаев Т. Изображение слона в искусстве античной Бактрии//Природа. 1986. № 5.
18. Авеста. Гаты. Пересказ В. И. Абаева. Цит. по: Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2. М., 1980.
19. Тревер К. В. Золотая статуэтка из селения Хаит/к вопросу о Кушанском пантеоне//ТГЭ. Т. 2. Л.—М.: Искусство, 1958.
20. Седов А. В. Археологические комплексы Кобадияна середины IV—V вв. н. э.//Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье/тезисы конференции. М., 1981.
21. Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана. М.: Наука, 1985.
22. Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана//АКД. Л., 1984.
23. Абдуллаев К. Керамика Бактрии — Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи//АКД. М., 1985.

А. БОБОХАДЖАЕВ, Т. АННАЕВ, Ш. РАХМАНОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДГОРНОЙ И ГОРНОЙ ПОЛОСЫ КУГИТАНГ-БАЙСУНТАУ*

Поселения предгорной и горной полосы Байсунтау и прилегающей территории базировались на поймах небольших горных речек типа Мачай, Байсунсай или горных источников (рис. 1).

* Регион рассматриваемых памятников простирается от местности Ходжаункан и до селения Паданг, т. е. занимает горную часть современного Байсунского района. Всего выявлено 18 памятников, включая местность, где находились «Железные ворота». Из них в настоящее время 4 (поселения в Мачай, Дербенте, Авлате и Актепа у Шураба) полностью разрушено, 7 — Лунгитепе в местности Ходжаункан, Дуньятепа и Мунчактепа, безымянное поселение

Появление их на рассматриваемой территории объясняется несколькими причинами, определяющей из которых был выбор местности, богатой пастбищами и водными ресурсами, полезными ископаемыми, естественными возвышенными участками, облегчающими обзор местности. От этих факторов во многом зависело функциональное назначение поселений и определение ведущей отрасли в экономике их обитателей. В древности и средние века такие поселения, как безымянное у мавзолея Ходжа-Кошкарон (1, с. 171—172), Дуньятепа и Мунчактепа, специализировались на добыче сырья и металлопроизводстве. На безымянном поселении у Ходжа-Кошкарон наряду с жилыми комплексами выделяются металлургические горны.

На Мунчактепа и Дуньятепа, судя по колоссальным отходам (которые располагаются в радиусе 2 км), предварительная обработка руд производилась за пределами поселения.

От выбора местности зависела общая планировка населенных пунктов. Поселения, основанием которых служили естественные возвышения, имели, как правило, многоугольную (Поенкурган, Кургани-боло) или вытянутую формы (безымянное у мавзолея Ходжа-Кошкарон). Для равнинной местности характерна регулярная планировка (квадрат — Лунгитепа, прямоугольник — безымянное около Поенкургана), которая перекликается с планировкой памятников равнинной части долины (рис. 2). Вследствие изолированности горных поселений (к их числу относятся Поенкурган, Лунгитепа и безымянное около Поенкурган) керамическое производство имело специфические черты. В связи с этим наиболее целесообразным представлялось изучение стратиграфии этих поселений.

Лунгитепа находится в местности Ходжаункан. Поселение двухчастное (45×40 м, высота 5 м); к западу на расстоянии 50 м от него располагается прилегающая территория в виде отдельных холмов (рис. 2). Стратиграфический шурф (9×1, 30 м) заложен в северо-западном углу. Общая толщина культурных слоев с двумя строительными горизонтами достигает 4,5 м. Стены первого горизонта воздвигнуты на пахсовой платформе, которая сохранилась на высоте немногим более 1 м и сооружена из сырца (46×12×20 см.)

Второй строительный горизонт находится в пределах I—IV ярусов, высота около 3 м, ширина 0,8—1,3 м. Сооружение — из пахсы. Между двумя горизонтами лежит слой рыхлой земли со значительным включением керамики. Позднее он прорезан бадрабом высотой 3 м, шириной 1 м (рис. 3).

в кишлаке Шураб и безымянное поселение в 500—600 м к востоку от Пойкурган или Поенкурган, Туратепе и Кулалтепе рядом с мотильником Лоплаган — выявлено впервые. Мунчактепа (рассредоточенного типа, площадью около 3 га) и Дуньятепа (двухчастное, 30×60 м, высота 4) находятся в 18 км к юго-западу от кишлака Шураб в горах Алами в местности Гурдара. Сохранилось безымянное тепе в центре кишлака Шураб (диаметр 30 м), другое безымянное тепе около Поенкурган — прямоугольное, имеет размеры: 50×35 м, высота 4 м.

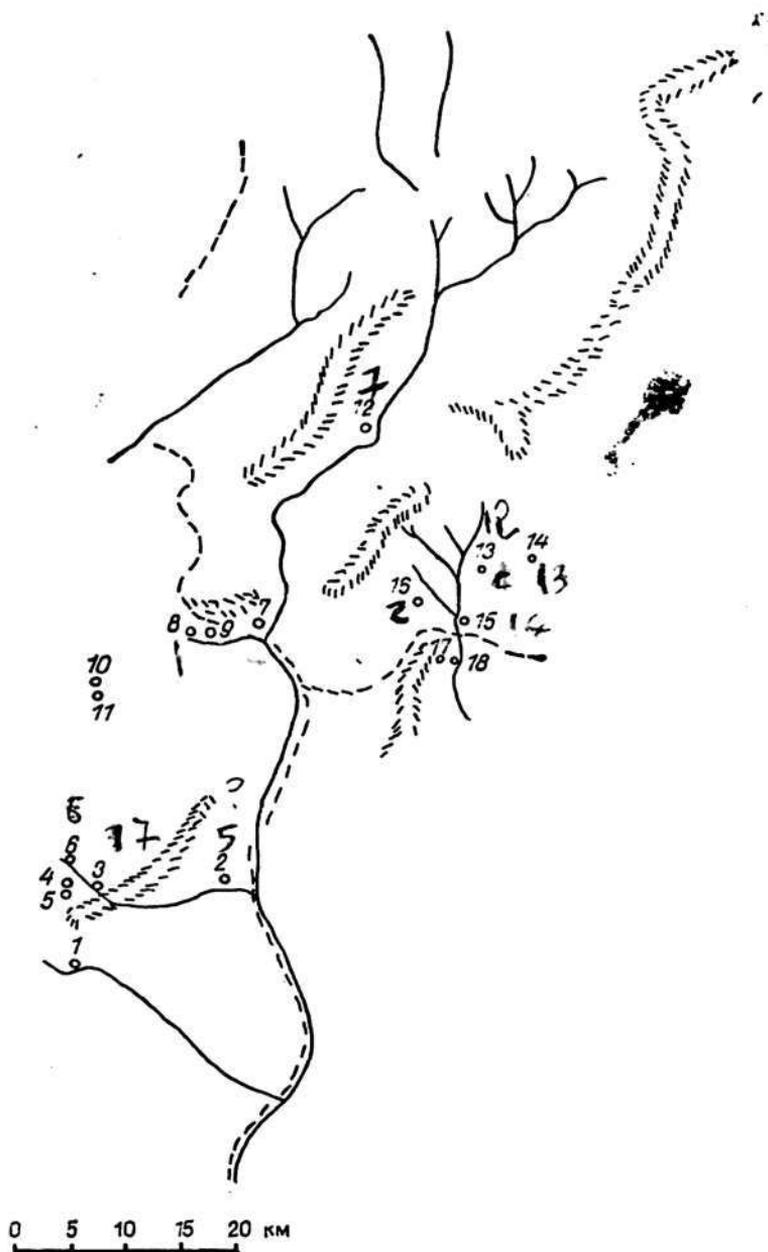

Рис. 1. Схема расположения памятников предгорной и горной полосы Кугитанг-Байсунтау:

1—Лунгитепе; 2—Игарчи; 3—могильник Лоилаган; 4—Туратепе; 5—Куладтепе; 6—Хатак; 7—безымянное в Дербенте; 8—Актепа у к. Шураб; 9—безымянное в к. Шураб; 10—Дуньятепе; 11—Мунчактепе; 12—Мачай; 13—безымянное в Аулате; 14—Ходжа-Кошкарон; 15—Кургани-боло; 16—Актепа у к. Туда; 17—Поенкурган; 18—безымянное около Поенкургана.

По стратиграфическому положению керамический комплекс из шурфа образует четыре хронологически разновременных комплекса (рис. 4, 5). Керамические изделия с поверхности

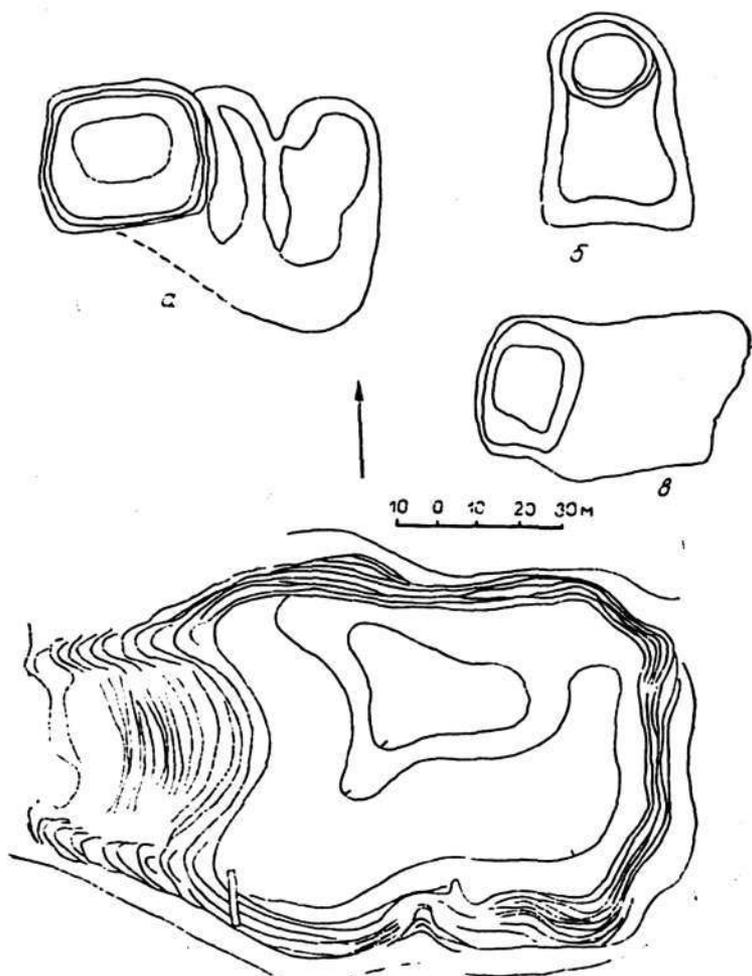

Рис. 2. Планы памятников:

а — Лунгитепе; б — безымянное озеро Поенкургана; в — Дуньятепе; г — Поенкурган.

пола I строительного горизонта представлены лепными формами хозяйственной посуды. К их числу относятся тагоры усеченно-конической формы, которые снаружи под венчиком оформлены ленточным вдавленным орнаментом с помощью пальцев (рис. 4, 20), с ручкой в виде переплетенного налепа (рис. 4, 19); чираги

небольших размеров с плоским дном и отогнутым наружу зубчатым краем (рис. 4, 22).

Керамика из паховой стены второго строительного горизонта включает кухонные котлы со слабовыделенной вертикальной горловиной и округлым туловом (рис. 4, 10, 14—16). В слое имеются хумы с вертикальным венчиком (рис. 4, 13) и часть слива от сосуда с изображением животного (рис. 4, 11).

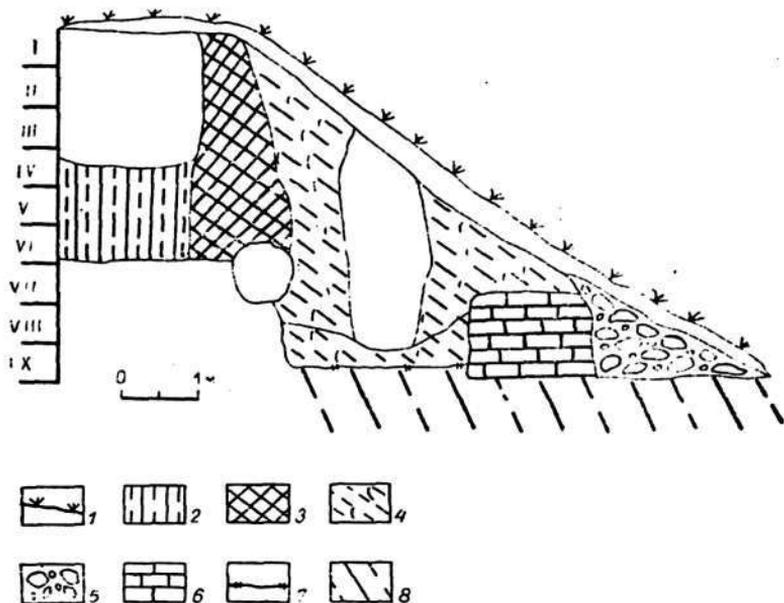

Рис. 3. Лунгитпа. Развертка шурфа:

1 — дерн; 2 — плотный грунт; 3 — паховая стена; 4 — рыхлая земля с керамикой; 5 — завал; 6 — сырцовая кладка; 7 — уровень пола; 8 — платформа.

В керамическом комплексе с уровня завала между I и II строительными горизонтами преобладают лепные формы, станковые редки. Встречаются глазурованные чаши полусферической формы с прозрачной глазурью и полихромной пятнистой росписью с гравировкой (рис. 5, 1); чаши с мутно-белой глазурью и орнаментацией марганцево-черной, охристо-красной красками в виде крапин и подтеков (рис. 5, 2—4); лепные неглубокие чаши с отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 5—8) и зубчатым краем (рис. 5, 9). С внутренней стороны чаши украшены расположенными в ряд треугольниками или покрыты резным и процарапанным орнаментами, а зубцы по краям оформлены резными треугольниками (рис. 5, 9). Здесь же найдены узкогорлые и широкогорлые лепные кувшины с одной наклонной ручкой. Вдоль горла украшены налепами в виде птиц (рис. 5, 12) и стилизованным графическим орнаментом (рис. 5, 13), а ручки их украшены рядами процарапанных линий (табл. 5, 16) или уголков (рис. 5, 34).

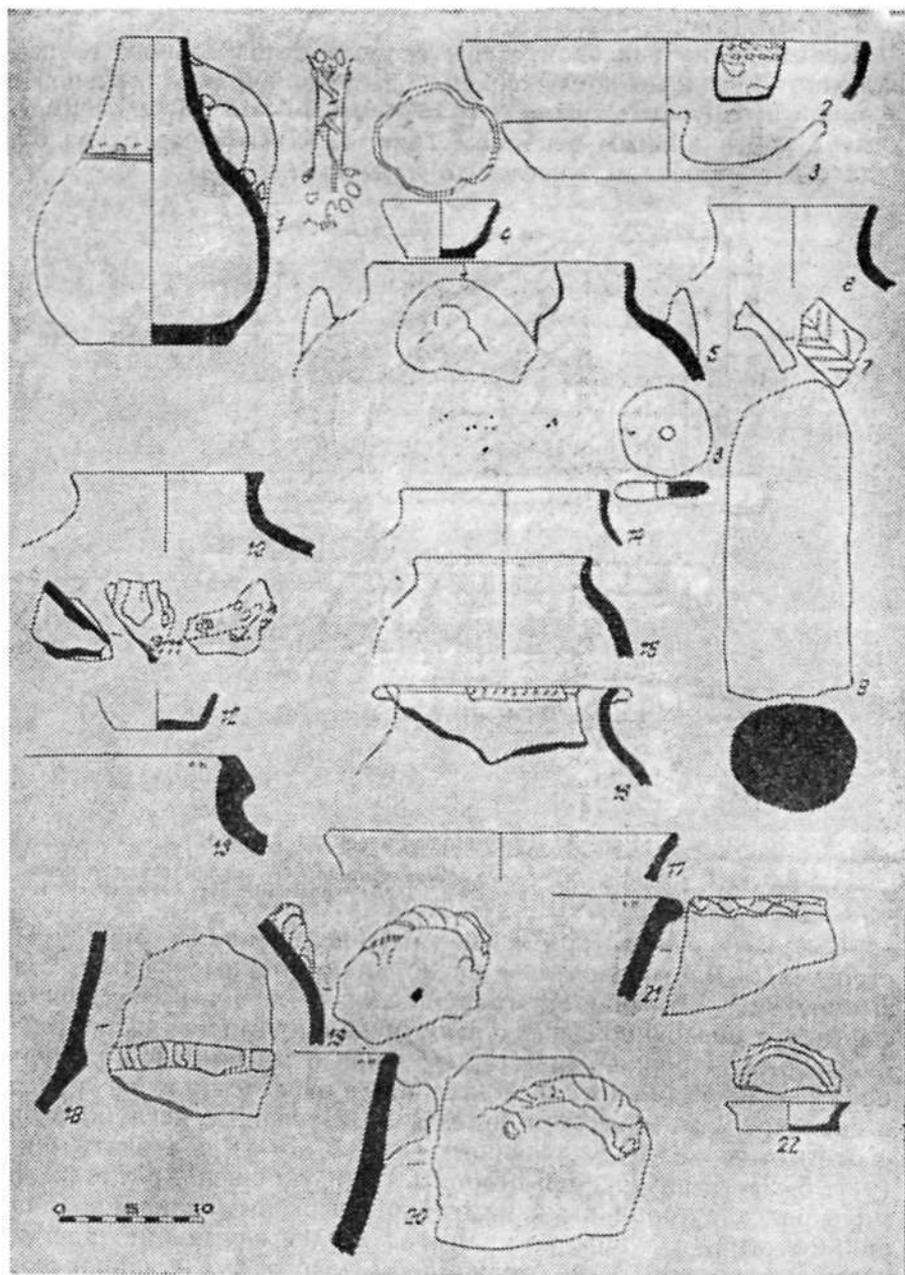

Рис. 4. Лунгитена. Керамика.

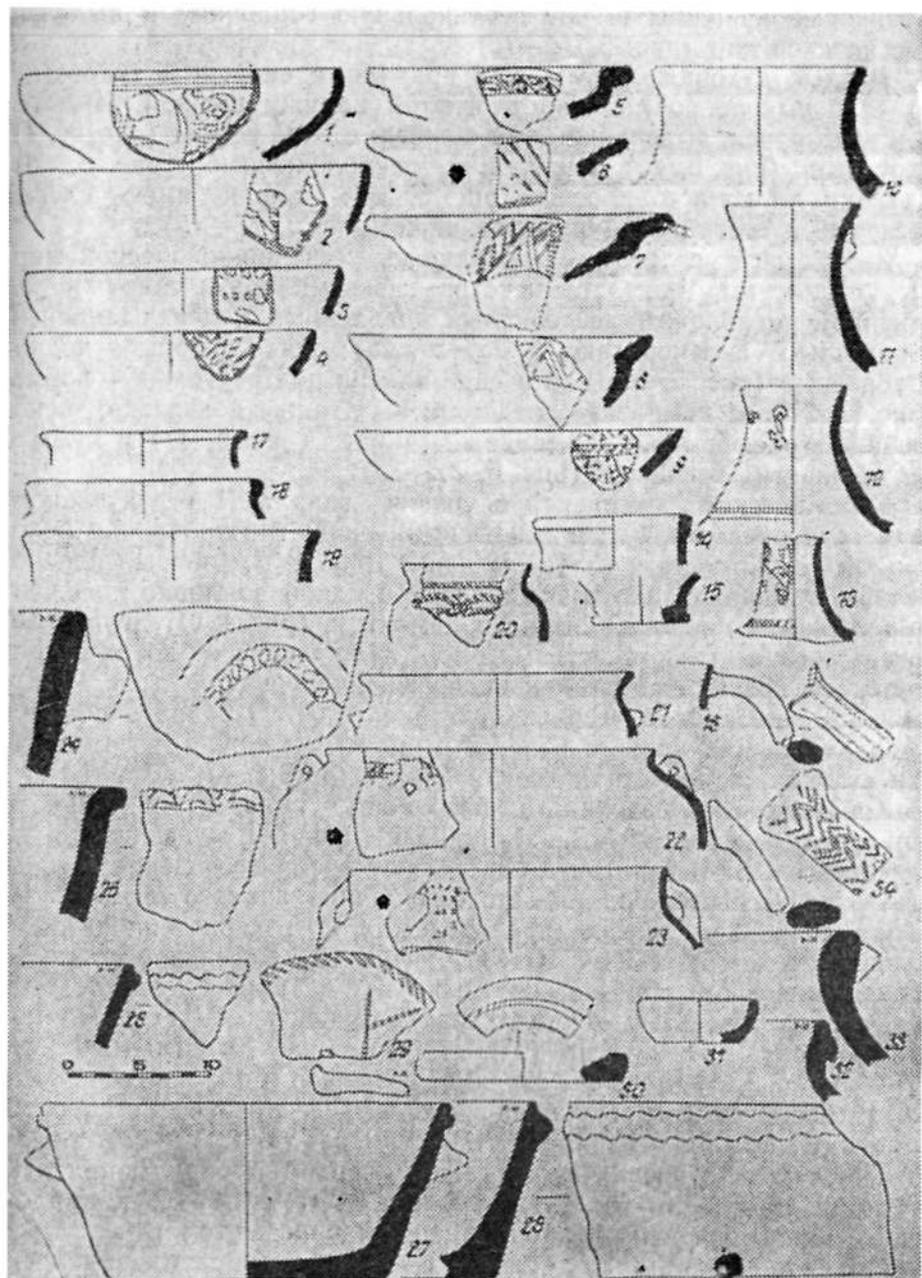

Рис. 5. Лунгитела. Керамика.

Станковые кувшины имеют вертикальную горловину и выделенное плоское дно (рис. 5, 14—15).

Лепные кухонные котлы, как правило, с округлым туловом и со слабовыделенной, слегка отогнутой наружу шейкой. Имеется три вида ручек, вылепленных до обжига: в виде уступа (рис. 5, 21), округлые (рис. 5, 22) и наклонно расположенные (рис. 5, 23). Крышки от котлов плоские (рис. 5, 29). Горшки имеют слегка вогнутый и отогнутый наружу венчики (рис. 5, 17—19).

Хозяйственные тагоры однотипные, усеченно-конической формы, с плоским дном, на некоторых экземплярах снаружи под венчиком расположен лентовидный вдавленный налеп, сделанный с помощью пальцев (рис. 5, 25—26, 28); ручки тагоры — подковообразные (рис. 5, 24) или в виде налета подтреугольной формы (рис. 5, 27). В комплексе представлены также подставка дисковидной (рис. 5, 30), чашевидный чираг (рис. 5, 31) и хумы с вертикальным венчиком (рис. 5, 32—33).

Керамический комплекс с уровня завала II строительного горизонта представлен такими типами, как: глазурированная белофонная с бирюзовым оттенком чаша (рис. 4, 2); лепные плоскодонные кувшины с округлым туловом и одной наклонно посаженной ручкой, с процарапанным орнаментом (рис. 4, 1); двуручный котел со сквозным отверстием (рис. 4, 5); крышка от котла с приподнятым краем и вертикально посаженной ручкой (рис. 4, 3); горшок с невысокой горловиной (рис. 4, 6). В бадрабе обнаружена небольшая чаша с волнистым краем венчика, изготовленная в подражание металлической посуде (рис. 4, 4).

Керамические изделия с поверхности пола I строительного горизонта (финальный этап функционирования I горизонта) и из паховой стены II горизонта определяют время возведения стен II горизонта Лунгитепа и находят ближайшие аналоги в надежно датированных комплексах правобережного Тохаристана второй половины — конца VII—VIII в. н. э. Тагоры с массивной подковообразной ручкой, котлы округлых форм, чираги с зубчатым краем представлены в керамических комплексах IV строительного горизонта Хосияттепа (2), III горизонта Кулаглытепа (3, с. 73—83, рис. 4). Чаши с прозрачной глазурью и полихромной пятнистой росписью с гравировкой из керамической печи Гиссарской долины Э. В. Сайко датирует XII—XIII вв. (4, с. 32—33). Белофонные чаши с росписью марганцево-черной и охристо-красной красками из Бинкета датируются X в. н. э. (5, с. 80—114), аналогичные чаши с резным и процарапанным орнаментом в керамике Отрара — X—XI вв. (6, с. 48, рис. 8—9). Более ранние аналоги чаши из бадраба с волнистым краем (рис. 4 4) имеются в слоях середины VII—VIII в., в том числе на Хосияттепа (2) и Кулаглытепа (3, рис. 4). В связи с отсутствием публикации по средневековым керамическим комплексам Северного Тохаристана для комплекса керамики верхнего горизонта Лунгитепа предлагается суммарная дата IX—XII вв.

Лепная керамика в горных поселениях кушанского времени, как и на равнинных памятниках типа Зартепа (7, с. 51—58) и Аккурган (8, табл. XVI), незначительна. К раннему средневековью на горных поселениях и в равнинной зоне количество лепных формросло. Если лепные формы отдельных памятников равнинной зоны составляли 5—27%, в горных поселениях они стали преобладающими. В комплексах Дуньятепа, Мунчактепа и Лунгитепа гончарная керамика представлена в незначительном количестве. К ее числу относятся полусферические чаши с коричневым ангобным покрытием (рис. 6, 13—14), широкогорлые кувшины (рис. 6, 10—12), чаши и кувшины с лощением в виде ромбов (рис. 6, 23) и полос (рис. 6, 24), аналогичные керамике Куевкургана (9, с. 192—193, рис. 4—5) и Кучуктепа, датируемой серединой V — первой половиной VI в. (2). В средние века в горных поселениях Лунгитепа и безымянном около Поенкургана изготовление лепной посуды увеличилось, более того появились новые формы и типы, в том числе расписная керамика. Ранее наличие расписной керамики в предгорной полосе Байсунтау было отмечено Л. И. Ремпелем на Актепе в селении Туда (1, с. 171—172). Расписная керамика Мунчактепа растительного и геометрического характера нанесена по сырой глине до обжига (рис. 6, 2—5). Не вдаваясь в подробности происхождения среднеазиатской расписной керамики, распространенной в некоторых областях в период, предшествовавший монгольскому завоеванию (10, с. 48, 11), отметим, что в Северном Тохаристане она характерна для горных районов и уходит своими корнями в более ранний период. В частности, среди находок поселения кушанского времени Аккурган имеется сосуд из тыквы с росписью (8, рис. 26). В замке Кучуктепа вдоль горла энохоевидного сосуда сохранилось изображение ушей животного, сделанное черной краской. Там же и в замке на цитадели Зартепа обнаружены фрагменты расписных сосудов с изображением плодов и фантастических существ — своего рода оберегов сосуда и его содержимого (12, с. 80). На цитадели городища Хосияттепа обнаружен фрагмент расписного сосуда с изображением всадников, датируемый близко ко времени появления средневековой расписной керамики (2).

Исследование памятников указанного региона позволяет внести некоторые коррективы в выделение основных этапов освоения земледельческих зон предгорной и горной полосы Байсунтау в кушанское время и вплоть до XII—XIII вв. Из восемнадцати памятников к кушанскому времени можно отнести четыре: Поенкурган, Кургани-боло, поселение на Верхнем Мачае и, возможно, Туратепе. Самым ранним из них является Поенкурган. Судя по находкам сероглиняных чаш усеченно-конической формы с вертикальной стенкой и невысоких тарелочек типа рыбных блюд, возникновение его можно датировать I в. до н. э. или рубежом н. э.

Благодаря местоположению на удобной возвышенности, ограниченной руслом сая, имея по сторонам полукруглые башни и

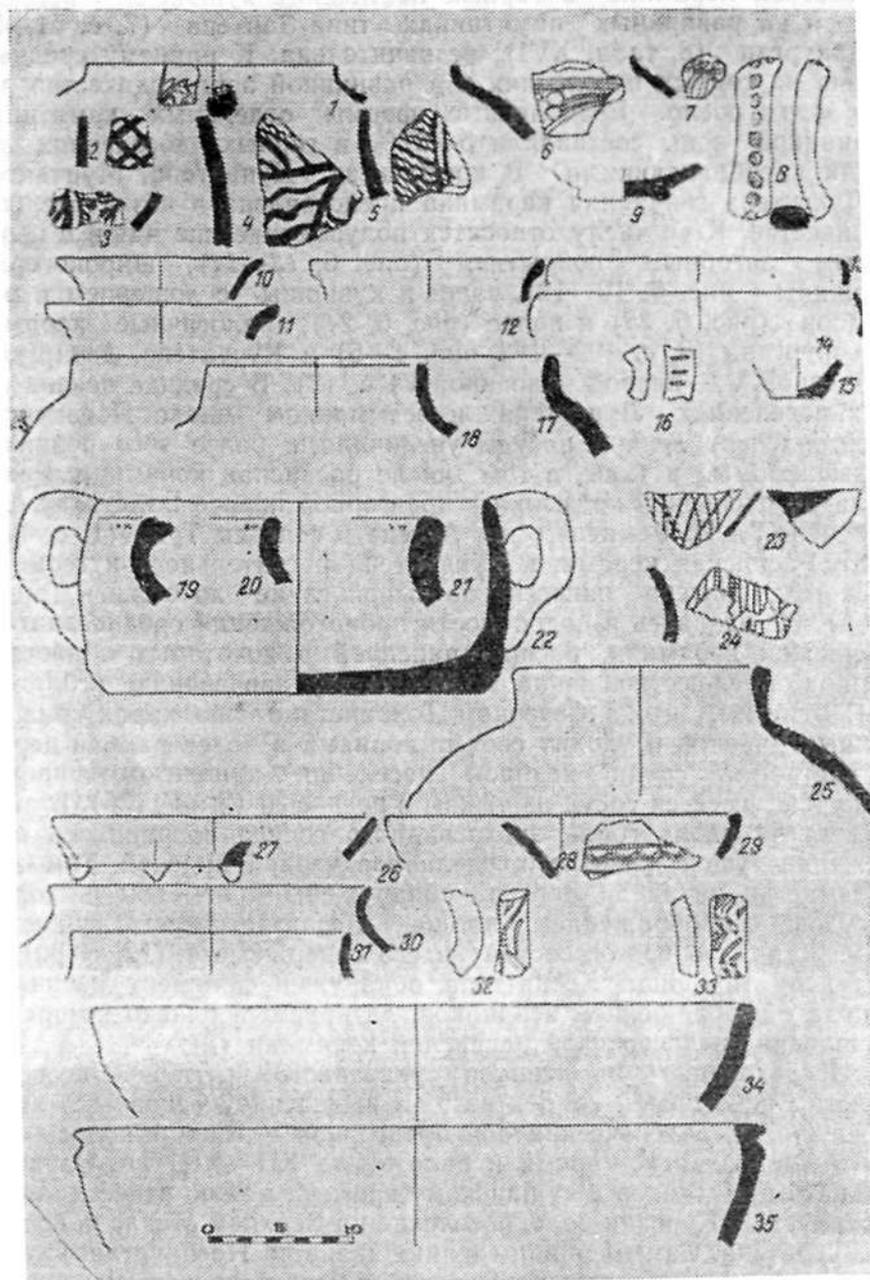

Рис. 6. Керамика:

1—18 — Мушактепа; 19—25 — Дуньятепа; 26—35 — безымянное озеро Поенкургана.

крутой пандус, дополнительно усиленный предвратными сооружениями, Поенкурган скорее всего выполнял функции крепости на пересечении караванных дорог (13, рис. 1). Одновременно или несколько позже возникло поселение Кургани-боло, вследствие чего во II в. н. э. Поенкурган пришел в запустение. В раннее средневековье предгорная полоса Байсунтау активно осваивалась. В местности Гурдара и Алами возникли поселения Дуньятепа и Мунчактепа, безымянное поселение в Дербенте и Актепа у северо-восточной оконечности кишлака Шураб, в V—VIII вв. — поселение Лунгитепа и могильник Лоилаган (14, с. 76).

Торговая дорога в местности Дербент в раннее средневековье разветвлялась на три направления: в сторону Чаганиана через Байсун; в Термез (13, рис. 1); через местности Шураб-Хомкан-Хатак-Игарчи и далее вдоль реки Шерабад в долину. Максимальное освоение предгорий произошло в IX—XIII вв. Одновременно с функционированием раннесредневековых поселений, кроме Дуньятепа и Туратепа, возник ряд новых. К их числу относятся поселение у мавзолея Ходжа-Кожкарон в Аулате, Актепа у селения Туда (1, с. 173—174) и ряд поселений в местности Дербент, Игарчи, Хатак и Азизкуншштепа между Кентала и Кизил-Навром (15, с. 116). Новые исследования горных поселений Байсунтау и прилегающей местности могут дать ответ на вопрос о взаимоотношениях населения горных и равнинных районов, а также понять те сложные этнокультурные процессы Северного Тохаристана, которые происходили на рубеже древности и средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ремпель Л. И. Народная архитектура предгорной зоны юга Узбекистана//Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 4. Ташкент, 1969.
2. Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Автореф. канд. дисс... Л., 1984.
3. Альбаум Л. И. Раскопки замка Зангтепе//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
4. Сайко Э. В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1968.
5. Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета//Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
6. Акишев К. А., Ерзакович Л. Б., Байпаков К. М. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
7. Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зартепе в 1973 г. Л., 1976.
8. Пидяев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
9. Аннаев Т. Д. Раскопки усадьбы Куевкурган в Северном Тохаристане//СА. 1984. № 2.
10. Ставиский Б. Я. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зарафшана (Кухистана). Материалы по этнографии. М., 1961.
11. Заднепровский Ю. А. Средневековая расписная керамика Ферганы//КСИА. Вып. 120. М., 1960.

12. Пешерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М., 1959.
13. Ртвеладзе Э. В., Пидгеев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
14. Дуке Х. Новый могильник тюркского времени в Южном Узбекистане// УСА. Вып. 3. Л., 1975.
15. Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982.

Ш. А. РАХМАНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ НА ГОРОДИЩЕ КУЛАГЛИТЕПА В АНГОРСКОМ РАЙОНЕ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение социальной структуры и планировки средневекового города Средней Азии является одной из важнейших проблем археологии. В отличие от предшествующих эпох о средневековых крупных и столичных городах Средней Азии имеются некоторые сведения письменных источников (Бухара, Самарканд, Термез, Ахсикет и др.). О «провинциальных» городах и крупных населенных пунктах кроме их ориентировочного места расположения в письменных источниках ничего не приводится. Их изучение играет немаловажную роль в понимании исторического процесса, протекавшего в той или иной области Средней Азии. Успешнее эта задача решается для предшествующих эпох, где выделены древние ирригационные оазисы (1, с. 9—14; 2, с. 102—103; 3, с. 4) с одним крупным памятником-центром и расположенными вокруг него на определенном расстоянии мелкими памятниками, административно подчиненными центру. Центр, хотя и «провинциальный», как правило, имел основные признаки городского организма. В зависимости от политического значения в общегосударственной системе эти города были укреплены довольно надежно (особенно расположенные на границах государств, на торговом пути и т. д.).

Одним из таких памятников является городище Кулаглитепа, расположенное на территории колхоза им. К. Маркса Ангорского района Сурхандарьинской области, в 30 км к северу от Термеза. Городище квадратное в плане (150×150 м); цитадель, расположенная в северо-западном углу, квадратная в плане (60×60 м у подошвы, 40×40 м поверху (рис. 1 а)). Памятник впервые обследован Л. И. Альбаумом в 1950 г. (4, с. 54—56). В 60-е годы раскопки продолжены им же (5, с. 73—83; 7, с. 87—108; 8, с. 163—172). Впоследствии полностью раскопана основная часть цитадели, которая в свое время интерпретирована как замок, хотя исследователи отмечают его отличие от других замков оазиса «большими размерами и величием» (8, с. 163). А. М. Белецкий видит в памятнике остатки раннесредневекового города (9, с. 16), Т. Д. Аннаев при изучении раннесредневековых поселений Северного Тохаристана выделяет его центром Ангорского ирригационного оазиса (3, с. 4). В IV в. н. э. пришло в упадок

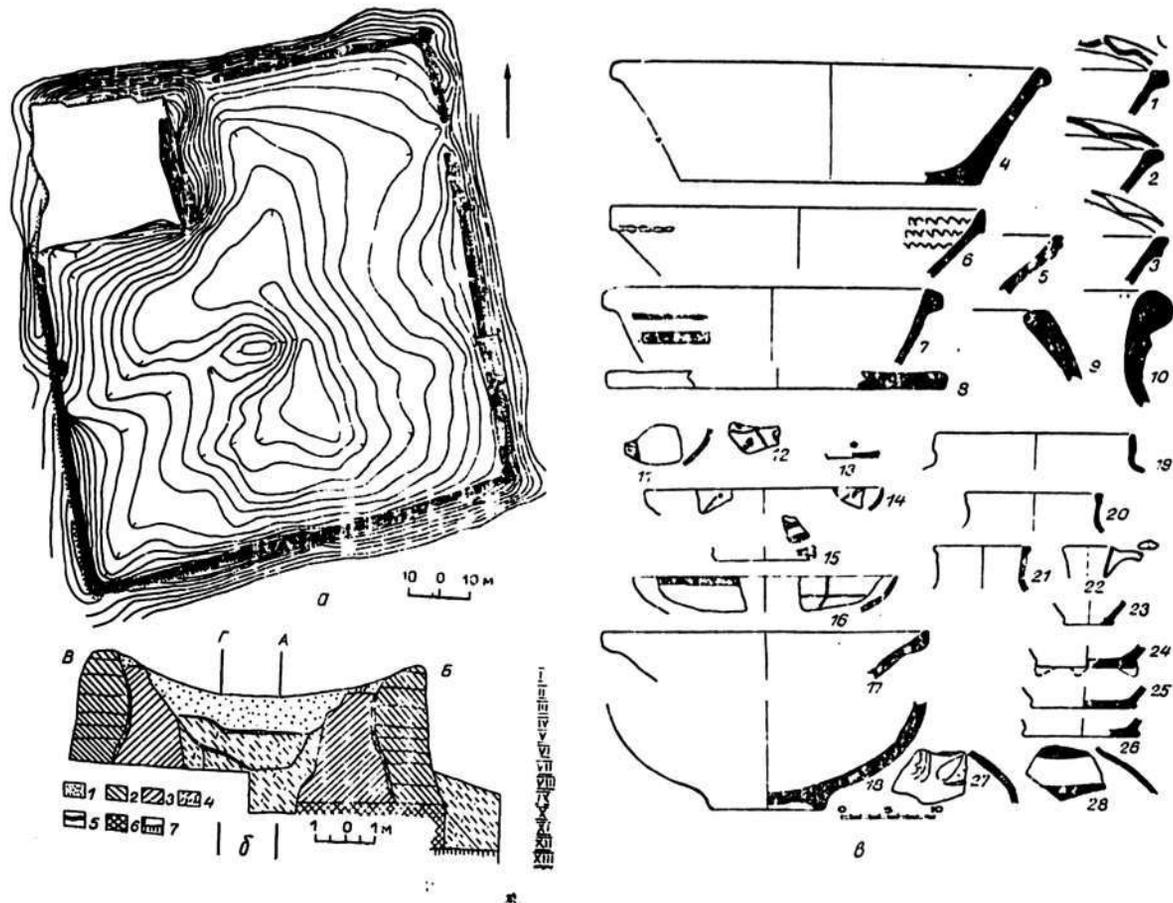

Рис. 1. План городища Кулаглитепы — а. Разрез оборонительной стены — б
 (1 — надувной слой; 2 — стена из пахсовых блоков; 3 — глинобитная стена; 4 — слой рыхлой земли с керамикой;
 5 — зольные прослойки; 6 — платформа; 7 — материк);
 Кулаглитепы. Керамический комплекс — в.

городище Зартепа, прежний центр оазиса, в эпоху раннего средневековья центром стало городище Кулаглитепа, расположенное выше по течению канала Загг. Запустение памятников в нижних течениях оросительных систем Ш. Р. Пидаев связывает с общественно-политическим кризисом Кушанской империи, в связи с которым государство не могло содержать оросительные системы в пригодном состоянии (12, с. 112).

В 1985 г. археологические работы на городище возобновились с целью изучения его оборонительных сооружений. Городище расположено в низине, которую со всех сторон окружает довольно глубокий (3—4 м в настоящее время) и широкий (10—15 м) ров, являвшийся первой линией обороны города. Второй линией являлись крепостные стены, примыкавшие к северной стене цитадели с востока и к западной стене с юга. В совокупности они составляли единую систему фортификации города. Крепостные стены фланкированы полуовальными в плане башнями. Наиболее хорошо сохранились они на северной и восточной сторонах. Длина куртины 24—26 м, за линию стен они выступали на 3—3,3,2 м при ширине башни 3—3,5 м. В северной части восточной стены имеется прорыв стены, указывающий на возможность расположения на данном месте входа. Другое возможное место входа — в середине западной стены. В первом случае расположение ворот со стратегической точки зрения не применимо, так как вход оказался бы напротив входа цитадели и восточная стена цитадели не обеспечивала бы надежную защиту входа (в восточной стене бойницы не обнаружены). Во втором случае вход надежно защищен бойницами, расположенными в южной стене цитадели. На наш взгляд, входы были в обоих вариантах, но на разных этапах жизни городища. Второй вариант, очевидно, ранний, в средневековье был заложен, а вход открыт в восточной стене и защищался из-за бруствера (возможного на восточной стене цитадели).

Разрез, заложенный в южной части восточной стены, выявил два периода оборонительных стен (рис. 1, б). Ширина разреза 2 м, репер — наивысшая точка гребня стены, общая длина разреза 8 м. Первоначально стена представляла собой глинобитное сооружение на полутораметровой пахсовой платформе, с вертикальной наружной гранью, которая выступала на 1,5 м за линию стен, что предохраняло ее нижнюю часть от разрушения из-за действия влаги. Во II периоде к частично разрушенной первой стене пристроена вторая, которая имеет толщину 1,5 м. Она возведена на той же платформе, но из пахсовых блоков (50—70 см). С внутренней стороны стена засыпана слоем рыхлой земли в верхней части и мусором — в нижней.

Основным датировочным материалом является керамика, которая получена из тела стен, платформы и из межстенного пространства, из слоя рыхлой земли внутренней стороны стен, а также снаружи стен. Керамика с платформы представлена двумя фрагментами: донцем (рис. 1, в: 5, 7, 26) стенкой кувшина (рис. 1, в:

28), наружная поверхность которого ангобирована горизонтальными полосками «пачкающего» красного ангоба, характерного для раннего средневековья. Керамика со структуры стены второго периода — глазурованные и неглазурованные сосуды. Глазурованная керамика представлена шестью фрагментами чаш. Фрагмент стенки белофонной чаши (рис. 1, в: 11) с орнаментом в виде стилизованной надписи от края по вертикали вниз. Фрагмент донца чаши (рис. 1, в: 12), изнутри покрытой светлой глазурью с линиями, делящими окружность дна сосуда на сегменты, в поле которых нанесены толстые линии светло-коричневого и темно-коричневого цветов. Фрагмент донца чашечки (рис. 1, в: 13), поддон плоский, высота 0,5 см, с незначительной вогнутостью, по белому фону в центре нанесена светло-коричневая пятилепестковая розетка. Фрагмент венчика чаши диаметром 24 см (рис. 1, в: 14), формованной из хорошо отмученной глины без видимых примесей, обжиг равномерный. По внутреннему краю венчика, покрытому белой глазурью, нанесен орнамент в виде стилизованных письменных знаков, с внешней стороны, также по белой глазури, нанесены параллельные линии. Фрагмент кольцевого поддона чаши (рис. 1, в: 15) не позволяет определить рисунок орнамента. Фрагмент чаши (рис. 1, в: 16) диаметром 27 см, белофонной изнутри, украшен линией зеленого цвета, нанесенной от края венчика вниз.

Неглазурованная керамика представлена фрагментами венчиков, доньев и стенок кувшинов, археологически целой тагора и крышки. Кувшины формованы из хорошо отмученной светлой глины без видимых примесей на гончарном круге. Фрагмент венчика узкогорлого кувшина с овальной в сечении ручкой (рис. 1, в: 22) имеет диаметр 5 см. Найден фрагмент стенки кувшина (рис. 1, в: 27), по наружной светлоангобированной поверхности которого процарапан орнамент.

Имеются также фрагменты донца кувшина на трех ножках (рис. 1, в: 24); крышки (рис. 1, в: 8) плоской дисковидной формы, диаметром 34 см, ангоб светлый; кухонной тагора (рис. 1, в: 4) конусовидной формы, с отогнутым наружу закругленным краем венчика.

Керамика из межстенного рыхлого пространства представлена несколькими фрагментами венчика тагора, хума, кувшинов и др. Тагора формованы из хорошо отмученной глины с незначительной примесью песка. Они, как правило, имели прямые расширяющиеся вверх стенки и отогнутые наружу венчики, по плоскости которых были процарапаны волнистые линии (рис. 1, в: 1—3). Подобные тагора для Южного Согда датируются XII в. (10, с. 49, рис. 10). Имеется фрагмент вогнутого венчика хума диаметром 36 см с затупленным краем (рис. 1, в: 9). Найден фрагмент венчика кувшина (рис. 1, в: 21) с невысокой горловиной, диаметр 10 см. Тесто светло-коричневое без примесей, поверхность

светлоангобированная, венчик темно-коричневый, имеет аналоги в матерналах Дальверзина великокушанского времени (11, с. 152, рис. 103).

Керамика из слоя рыхлой земли с внутренней стороны стен представлена фрагментом венчика чаши (рис. 1, в: 17), внутренняя поверхность и венчик которой покрыты бирюзовой глазурью, диаметр 34 см, и фрагментом чаши (рис. 1, в: 18) на кольцевом поддоне, диаметр 12, 4 см. Светло-желтое тесто — с примесью органических веществ, ручного изготовления, внутренняя поверхность покрыта бирюзовой глазурью. В слое найден фрагмент венчика широкогорлого кувшина (рис. 1, в: 20), диаметр 14 см, а также круглый керамический штамп с рельефным изображением птицы. Обнаружено несколько фрагментов керамики в слое рыхлой земли снаружи стен: венчика столовой тагора, диаметр 37 см, имеющего подтреугольное очертание в сечении, на внутренней поверхности — волнистые, горизонтально прочерченные линии (рис. 1, в: 6). Фрагмент венчика котла (рис. 1, в: 19), диаметр 20 см, тесто с примесью песка и органических веществ, ангоб светлый, обжиг неровный.

При зачистке, произведенной на северной стене у северо-восточной угловой башни, выявлено три строительных периода оборонительных стен. В I периоде стена имела толщину 2 м поверху, возведена из пахсовых блоков. Во II к ней пристроена новая стена (толщиной 1 м) из прямоугольных сырцовых кирпичей (48—50×24—25×9—10 см). Между второй и третьей стенами имеется рыхлое заполнение шириной 1 м. Толщина третьей стены — 0,7—0,8 м поверху.

Суммируя результаты исследования Л. Альбаума, В. А. Нильсена, а также исследования 1985 г., приходим к следующим выводам: Кулаглитепа в I—IV вв. представляло собой небольшое поселение, которое благоприятные условия для земледелия во втором периоде (V—VI вв.) превратили в крупный земледельческий центр (3, с. 4) с обжитыми округами. С этим периодом связано возведение оборонительной стены нижнего города с глубоким рвом. В третьем периоде (VII—VIII вв.) была усилена оборонительная стена и нижнего города. После арабского завоевания городище пришло в запустение, в помещениях на цитадели появились натечные слои (8, с. 172), оборонительная стена разрушилась. Но вскоре поселение вновь было обжито. В четвертом периоде (вторая половина IX—XII в.) отреставрированы оборонительные системы всего городища. Судя по керамике, в середине X в. к оборонительным стенам нижнего города пристроены новые с полуовальными в плане башнями, характерными для этого времени (Термез, Самарканд, Пайкенд, Ахсикент и др.). В этот период Кулаглитепа стало центром возможного Ангорского рустака.

Своеобразие фортификационных систем Кулаглитепа состоит в том, что сравнительно небольшой центр рустака укреплен сте-

нами и башнями, - не уступающими по своей конструкции Термезу, столичному центру области.

В. В. Бартольд в «Географическом очерке Мавераннахра», описывая южную часть долины Сурхана, упоминает город Хашимгирд, который находился в одном дневном переходе пути от Термеза к Железным воротам (13, с. 123), т. е. на расстоянии 5—6 фарсахов. М. Е. Массон помещает его в районе Наушахара (14, с. 98). Последний находится несколько в стороне от дороги к Железным воротам (15, с. 42). О. Г. Большаков предполагает его местоположение в районе Шерабада (9, с. 179). Э. В. Ртвеладзе помещает город в районе Каптарханы, вблизи Ангора, исходя из расстояния и наличия средневекового археологического памятника (15, с. 42). Однако за один дневной переход можно преодолеть только полпути от Термеза (т. е. от Старого Термеза) до Каптарханы. Таким образом, «небольшому городу с многочисленными стадами овец и рогатого скота Хошумгирда» (Хошумкарда (16, с. 70) может соответствовать городище Кулаглитепа. Название город получил, как полагает В. В. Бартольд, от имени Хашима.б. Баничура (Байчура?), владельца Вахша и Хелаверда (13, с. 123).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
2. Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана//Бактрийские древности. Л., 1976.
3. Ангаев Т. Д. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. Автореф. канд. дис... Л., 1984.
4. Альбаум Л. И. Болалыктепе. К истории материальной культуры и искусства правобережного Тохаристана. Ташкент, 1960.
5. Альбаум Л. И. Раскопки замка Зангтепа//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
6. Альбаум Л. И. Новые раскопки в Зангтепе и индийские документы//Индия в древности. М., 1964.
7. Альбаум Л. И. Зангтепе, раскопки в 1962 г.//ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.
8. Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966.
9. Беленицкий А. М., Бенетович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
10. Лунина С. Б. Средневековые города южного Согда VIII—нач. XIII в. Ташкент, 1984.
11. Некрасова Е. Г. Керамика Дальверзинтепе//Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
12. Пндаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
13. Бартольд В. В. Географический очерк Мавераннахра. Соч. Т. 1.
14. Массон М. Е. Городища Старый Термез и их изучение//Труды УзФАН СССР. Серия 1. Вып. 2. Ташкент, 1940.
15. Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982.
16. Худуд-ул-олам. Душанбе, 1983.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ ПЕРИОДА КУЧУК III И КУЧУК IV (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАЛАШКАНТЕПА I)

На территории древней Бактрии известно несколько памятников, характеризующих периоды поздней бронзы и раннего железа. Это поселение Тиллятепа (2) на территории Северного Афганистана, изученное В. И. Сариниди, Кучуктепа (1) и Кызылтепа (3) на территории Сурхандарьинской области, изученные А. Аскарковым, Л. И. Альбаумом и А. Сагдуллаевым.

Результаты раскопок детально освещены в научной литературе. В. И. Сариниди после раскопок Тиллятепа пришел к выводу, что его материалы относятся к трем хронологическим периодам:

Тиллятепа I — эпоха поздней бронзы (1300—1000 гг. до н. э.);

Тиллятепа II — эпоха раннего железа (1000—600 гг. до н. э.);

Тиллятепа III — эпоха раннего железа (600—500 гг. до н. э.).

Такое разделение для эпохи поздней бронзы и раннего железа Северной Бактрии предлагает также А. Сагдуллаев (Кызыл I, II, III). Между тем А. Аскарков при изучении памятников Кучуктепа приходит к несколько иному заключению и выделяет четыре периода в обживании Кучуктепа (К-I, К-II, К-III, К-IV). В отличие от предыдущих исследователей, периоды К-II К-IV он именует древнебактрийскими. Этот термин уже широко применяется для Бактрии, Согда, Маргианы.

Керамические комплексы периода Кучук-I и II аналогичны керамическим комплексам Тилля I и II, Кызыл I и II, а керамические комплексы Кучук III и IV соответствуют комплексам Тилля III и Кызыл III. Таким образом, исходя из приведенного обзора литературы, при выделении поздних этапов культуры I тыс. до н. э. существуют противоположные точки зрения, которые требуют дополнительных исследований. С этой целью в 1984 г. на поселении Кучуктепа были дополнительно проведены стратиграфические раскопки, а с 1985 г. одна из групп Шерабадского отряда начала стационарные раскопки на поселении Талашкантепа I (5).

Талашкантепа I — круглое в плане, диаметром 130 метров, укреплено мощными пятиметровыми крепостными стенами, имеет 15 полукруглых башен. Крепостная стена по всей площади поселения оконтурена, частично раскопана до материка, все башни и внутрибашенные помещения полностью раскопаны.

Во всех внутрибашенных помещениях отмечено два уровня полов, заполнение между полами достигает 20—40 см. Керамические комплексы, полученные между полами, резко отличаются друг от друга. В нижних и верхних слоях преобладают тарные сосуды, т. е. цилиндрико-конические хумы и хумчи с манжетовидным

венчиком, которые различаются между собой по оформлению венчика и донной части.

По оформлению венчика хумы и хумчи с нижнего пола представлены четырьмя вариантами:

манжетовидный венчик подтреугольной формы в разрезе;

манжетовидный венчик с притупленным краем;

манжетовидный венчик с округленным краем;

слегка вогнутый манжетовидный венчик.

Во всех вариантах под венчиком обязательно имеется желобок (рис. 1, 1, 2, 3, 4).

Цилиндро-конические хумы и хумчи с верхнего пола снаружи покрыты светлым и светло-коричневым, в ряде случаев красноватым и розоватым ангобом.

Здесь преобладают сосуды с манжетовидным профилем венчика, ширина манжета до 6 см. Край венчика часто заострен и вогнут, иногда поверхность манжетовидного венчика плавно округлая, исчезает желобок под венчиком, донца хумов и хумчей округлые (рис. 1, 20, 21).

Наряду с цилиндро-коническими хумами и хумчами в обоих строительных периодах Талашкантепа I ведущую роль играют цилиндро-конические миски, или так называемые «баночные сосуды».

В нижних слоях Талашкантепа I цилиндро-конические миски неглубокие, их цилиндрическое тулово не превышает 10 см, коническая часть глубже, чем цилиндрическое тулово. Самая характерная черта сосудов — диаметр венчика, который превышает их высоту. В этом случае определение их как «баночных сосудов» не совсем правильно (рис. 1, 7, 8, 12).

В нижних слоях Талашкантепа I встречаются миски, имеющие невыразительный манжетовидный венчик (рис. 1, 9, 10, 11). Все миски до перегиба покрыты светлым или светло-коричневым ангобом.

В верхних слоях Талашкантепа I обильно представлены цилиндро-конические миски — «банки». Они имеют глубокое цилиндрическое тулово и низкую коническую часть, диаметр венчика меньше высоты сосуда. Высота их разнообразна, встречаются миниатюрные (до 7 см) и большие «баночные» сосуды (до 30 см). Несмотря на их размеры, соотношение цилиндрического тулова и конической части остается прежним 1:4, 1:5 (рис. 1, 13, 14, 15).

Третий тип посуды, представленный в керамическом материале Талашкантепа I — это вазы. Некоторые исследователи ошибочно определяют их как крышки (6, с. 37; 7, с. 75). В нижних слоях Талашкантепа I вазы представлены единичными экземплярами с неустойчивой низкой ножкой. Вазы покрыты с обеих сторон светлым ангобом.

Во II строительном периоде ножки ваз становятся более устойчивыми. Их резервуар во всех вариантах имеет коническую форму.

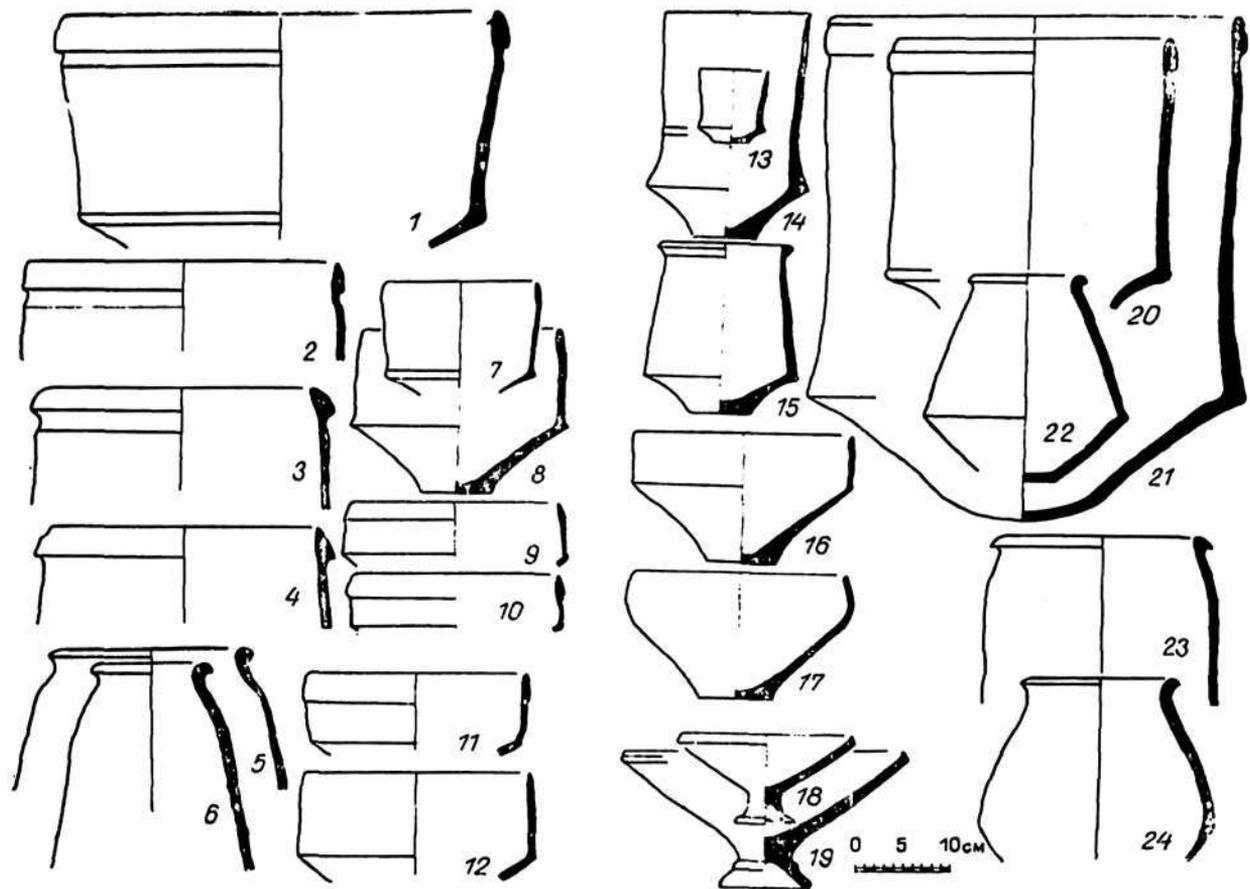

Рис. 1. Керамические комплексы:
 1—12 — периода Кучук III; 13—24 — Кучук IV.

Размеры ваз разнообразны, встречаются как массивные (диаметр венчика до 50 см), так и миниатюрные (18 см) (рис. 1, 18, 19).

Для синхронизации и сопоставления керамических комплексов Талашкантепа I особенно важны чаши, которые появляются в верхнем слое. Они представлены двумя вариантами: полусферические (рис. 1, 17), цилиндро-конические (рис. 1, 16). И те, и другие формы, как правило, покрыты ангобом светлого цвета снаружи до перегиба.

Отсутствие чаш в нижних слоях, возможно, объясняется тем, что цилиндро-конические миски использовались как чаши. Развитие цилиндро-конической формы привело к появлению нового типа посуды из керамики периода Кучук-IV — «баночных» сосудов.

В нижних и верхних слоях Талашкантепа I встречаются кувшины (рис. 1, 22, 23, 24). По форме и параметрам они разнообразны, но оформление их венчика одинаковое — клювовидное.

По форме тулова их можно разделить на три варианта: цилиндрические, вытянутые, шаровидные. Во всех вариантах придонная часть кувшинов имеет коническую и плоскую форму. В нижних слоях Талашкантепа I кувшины встречаются в значительном количестве, а в верхних кувшины и вообще сосуды с клювовидным венчиком встречаются чаще. Они покрывались светлым ангобом, реже — розовым ли красным.

Кроме этих форм среди материалов керамического комплекса Талашкантепа I встречаются горшки, кухонные котлы и жаровни, миниатюрные кувшинчики, чашевидные сосуды, кубки, крышки и другие. Но они малочисленны или сохранились во фрагментарном виде, поэтому судить об их типах и эволюции представляется нам преждевременным.

Керамические комплексы из нижнего слоя Талашкантепа I полностью синхронизируются с керамическим комплексом периода Кучук III (1, с. 106, табл. 16), а из верхних — с керамикой периода Кучук IV (1, с. 105, табл. 15).

Таким образом, разные керамические комплексы Тиллятепа (2) и Кызылтепа (4, с. 23) объединены в единую керамическую и хронологическую шкалу (период Тилля III, Кызыл III), которую, однако следует расчленить. Археологические раскопки на поселении Талашкантепа I еще раз подтвердили правильность разработанной керамической шкалы А. Аскарова и Л. И. Альбаума для эпохи поздней бронзы и раннего железа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскаров А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
2. Сариянди В. И. Раскопки Тиллятепа в Северном Афганистане. Вып. М., 1972.
3. Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по материалам памятников района Шурчи-Байсуна). Автореф. канд. дис... Л., 1979.

4. Сагдуллаев А. С. О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии//СА. 1985. № 4.
5. Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкантепа I//Бактрийские древности. Л., 1976.
6. Пиддаев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии//Древняя Бактрия. Л., 1974.
7. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи//КСИА. XXII. М., 1955.

Ю. П. МАНЫЛОВ

РАСКОПКИ КУЛКУДУКСКОЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КЫЗЫЛКУМАХ

Кулкудукская курганная группа расположена в 4 км юго-западнее пос. Кулкудук Учкудукского района Самаркандской области. В 1985 г. учкудукским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР произведены раскопки этих курганов.

Группа, состоящая из 7 курганов, находится на плоской вершине одной из возвышенностей.

Курган 1 высотой 3 м и диаметром 27 м окружен предкурганном рвом шириной 13 м, на вершине имеется грабительская воронка диаметром 9 м и глубиной 1 м. Раскопки кургана не производились.

Курганы 2—5 отстоят от центра кургана 1 на юг на 45 м и вытянуты цепочкой в широтном направлении на 57,5 м.

Курган 2 диаметром 10 м и высотой 0,3 м окружен предкурганном рвом шириной 3 м. Могильная яма прямоугольной формы размерами 2,02×0,75 м и глубиной 1,6 м расположена в центре кургана. На дне могильной ямы лежала погребенная в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад (азимут 234°). Рядом с затылочными костями черепа найдены бронзовые серьги (рис. 1, 2—3). На левой руке погребенной было надето 3 браслета, а в южном углу ямы лежало 6 бронзовых браслетов (рис. 1, 9, 11). Под правой ключицей лежало бронзовое зеркало (рис. 1, 1). В юго-западном углу ямы стоял лепной сосуд (рис. 2, 12). Вдоль южной стенки ямы лежала заупокойная пища в виде куска туши барана. Прослежены следы камыша и дерева.

Курган 3 с диаметром насыпи 8 м и высотой 0,4 м расположен в 13 м восточнее кургана 2. Он окружен предкурганном рвом шириной около 2 м. Могильная яма размерами 2,9×0,88 м и глубиной 1,45 м имеет прямоугольную в плане форму с округленными углами. На дне могильной ямы лежала погребенная в правильном анатомическом порядке, головой на юго-запад (азимут 217°). У изголовья стояло 2 сосуда диаметром 0,26 м из необожженной глины, наружная и внутренняя поверхности которых расписаны ярко-красной краской. В ногах стоял высокогорлый сосуд (рис. 2, 1). Под ним и рядом с ним лежал кусок туши барана. На пах погребенной было положено бронзовое зеркало (рис. 1,

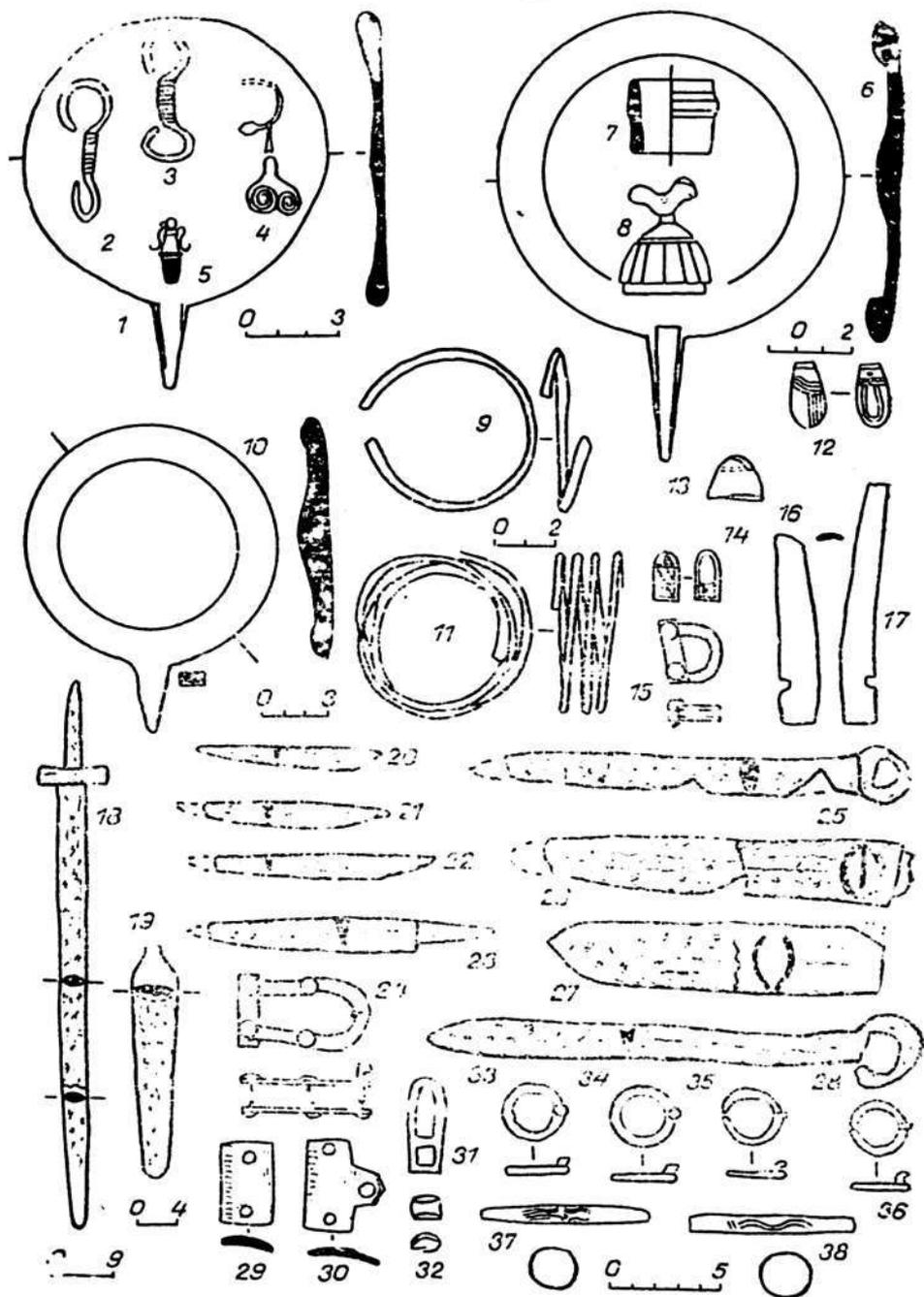

Рис. 1. Погребальный инвентарь из курганов.

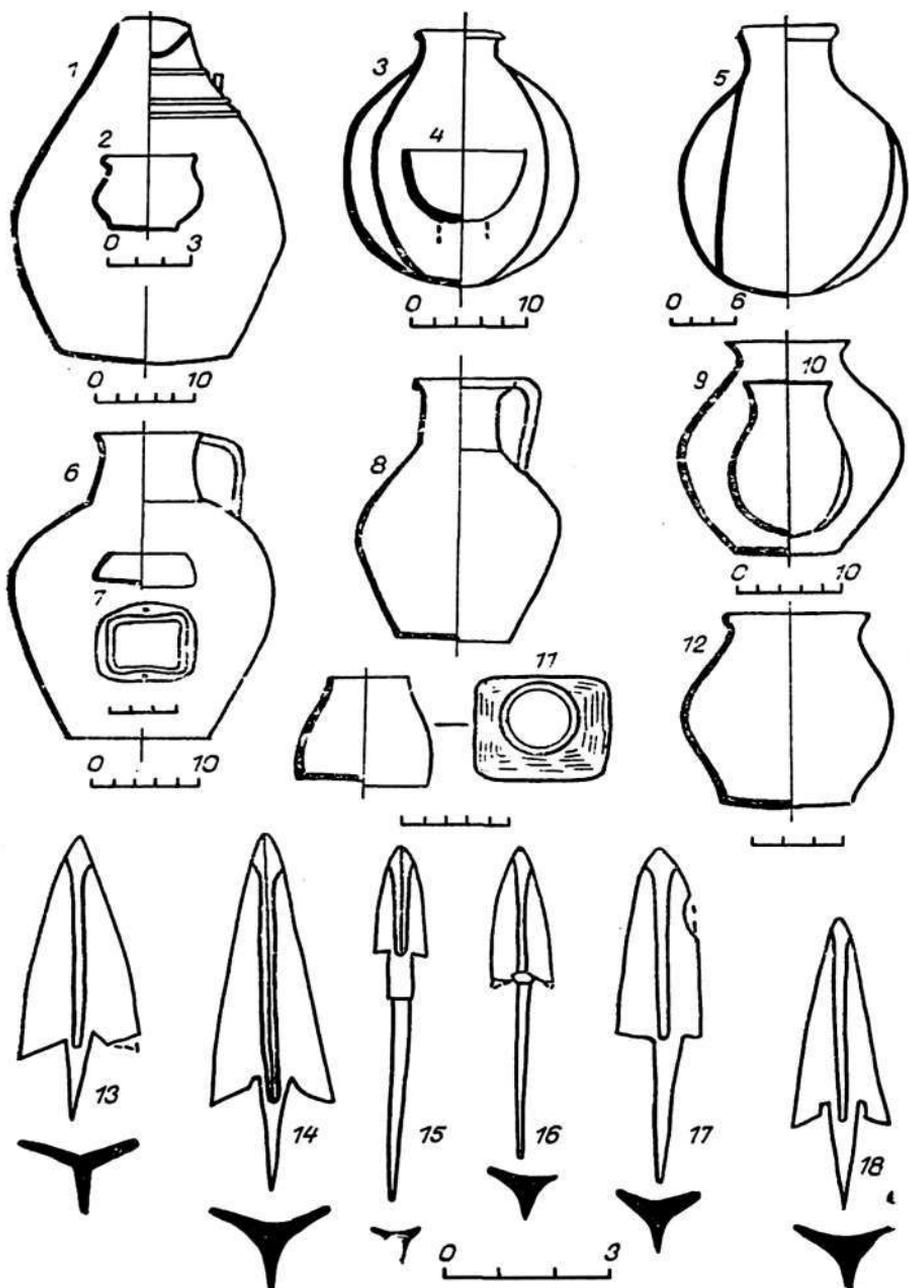

Рис. 2. Керамика и железные наконечники стрел.

6), ручка которого была украшена костяным кольцом и бронзовым полусферическим навершием (рис. 1, 7—8). Около фаланг пальцев правой руки лежало 6 бронзовых перстней (рис. 1, 37—38). Между костями правой руки и ребрами находился железный нож с ножнами (рис. 1, 27—28). Около правой затылочной кости черепа обнаружено бронзовое ушко (?) серьги и серьга с агатом в золотой оправе (рис. 1, 5). Ниже колена левой ноги лежали 2 железные скобочки, а выше колена правой ноги — сердоликовая бусина. Около шейных позвонков найдена подвеска из агата (рис. 1, 12). Между колен стоял миниатюрный сосудик (рис. 2, 2).

После совершения обряда труположения погребенная была присыпана песком, на котором находился слой золы черного цвета. Горения, видимо, не было или оно было кратковременным, после чего произведена засыпка ямы.

Курган 4 отстоит на 16,5 м от кургана 3. Диаметр его насыпи 9 м, высота 0,38 м. Он окружен рвом шириной 3 м. Яма глубиной 2,5 м имеет размеры поинзу 2,4×0,8 м. Стенки ямы прямые. С северо-западной стороны имеется подбой размерами 2,64×1 м прямоугольных очертаний. Дно подбоя ниже уровня ямы на 5—10 см. Максимальная высота подбоя 0,9 м.

В подбое лежали 2 погребенных, ориентированных головами на юго-запад (азимут 210°), в вытянутом положении. У погребенного 1, лежавшего в глубине подбоя, руки вытянуты, а у погребенного 2 — сложены в области паха.

В изголовье стоял полусферический сосуд, в котором находилась четырехугольная курильница со сгоревшими веточками (рис. 2, 4, 7). Здесь же стояли водоносная фляга (рис. 2, 3) и деревянный сосуд. Около этой посуды лежала заупокойная пища в виде куска туши барана.

У погребенного 1 на левом бедре, видимо, был ремень, украшенный бронзовыми гвоздевидными заклепками. Этим ремнем пристегивался колчан, в котором находилось 7 стрел с железными наконечниками. Они лежали около колена левой ноги и своими остриями были направлены к ступням ног (рис. 2, 18). Между нижними частями ног лежали 2 бронзовые пряжки с обоймочками для крепления ремня (рис. 1, 31—32). Между бедренными костями найден конец железного меча.

У погребенного 2 на левой части груди лежал длинный железный меч, куски которого лежали и между ног. На погребенном был кожаный пояс с многочисленными бронзовыми гвоздиками с широкими шляпками. Здесь же лежала бронзовая пряжка, состоявшая из двух частей (рис. 1, 24). В районе ступней ног найдено 6 бронзовых круглых пряжек с выступами-крючками (рис. 1, 33—36) и золотой предмет, украшенный бирюзовой инкрустацией (рис. 1, 14). Около плечевой кости правой руки лежал железный кинжал, а восточнее черепа — 6 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, направленных остриями в

юго-западную сторону. На голове погребенного 2 лежали 2 костяные концевые обкладки лука (рис. 1, 16—17), а 2 другие — рядом с фалангами пальцев ног. Около последних лежало 2 куса дерева с продольной структурой. Между погребенными находилось несколько сильно коррозированных железных предметов. Вдоль стенки подбоя были зафиксированы следы камыша.

Курган 5 находится в 15 м восточнее кургана 4. Диаметр щебеночной насыпи высотой около 17 см равен 6 м. Ширина предкурганного рва — 2 м. Яма глубиной 1,64 м и размерами 3×0,9 м расположена в центре кургана. На северо-западной стороне сделан подбой овальной в плане формы длиной 3 м и шириной 0,82 м. Высота подбоя около 0,6 м. Дно подбоя на 5—7 см ниже уровня ямы. Подбой был закрыт вертикально поставленными плитами размерами 1,5×0,8 м; 0,4—0,7×0,8 м; 1×0,7 м.

В подбое лежала погребенная головой на юго-запад (азимут 217°), в вытянутом положении, на спине. У изголовья стоял деревянный сосуд диаметром 15—17 см с 4 бронзовыми пластинками, согнутыми вдвое, одетыми на край сосуда. Около фаланг пальцев правой руки стоял лепной сосуд (рис. 2, 11). В ногах стояли кувшин (рис. 2, 8) и фляга (рис. 2, 5). Вдоль костей рук найдено 96 золотых бляшек с двумя отверстиями. В южном углу подбоя найдены кости барана.

Курган 6 высотой 0,4 м и диаметром 10 м окружен рвом шириной 4 м. В яме размерами 2,6×0,72 м и глубиной 1,6 м в северо-западной стене сделан подбой глубиной 1,8 м от материка и размерами в поперечниках 2,7×0,8 м, который был закрыт вертикально стоящими плитами размерами 0,76×0,7 м, 0,44×0,7 м, 0,54×0,8 м. Большая часть плит завалилась в подбой из-за его обрушения. Там, где плиты остались неповрежденными, промежутки между ними промазаны глиняным раствором.

В подбое в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад (азимут 213°) лежала погребенная. Ее левая рука согнута в локте, кисть лежит в области таза. Около изголовья находилась заупокойная пища в виде куска туши барана, железный нож и керамическая фляга (рис. 2, 10). Рядом с головой лежало бронзовое зеркало, завернутое в ткань и кошму (рис. 1, 10). У затылочных костей черепа найдено 2 бронзовые серьги (рис. 1, 4). На кисть левой руки был надет браслет, состоящий из 13 стеклянных сильно ирризированных бусин, а на кисть правой руки — браслет из 9 бусин. У колена левой ноги найдены нож, ножны (рис. 1, 25—26) и бронзовый колокольчик (рис. 1, 13). Здесь же находилось 6 бронзовых перстней и колец и 1 железное кольцо. Они были завернуты в ткань. На щитке одного из перстней имеется изображение фантастического существа. Вдоль правой ноги лежало 2 деревянных предмета, обмазанных тонким слоем алебаstra и расписанных красной краской. Ширина каждого из этих предметов равна 10 см. Промежуток между ними равен 6 см.

Если это один предмет, то его ширина равна 26 см. В северо-восточном углу подбоя стоял горшок (рис. 2, 9).

Курган 7 находится в 20 м западнее кургана 6. Его диаметр 8 м, высота 0,35 м. Насыпь окружена рвом шириной 5 м. Могильная яма, имеющая форму вытянутого овала неправильной формы, шириной 0,65—0,82 м, была перекрыта каменными плитами размерами 0,48—0,55×0,75—0,85 м, которые *in situ* сохранились только по краям ямы. Плиты лежали на плечиках ямы, уровень которых ниже материковой поверхности на 0,40—0,45 м. Глубина могильной ямы — 1,9 м, ее размеры понизу—0,76—0,90×2,88 м.

Погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад (азимут 228°). Лучевая и локтевая кости правой руки смещены. У изголовья стоял кувшин (рис. 2, 6) и лежала заупокойная пища в виде куска туши барана. На локтевой и лучевой костях правой руки лежала рукоять меча с прямым перекрестием. Часть клинка покоилась на ребрах и тазовых костях (рис. 1, 18). Около бедренной кости левой ноги лежали 4 железных ножа (рис. 1, 20—23), железный крючок и острне. В районе поясницы под погребенным найдено 6 костяных накладок на пояс (рис. 1, 29—30). В районе коленных чашечек обнаружен бронзовый круглый предмет, аналогичный найден рядом с малой и большой берцовыми костями левой ноги. Вдоль юго-восточной стенки могильной ямы лежал деревянный лук с концевыми и срединными накладками. Рядом с берцовыми костями правой ноги найдено 15 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (рис. 2, 13—17). Остриями они направлены к ступням ног. Фрагменты железного кинжала (рис. 1, 19) обнаружены около нижней части берцовых костей правой ноги рядом со срединными накладками.

Из приведенного описания курганов видно, что они, за исключением кургана 1, располагаются правильными цепочками, ориентированными в широтном направлении. Расстояние между насыпями в цепочках колеблется весьма незначительно — от 1 м до 2,5 м. Высота насыпей не превышает 0,4 м, а диаметр равен 8—10 м. Они окружены небольшими предкурганными рвами шириной 2—5 м. У кургана 1 его ширина составляет 13 м.

По конструкции погребальных сооружений раскопанные курганы делятся на два типа: грунтовая могильная яма; яма с подбоем.

Глубина могильных ям равна 1,45—1,9 м. В кургане 3 на уровне материка она была перекрыта каменными плитами. Глубина подбоев равна 1,6—1,64 м (соответственно курганы 6 и 5) и 2,5 м (курган 4). Дно подбоев ниже дна впускной ямы на 5—27 см. В двух случаях (курганы 5, 6) подбой были закрыты вертикально стоящими плитами. Подбой располагались только в северо-западной стороне впускной ямы и имели с ними одинаковую ориентацию. Засыпка ям производилась песком и щебнем.

Ориентация погребенных весьма устойчива и колеблется незначительно — между 210° и 234° .

Следы камыша зафиксированы в курганах 2 и 4. Обязательной чертой погребального обряда было положение заупокойной пищи около головы погребенного. Только в кургане 3 кости барана лежали в ногах.

Женщин укладывали в могилу, видимо, в одежде, со всеми украшениями и предметами туалета. В мужских захоронениях присутствует оружие (мечи, кинжалы, стрелы, луки). Мужчин также хоронили в одежде, о чем свидетельствуют находки пряжек, украшений, поясов.

Керамические и деревянные сосуды ставились в мужские и женские захоронения. Деревянная посуда ставилась только в изголовье, керамическая — в ногах, в изголовье, сбоку.

О. В. Обельченко, обобщая материалы по погребальному обряду Средней Азии в связи с анализом Лявандакского и Куюмазарского могильников, подтверждает, что для Средней Азии характерно, в основном, положение погребенных головой на юг (1, с. 125—130).

Вопрос о распространении и генезисе подбойных захоронений Ферганской долины с привлечением материалов по Средней Азии и Казахстану обстоятельно рассмотрен Б. А. Литвинским, и, видимо, не имеет смысла возвращаться к его анализу (2, с. 57—73).

Достаточно близких аналогий в материалах Средней Азии погребальному обряду нами не найдено. Положение погребенных головой на юго-запад в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье для III—II вв. до н. э. является одним из основных наряду с южной и юго-восточной ориентировкой (3, с. 22).

Обратимся к анализу погребального инвентаря.

Мечи найдены в курганах 4 и 7. Судя по положению, они были преднамеренно сломаны. Общая длина меча из кургана 7 равна 0,85 м (рис. 1, 18). Длина двухлезвийного меча, имеющего в сечении форму двояковыпуклой линзы, равна 0,69 м. Ширина клинка — 4,3 см, длина рукояти, расширяющейся к перекрестию, — 13,3 м. Навершие отсутствует. Длина перекрестия — 9,8 см. Его ширина в центральной части — 2,3 см. К краям оно расширяется до 3,6 см. Нижняя сторона перекрестия ровная, расширение его к краям происходит за счет изгиба верхней части. При переходе боковых сторон перекрестия к нижней и верхней его сторонам имеются скошенные грани. На всей поверхности меча сохранились остатки дерева от ножен, которые были покрыты кожей, раскрашенной в ярко-красный цвет. Сохранились участки такого покрытия длиной до 14 см.

Меч из кургана 4 имеет худшую сохранность. Ширина его двухлезвийного клинка 4,2 см.

Меч из кургана 7 может быть сравнен с мечами без металлических наверший и с прямыми перекрестиями, длина которых в среднем составляет 4,5—6 см при ширине 0,8—1,2 см (4, с. 6).

Курганы Согда, исследованные О. В. Обельченко, дают наиболее близкие территориальные аналоги (1, с. 131, рис. 10, 17—21; 5, с. 118—119, рис. 1). Этот тип мечей он датировал II—I вв. до н. э. Аналогии мечам с прямым перекрестием без металлических наваршей приведены в сводках по сарматскому вооружению (4, с. 19). Прямых аналогий меч из кургана 7 не имеет.

В курганах 4 и 7 найдены кинжалы. Кинжал из кургана 7 длиной 24,2 см имеет максимальную ширину лезвия 4,6 см. Клинок расклонился по продольной оси и в изломе хорошо видно, что он изготовлен из нескольких полос путем проковки и сварки (рис. 1, 19). Кинжал из кургана 4 длиной 30 см близок по форме вышеописанному, но имеет худшую сохранность.

Кинжалы без перекрестия с клинком треугольной формы очень часто сосуществуют с мечами и кинжалами, имеющими прямые перекрестия. По мнению некоторых исследователей, между ними имеются и хронологические различия.

Костяные срединные и концевые накладки луков обнаружены в курганах 4 и 7. В кургане 7 расстояние между концами концевых накладок составляет 0,9 м. Срединные накладки лежали точно посередине. Длина срединных накладок из кургана 7 равна 20,3 см, максимальная ширина — 2,9—3,3 см. От заостренных концов они плавно расширяются к середине. Концевые накладки узкие и длинные. Их длина — около 29 см. На внутренних и внешних сторонах многих фрагментов видны косые насечки. Вырезы для тетивы имеют прямоугольную форму.

Наконечники стрел — железные, трехлопастные черешковые — найдены в курганах 4 и 7. У большинства имеются характерные особенности, отсутствующие в имеющихся классификациях (4, с. 35—42; 6, с. 75—91; 3, с. 32—33). При списании наконечников мы пользовались отдельными пунктами схемы формализованного описания железных наконечников стрел, предложенной Б. А. Литвинским и И. Р. Пичкиным (7, с. 206—208).

1. Этот тип наконечников представлен двумя экземплярами — по одному из курганов 4 и 7 (рис. 2, 13). Высота наконечника из кургана 7, имеющего треугольную головку, — 58 мм. Высота лопасти — 38 мм. Высота жальца, составляющего продолжение лопасти — 6 мм. Высота черешка — 19 мм, разлет головки по жальцам — 19—23 мм. Угол наклона лопасти к горизонту — 89°. Максимальный диаметр черешка — 3 мм. Наиболее близкие территориально аналоги имеются в курганах Согда II в. до н. э. О. В. Обельченко отметил, что в комплексах встречаются как крупные, так и мелкие наконечники стрел с опущенными жальцами (1, с. 142).

Б. А. Литвинским они выделены по II тип предложенной им классификации (6, с. 77—82). Рассматривая генезис трехлопастных черешковых наконечников стрел, А. М. Хазанов относит их к III—I вв. до н. э., подчеркивая что в I в. до н. э. — они стали

единственным видом на территории Средней Азии и Казахстана (4, с. 37—39).

2. В эту группу мы относим по одиннадцать экземпляров из курганов 7 (рис. 2, 14) и 4 (рис. 2, 18). Высота наконечников из кургана 7 равна 59—76 мм. Высота лопастей колеблется от 34 до 50 мм. Необходимо отметить, что восемь экземпляров имеет высоту лопастей, равную 42—50 мм. Для всех наконечников характерны вытянутые пропорции, их жальца составляют продолжение лопастей. Их высота — 5—10 мм. Такие большие размеры объясняются тем, что между основанием черешка, которое определяется верхним краем древка, и лопастями имеются промежутки, сделанные, очевидно, для лучшего скрепления черешка с древком. Древко стрелы входило в эти пазы и под лопастями обвязывалось сухожилиями. Максимальная толщина лопастей равна 2 мм. Необходимо отметить, что лопасти расположены не под углом в 120° , а несколько асимметрично. Разлет головки по жальцам равен 19—24 мм. Угол наклона лопастей к горизонту — $79-81^\circ$.

Наконечники стрел из кургана 4 имеют несколько иные размеры. Высота наконечников — 48—65 мм, лопастей — 29—37 мм, жалец — 4—6 мм. Разлет головки — 14—19 мм. Угол наклона лопастей к горизонту составляет $78-88^\circ$. Черешок высотой 21—30 мм — треугольный или многогранный, сечение диаметром 4—6 мм. Диаметр древка равен 6—8 мм.

Характерная особенность этих наконечников — промежутки между основанием черешка и жальцами лопастей — ранее исследователями не отмечалась.

3. Этот тип представлен одним экземпляром (рис. 2, 15). Высота наконечника, имеющего треугольную головку, равна 72 мм. Высота лопастей — 23 мм. Они срезаны под прямым углом к массивной втулке диаметром 6 мм и высотой 7 мм, в которую вкован черешок длиной 40 мм при максимальном диаметре 3 мм.

Для Нижней Волги этого времени характерны трехлопастные наконечники с длинными черешками, которые М. Г. Мошкова выделяет в особую группу (3, с. 33, табл. 17, 62—64). Аналогичные наконечники встречаются и в синхронных материалах Южного Урала.

В курганах Узбоя трехлопастные наконечники стрел с длинным черешком найдены вместе с бронзовыми трехлопастными втульчатыми наконечниками и датированы Х. Юсуповым IV—II вв. до н. э. (8, с. 50—51, рис. 22).

4. К этому типу отнесен один экземпляр (рис. 2, 16). Общая высота 62 мм. Он имеет треугольную головку, лопасти слегка выпуклые, жальца которых являются их прямым продолжением. Высота лопастей — 26 мм, разлет головки по самой широкой части лопастей — 12 мм. Кованый черешок длиной 37 мм имеет форму многогранника. Заканчивается упором, находящимся под жальцами лопастей. Его диаметр 5 мм.

5. Наконечник стрелы с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к горизонту, представлен одним экземпляром высотой 63 мм (рис. 2, 17). Высота лопастей — 36 мм, черешка — 27 мм, разлет лопастей — 14—16 мм. Черешок в сечении треугольный.

Железные ножи с кольцевидными навершиями происходят из женских захоронений в курганах 3 (рис. 2, 28) и 6 (рис. 2, 25). Рукоять ножа из кургана 6 была обложена деревом, обтянута красной кожей и обмотана нитками. Ножи сопровождали железные ножны, состоящие из 2 частей. Ножны из кургана 6 украшены ажурным орнаментом. В вырезках видна подкладка красного цвета.

Аналогичный нож происходит из Лявандакского могильника (1, с. 110, 148, рис. 10, 11).

Бронзовые ножи с кольцевидными навершиями были широко распространены в Сибири и на территории Казахстана в тагарскую и сакскую эпохи (9, с. 71, табл. XXI, 11; 10, с. 228, табл. 38; 11, с. 61, рис. 11, 5, с. 63, рис. 12, 4; 3, с. 38, табл. 11; 12, с. 162—163).

В кургане 4 найден железный нож длиной 23 см, согнутый вдвое. М. Г. Мошкова отмечает, что обычай сгибания ножей, положенных в могилы, характерен для прохоровской культуры (3, с. 38).

Железные ножи с прямой спинкой и небольшим черешком длиной 9,1—15,2 см происходят из кургана 7 (рис. 2, 20—23). Подобные ножи бытовали в течение длительного времени и часто встречаются в могильниках Средней Азии (1, рис. 18, 10; 13, с. 127—128, табл. V, 11—12; 14, с. 142—143, табл. III, 9; 15, с. 115—116, табл. 47).

Зеркало из кургана 2 диаметром 9,9—10,1 см имеет на одной стороне выпуклый валик по краю и утолщение в средней части (рис. 1, 1). Ручка прямоугольная в сечении, длиной 3 см прикована к краю диска, неровного и несколько асимметричного. Зеркало из кургана 3 диаметром 12,4 см с выпуклым валиком по краю шириной 1,6 см, выступающим из плоскости диска на 6 мм, снабжено боковой ручкой-штырем длиной 4,6 см. Она имеет в сечении форму прямоугольника. На штырь крепилась деревянная ручка, на которую было надето костяное кольцо диаметром 3 см с выпуклым валиком в верхней части, по которому проходят 2 прочерченные полосы (рис. 1, 7). На конец ручки было надето полусферическое навершие диаметром 3,1 см в нижней части, имеющее форму 12-гранника. Его вершину венчает изображение птички (петух?) со сквозным отверстием. Общая высота навершия — 4,6 см (рис. 1, 8).

Зеркало из кургана 6 диаметром 11,5 см снабжено по краю слабовыпуклым валиком и выступающей ручкой-штырем длиной 3,3 см (рис. 1, 10). Максимальная толщина зеркала — 7 мм. В средней части имеется утолщение конической формы. Толщина

зеркала в центре — 15 мм. Зеркало было завернуто в ткань и кошму.

О. В. Обельченко датирует подобный тип зеркал II в. до н. э. — I в. н. э. (16, с. 48—50, рис. 16, 1—2). Одно из анализируемых им зеркал снабжено костяной ручкой. В памятниках прорховской культуры они отнесены к III—II вв. до н. э. (3, с. 43, табл. 23, 21).

На Северном Кавказе аналогичные зеркала происходят из погребальных комплексов IV—I вв. до н. э. (17, с. 52, 60, рис. 23—24).

В сарматском мире евразийских степей дата этого типа зеркал не выходит за пределы I в. до н. э. — II в. н. э. (18, с. 403, 454, рис. 52, 12; 19, с. 65, рис. 2, 2).

Б. А. Литвинский датирует этот тип I в. до н. э. — II—III вв. н. э. (20, с. 43—47). В одной из последних работ верхняя дата поднята уже до IV в. н. э. (21, с. 95—96, табл. IX, 1). В Хорезме подобные зеркала найдены на Койкырганкале, где они датируются I в. до н. э. — II в. н. э. (22, с. 147—148, рис. 59, 2) и на некрополе Миздахкана, где оно отнесено ко II в. до н. э. (23, с. 120, рис. 51, 1).

На некрополе Тилля-тепе аналогичное зеркало с костяным кольцом на рукояти отнесено к первым векам н. э.

Браслеты найдены в кургане 2 (рис. 1, 9, 11). Они сделаны из бронзового прута круглого или уплощенного в сечении. Наряду с несомкнутыми имеются браслеты в 3—4 оборота диаметром 5,5—6,7 см. Концы утолщены и срезаны под острым углом. В скифских памятниках аналогичные браслеты, по классификации В. Г. Петренко, отнесены к 7 типу и датированы IV—III вв. до н. э. (24, с. 54—55, табл. 44, 45, 7, 8, 11). Для Северного Кавказа они характерны для III—I вв. до н. э. (17, с. 46, рис. 15, 5). В Южном Приуралье такие браслеты датированы М. Г. Мошковой III—II вв. до н. э. (3, с. 43, табл. 24, 8). Золотые браслеты из Калиновского могильника В. П. Шилов сравнивает с 2 браслетами из коллекции Петра I и датирует I в. до н. э. — I в. н. э. (18, с. 463—464, рис. 51).

Серьги из кургана 2 представлены на рис. 1, 2—3. Общая длина серег — 5,1 см. На прямую часть серьги намотана тонкая проволока. Золотая серьга амфоровидной формы с агатовой вставкой обнаружена в кургане 3 (рис. 1, 5). Серьги амфоровидной формы найдены в кургане 6 Лявандакского могильника и датированы О. В. Обельченко II—I вв. до н. э. (1, с. 111—112; 156—157, рис. 15).

Серьги из Калиновского могильника В. П. Шилов относит к I в. до н. э. — I в. н. э. (18, с. 463, рис. 51). По мнению Б. А. Литвинского, амфоровидные серьги появились в Средней Азии во II—I вв. до н. э. и широко распространились в первые века н. э. (25, с. 139). В кургане 6 найдены две бронзовые серьги, которые получили в литературе название очковидных (рис. 1, 4). Анало-

глиняные подвески часто встречаются в курганах центрального и северо-восточного Кавказа скифского времени (26, с. 59, рис. 41, 11, рис. 54, 6).

Пряжки найдены только в кургане 4. Две бронзовые пряжки диаметром 27—29 мм с выступающим на 3 мм крючком сделаны из бронзового прута (рис. 1, 33—34).

Аналогичные пряжки характерны для памятников прохоровской культуры и могут быть датированы III—I вв. до н. э. (3, с. 40, табл. 25, 23). Две бронзовые пряжки диаметром 25—26 см снабжены выступающим крючком, плоским в сечении. Концы, в отличие от вышеописанных, не спаяны. К противоположной от крючка стороне рамка становится тоньше (рис. 1, 35—36).

Две бронзовые пряжки длиной 45 и 47 мм максимальной шириной 15—16 мм сделаны из круглого в сечении прута диаметром 3 мм. Один конец пряжки — полуовальный, другой снабжен прямоугольной рамкой для продевания ремня (рис. 1, 31), который крепился полуовальными скобочками (рис. 1, 32).

Концевые украшения свисающего пояса найдены в кургане 4 (рис. 1, 14). Они сделаны из золота и украшены тремя рядами бирюзовой инкрустации. Их высота — 2,3 см, диаметр понизу — 7 мм, диаметр отверстия — 5 мм. Аналогичные предметы из кости происходят из могильников Тумек-Кичиджик (14, с. 149, табл. IV, 12) и Тузгыр (13, с. 132, табл. VI, 8) и датируются соответственно I в. до н. э. — II в. н. э. и первыми веками н. э. С. С. Сорокин подобный предмет из курганов в районе Пазырыка называет «костяным оголовьем» и относит к первым векам н. э. (27, с. 66, рис. 10, 1).

Керамика найдена во всех курганах. Она представляет значительный интерес, поскольку указывает на направление этнокультурных связей населения центральных Кызылкумов. Кувшины происходят из 3 курганов. Кувшин из кургана 3 высотой 37 см не имеет верхней части горловины. Максимальный диаметр тулова (27,3 см) находится в его нижней части. Диаметр плоского дна — 16 см. Ручка имеет в сечении бобовидную форму. Ниже основания ручки плечики кувшина опоясываются двумя слабовыраженными валиками, выше основания ручки проходит еще один валик. Сосуд приобрел при обжиге серый цвет. В глиняном тесте хорошо видны примеси белого отощителя. Наружная поверхность покрыта черным ангобом (рис. 2, 1).

Кувшин из кургана 5 высотой 25,3 см изготовлен из хорошо приготовленной глиняной массы. Диаметр немного вогнутого дна — 11 см. Горловина кувшина отделена от плечиков уступом и плавно сужается кверху. Верхний край ее резко отогнут наружу. Ручка тонкая. Наружная поверхность большей части тулова покрыта серо-бурым ангобом. Цвет черепка и горловины кирпичный. На плечиках нанесен знак из двух параллельных полос (рис. 2, 8).

Кувшин из кургана 7 высотой 30,5 см близок по форме вышеописанному, но отличается от него пропорциями. Горловина отделена от плечиков небольшим уступом. Ангобного покрытия не отмечено (рис. 2, 6).

Наиболее близким аналогом кувшинам из курганов 5 и 7, судя по публикации, является кувшин из кургана I первой группы Лявандакского могильника (1, с. 105, рис. 13, 5). Кувшины с уступами при переходе горловины в плечики, по мнению М. Г. Воробьевой, в Средней Азии встречаются редко. Они найдены на Чирикрабате (28, с. 37, рис. 25, 6, рис. 26, 32), в Кую-Мазарском могильнике (29, с. 215, 217, рис. 12).

Говоря о глиняном тесте этих кувшинов, исследователи подчеркивают, что оно бывает разных оттенков: от яркого краснокирпичного до тусклого серовато-песочного. Аналогичные кувшины датируются исследователями «временем, никак не более поздним, чем начало II в. до н. э., а вернее — более ранним» (28, с. 37).

Кувшин с аналогичным венчиком известен с городища Бабишмулла I и датируется IV—II вв. до н. э. (30, с. 168, табл. 9, 5).

Все указанные признаки, характерные для сосудов из северо-восточного Приаралья, отмечены и в нашей керамике.

Горшки найдены в курганах 2 и 6. Они вылеплены вручную, имеют шаровидное тулово, слегка выпуклое дно. Наружная поверхность покрыта беловато-зеленоватым ангобом. Край горловины сосуда из кургана 6 (рис. 2, 9) резко отогнут наружу и его венчик имеет полочковидную форму. Венчик горшка из кургана 2 (рис. 2, 12) слегка вогнут внутрь горловины. Наиболее близким аналогом горшку из кургана 6 является сосуд из могильника Тумек-Кичиджик, который отнесен В. А. Лоховицем к I в. до н. э. — II в. н. э. (14, с. 145—146, табл. VI, 7).

Водоносные фляги найдены в курганах 4—6. Фляга из кургана 4 (диаметр 21 см, ширина тулова 16 см) состоит из двух полусферических частей, изготовленных на гончарном круге (рис. 2, 3). Боковые стороны украшены концентрическими окружностями. Наружная поверхность покрыта неравномерно темно-коричневым ангобом.

Вьючные фляги, украшенные прочерченными концентрическими окружностями, известны по материалам Хорезма и северо-восточного Приаралья (Чирикрабат), где они датируются IV—II вв. до н. э. (30, с. 152).

Фляги из курганов 5 (рис. 2, 5) и 6 (рис. 2, 10) имеют одну уплощенную сторону и сделаны без применения гончарного круга. Наружные поверхности покрыты беловатым ангобом.

В кургане 4 найдены верхняя часть полусферической курильницы (рис. 2, 4), плоская четырехугольная курильница с двумя сквозными отверстиями в боковых сторонах (рис. 2, 7).

Из кургана 5 происходит сосуд высотой 9,5—10,2 см с четырехгранным корпусом и четырехугольным дном (рис. 2, 11).

Курильницы подобных форм характерны для погребальных комплексов последних веков до н. э. — первых веков н. э. и встречаются на обширных территориях евразийских степей и Средней Азии.

Исходя из всей совокупности погребального инвентаря, мы предварительно датируем могильник III—II вв. до н. э. Необходимо отметить, что погребальный инвентарь очень своеобразен и не находит для многих категорий территориально близких аналогий. Есть основания предполагать, что могильник оставлен племенами, переселившимися из северо-восточного Приаралья (района Чирикрата).

Наибольшее количество курганов в могильнике является свидетельством кратковременной остановки кочевавшего племени, что обязывает нас датировать курганы коротким отрезком времени. Однако сузить предлагаемую дату не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обельченко О. В. Лявандакский могильник//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
2. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
3. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры//САИ. Вып. 1—10. М., 1963.
4. Хазанов М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
5. Обельченко О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда//СА. 1978. № 4.
6. Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел//СА. 1965. № 2.
7. Литвинский Б. А., Пичкян И. Р. Тахти-Сангин — каменное городище/раскопки 1976—1978 гг.//Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
8. Юсупов Х. Ю. Исследования курганных памятников вдоль верхнего Узбоя весной 1973 г.//УСА. Вып. 3. Л., 1975.
9. Вишневская О. В. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.//ТХАЭЭ. Т. 7. М., 1973.
10. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
11. Максимова А. Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе//КСИИМК. Вып. 80. 1960.
12. Толстов С. П., Иттиа М. А. Сакн низовьев Сырдарьи//СА. 1966. № 2.
13. Лоховец В. А., Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тузгыр//ТХАЭЭ. Т. 11. М., 1979.
14. Лоховец В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик//ТХАЭЭ. Т. 11. М., 1979.
15. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию//МИА. 136. М.—Л., 1966.
16. Обельченко О. В. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника//КСИИМК. Вып. 91. М., 1962.
17. Виноградов В. Б. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963.
18. Шилов В. П. Калининский курганный могильник//МИА. Вып. 60. М.—Л., 1959.
19. Абрамова М. И. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э.//СА. 1959. № 1.
20. Литвинский Б. А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал//МКТ. Вып. 2. Душанбе, 1971.

21. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
22. Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма III в. до н. э.— IV в. н. э.//ТХАЭЭ. Т. 5. М., 1967.
23. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
24. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.//САИ. Вып. Д 4—5. М., 1978.
25. Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
26. Виноградов В. Б. Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
27. Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка//АСГЭ. Вып. 18. Л., 1977.
28. Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г.//МХЭ. Вып. 4. М., 1960.
29. Обельченко О. В. Кую-мазарский могильник//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Вып. 8. Ташкент, 1956.
30. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

У. В. РАХМАНОВ, Ш. Р. ПИДАЕВ

РАСКОПКИ КАРАВАН-САРАЯ В РАБАДЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕРМЕЗА

При обследовании территории средневекового рабада Старого Термеза в его северо-западной части были отмечены холмы своеобразной формы. Эти всхолмления, прямоугольной или квадратной в плане формы (со стороной 50—70 м), возвышаются над окружающей поверхностью на 1—2 м. В центральной части они имеют низину, опущенную по отношению к возвышенным местам холмов на 1—2 м. На одном из таких холмов около северной стены рабада был заложен раскоп. В полевом сезоне 1986 г. раскопки проводились в северной части холма, вскрытие культурных наслоений и строительных остатков проведено на площади примерно 400 м². Раскоп прямоугольной формы в плане, длиной до 47 м, шириной 8—9 м, ориентирован по оси север-северо-запад.

В процессе раскопок выявлено строение больших размеров XII в. с двумя строительными горизонтами, возведенное на остатках крупного сооружения предыдущего времени (пом. № 1а—9) (рис. 1). Первый строительный горизонт характеризуется следующим образом: раскопан западный фас здания, состоящий из одного ряда помещений, пристроенных к обводной стене. Все помещения (10 пом.) — схожих размеров, примерно 300×450 см, имеют выход во внутренний двор. Во вскрытой части здания обводная стена сплошная, ворота не обнаружены. С первым строительным горизонтом на этом раскопе связано сооружение здания и первоначальное его использование. Толщина культурных слоев достигает 60 см. Определенный промежуток времени здание было заброшено. Об этом свидетельствует наличие отмеченного при раскопках всех помещений слоя надувного песка (до

20 см). Во втором строительном горизонте здание снова обживалось и использовалось по прямому назначению. Произведенный ремонт и дополнительные кладки не оказали существенного влияния на первоначальную планировку здания. Культурные слои с довольно постоянной толщиной этого горизонта — до 50 см. Обводная стена построена из пахсы с довольно постоянной толщиной 110—115 см. Сохранность удовлетворительная. Высота сохранившейся части обводной стены — до 90 см. К обводной стене пристроены кладки стен помещений, сооруженных из сырцового кирпича. Анализ раскопа 7 позволяет на настоящем этапе исследования подразделить вскрытие помещения по функциональному назначению. В первый период обживания здания помещения № 1, 1а, 5—9 являлись жилыми, № 2 и 3, видимо, кладовыми для товаров жильцов.

Помещение № 4 было айваном с одной открытой во двор стороной. Во втором периоде обживания помещения № 1, 1а, 2, 3, 7—9 были жилыми. Судя по наличию очага и перегородок, помещения № 5 и 6 функционировали как зимние кухни и хранилища продуктов. Помещение № 4 продолжало использоваться как айван.

Планировка и характер застройки здания позволяют считать его с достаточно высокой степенью вероятности городским ка-

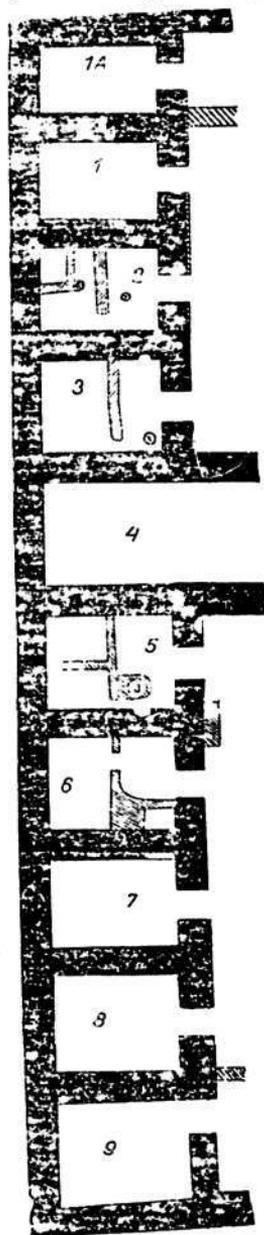

Рис. 1. План раскопа. Условные обозначения:

1 — стена первого периода; 2 — стена второго периода; 3 — очаг; 4 — хум.

раван-сараям. Он был, несомненно, построен по продуманному плану как единый архитектурный ансамбль, с четким разделени-

ем западного фаса на ряд одинаковых по размерам помещений. В то же время необходимо отметить тот факт, что строительство велось с отступлением от генерального плана здания. Об этом свидетельствует небольшая, но характерная разница в размерах помещений. Судя по всему, с учетом сравнительной бедности оформления помещений и находок в них можно предположить, что караван-сарай предназначался для небогатых постояльцев.

При раскопках караван-сарая было получено значительное количество археологического материала, характеризующего различные аспекты материальной культуры города эпохи развитого средневековья. В основном это весьма разнообразная по форме и оформлению керамическая посуда. Последняя подразделяется по функциональному назначению на тарную, столовую, хозяйственную и кухонную. Особые группы керамических изделий составляют светильники, сфероконические сосуды («симобкузача»), крышки и желобчатые сливы.

Категория столовой посуды характеризуется повышенным качеством глины, хорошим обжигом и обработкой поверхностей сосудов. Столовая посуда представлена поливными и неполивными формами. Неполивные сосуды обычно имеют процарапанную орнаментацию. К категории столовой керамики относятся чаши (коса), блюда (лаган), кувшины, горшки, чайники.

Тип I — чаши с туловом конической формы, округлых очертаний, с прямым или наклонным венчиком с заостренным краем и хорошо выраженным кольцевым поддоном. Некоторые сосуды имеют резервуар геометрических очертаний с ребром в средней части. Все косы покрыты поливой полностью с внутренней стороны резервуара. Большая же часть сосудов с наружной стороны имеет слой поливы шириной 2—3 см под венчиком. Глазурь на сосудах глухих тонов. В основном они покрыты темно-синей поливой или имеют на синем фоне орнамент в виде круговых линий и крестов черного цвета. Орнамент нанесен небрежными мазками. Отмечены подглазурные прочерченные линии, спирали и точки, имеющие более темный цвет, чем фон. Распространенным мотивом является крест из двух мазков черного цвета по дну сосуда. Представлены также чаши, покрытые поливой белого цвета. Диаметр венчиков кос 22—24 см, донца — 6—8 см. В одном экземпляре представлена чаша неполивная, имеющая резервуар округлых очертаний, с плавно загнутым внутрь венчиком с заостренным краем и плоское устойчивое донце. Поверхность сосуда хорошо заглажена. Диаметр венчика 20 см, донца — 6,8 см, высота 8,8 см. (рис. 2, 8).

Тип II — блюда, имеют уплощенную форму резервуара с прямым невысоким бортиком, кольцевой поддон. С внутренней стороны обычно покрыты поливой синего цвета с подглазурно прочерченными линиями. Некоторые сосуды имеют на донце крест, нанесенный двумя небрежными мазками черного цвета. По ха-

рактору орнаментации и технологии изготовления блюда аналогичны косам. Диаметр донца 8—9 см.

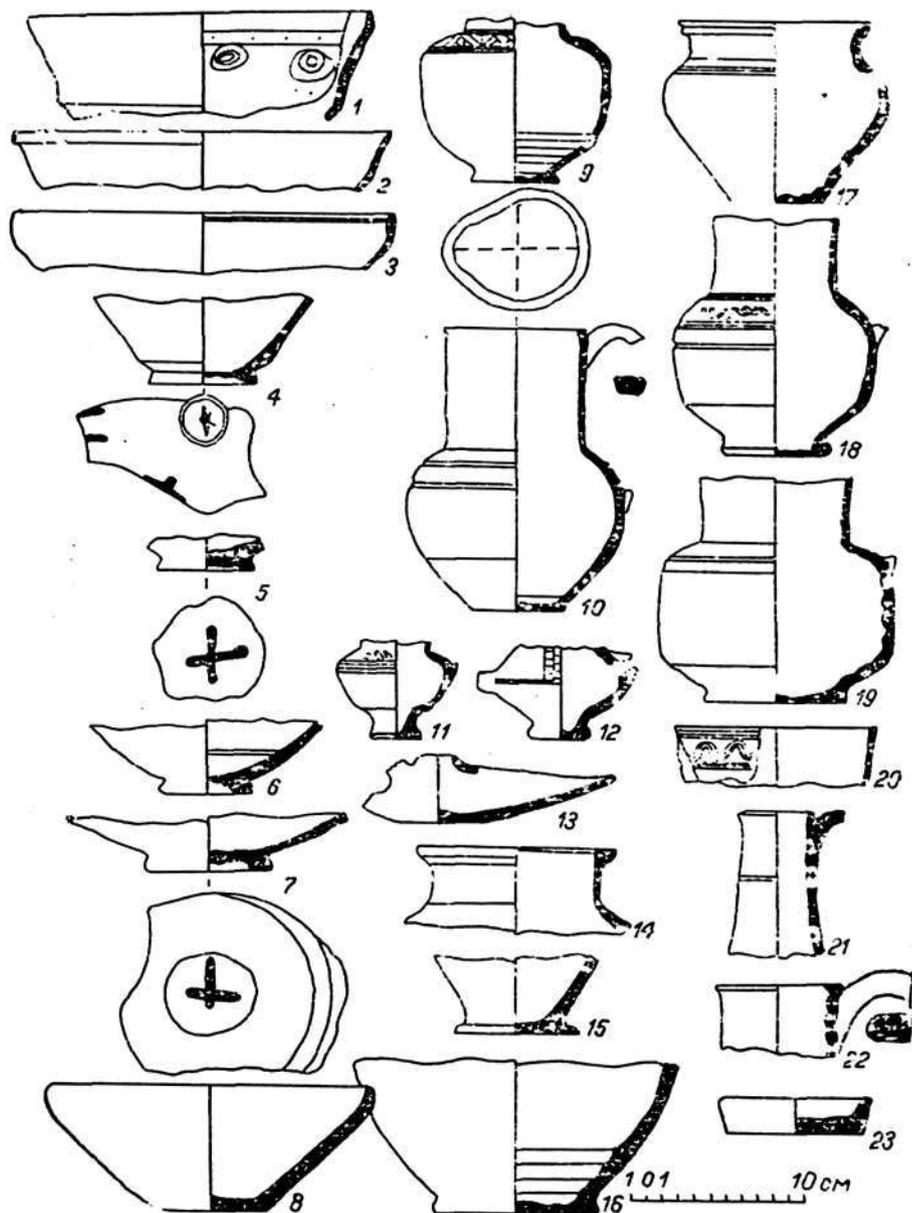

Рис. 2. Керамика.

Тип III — светильники (чирagi), имеют резервуар цилиндрической формы, довольно часто граненый, с желобчатым носиком.

Все чираги покрыты светло-синей и темно-зеленой поливой плохого качества. Диаметр устья этих сосудов 1,6—2 см (рис. 2, 3).

Тип IV — столовые неглазурованные кувшины с туловами цилиндрической формы, верхняя и нижняя часть которых оформлена в виде конуса, с высокой горловиной, прямым венчиком и плоским донцем. На плечиках сосудов — процарапанная орнаментация в виде фриза, ограниченного кольцевыми прочерченными линиями. Заполнение орнаментального фриза состоит из прочерченных косых и вертикальных линий, образующих в основном треугольники и короткие змейки. Поверхность сосудов хорошо заглажена. Диаметр венчика — 9—13 см, донца 6,5—9 см, высота — до 16 см (рис. 2, 9, 18—20).

Весьма своеобразен по форме небольшой кувшинчик, имеющий резервуар подбиконической формы с суженной нижней частью, вертикальной цилиндрической горловиной и расширенным устойчивым дном. На плечиках сосуда — место крепления петлеобразной ручки и орнаментальный фриз, нанесенный прочерченными линиями и смыкающимися змейками. Диаметр донца сосуда 3,5 см (рис. 2, 11).

Тип V — миниатюрный «чайник» с туловом биконической формы, суженной нижней частью и устойчивым дном. Над перегибом прикреплен трубчатый носик, с противоположной стороны — ручка в виде уплощенного выступа. На плечиках сосуда кольцевая полоса прочерченной орнаментации. Это треугольники, ограниченные сверху и снизу кольцевыми гребенчатыми линиями. Треугольники отделяются друг от друга вертикальными полосками, заполненными короткими черточками и точками. Диаметр донца сосуда 4 см.

Тип VI — неглазурованная чашечка, представленная в одном экземпляре. Она имеет цилиндрическую форму, прямой вертикальный венчик с закругленным краем. Поверхность сосуда заглажена. Диаметр венчика 9,6 см, донца — 9 см, высота 2,5 см (рис. 2, 23).

Категория хозяйственной посуды представлена кувшинами, горшками и тагора. Для этой категории сосудов характерна ухудшенная обработка поверхностей, сравнительно утолщенный черепок. Это обусловлено их сугубо практическим назначением.

Тип VII — хозяйственные кувшины, имеют округлую форму тулова с конической нижней частью, цилиндрическую горловину с прямым вертикальным венчиком и утолщенным краем, плоским выступающим дном. Вертикальная ручка крепилась одним концом к горловине под венчиком, другим — к плечикам. Некоторые сосуды имели узкую горловину, у части кувшинов отмечена орнаментация в виде кольцевых круговых линий на плечиках. Диаметр венчика 4—8,2 см, донца — 6—10,8 см, высота известна по одному сосуду: 19,5 см (рис. 2, 10, 15, 16, 21, 22). Найден также фрагмент сероглиняного кувшина с невысокой горловиной (вы-

сота 2,8 см) и полочкообразным венчиком четких очертаний. Диаметр венчика 13 см (рис. 2, 14).

Тип VII — горшки с туловом округло-конических очертаний, невысокой горловиной с выгнутым венчиком и узким донцем. На плечиках прочерчены кольцевые линии. Найден лишь один целый сосуд с диаметром венчика 11 см, донца — 6 см и высотой 12,2 см (рис. 1, 17).

Тип VIII — тагора, имеют тулово конической формы с полочкообразным венчиком и широким донцем. Поверхность заглажена лишь у некоторых сосудов (рис. 3, 1, 2).

Тип IX — тарная посуда, представлена хумами, которые найдены лишь во фрагментарном виде. По форме венчиков отмечено два вида хумов:

с округлым венчиком, выгнутым наружу. Толстостенные сосуды подправлены на гончарном круге. Диаметр венчика 14 см, донца — 14 см (рис. 3, 5, 6);

с подрезанной закраиной, которая является венчиком. В верхней части сосудов под венчиком есть полоса орнаментации, состоящая из гребенчато-волнистой линии, заключенной в две полосы гребенчато-прямых линий. Диаметр венчика 32—34 см (рис. 3, 3, 4).

Тип X — сфероконические сосуды для хранения ртути, найденные только во фрагментах. На большинстве «симобкузаца» есть прочерченная или сделанная путем вдавления орнаментация. Это прочерченные линии на плечиках с короткими вдавлениями и повторяющиеся концентрические уменьшающиеся углубления в средней части тулова. Черепок в изломе зеленого оттенка. Диаметр венчика 1—1,2 см (рис. 3, 16—19).

Тип XI — кухонные котлы, представлены следующими вариантами по форме венчика и наличию слива:

с уплощенным подтреугольным венчиком. У некоторых сосудов есть короткий слив под венчиком. Диаметр котлов 11—14 см (рис. 3, 11, 12);

котлы, закраина стенок которых является вертикальным, подтреугольной формы венчиком. Диаметр котлов 24 см (рис. 3, 13).

котлы с венчиком полочкообразной формы, отогнутым наружу. Диаметр венчика 25 см (рис. 3, 10).

Котлы изготовлены из глины с примесью песка и толченого известняка.

Тип XII — крышки, по форме подразделяющиеся на три варианта:

плоские с невысокой округлой ручкой в центре. Края крышек имеют по периметру кольцевые вдавления. Диаметр крышек 12 см (рис. 3, 9);

уплощенно-конической формы с невысокой ручкой, идущей раструбом в центре. Диаметр крышки 11,5 см (рис. 3, 7).

крышки для узкогорлых кувшинов — небольших размеров, с утяжеленной нижней частью (рис. 3, 8).

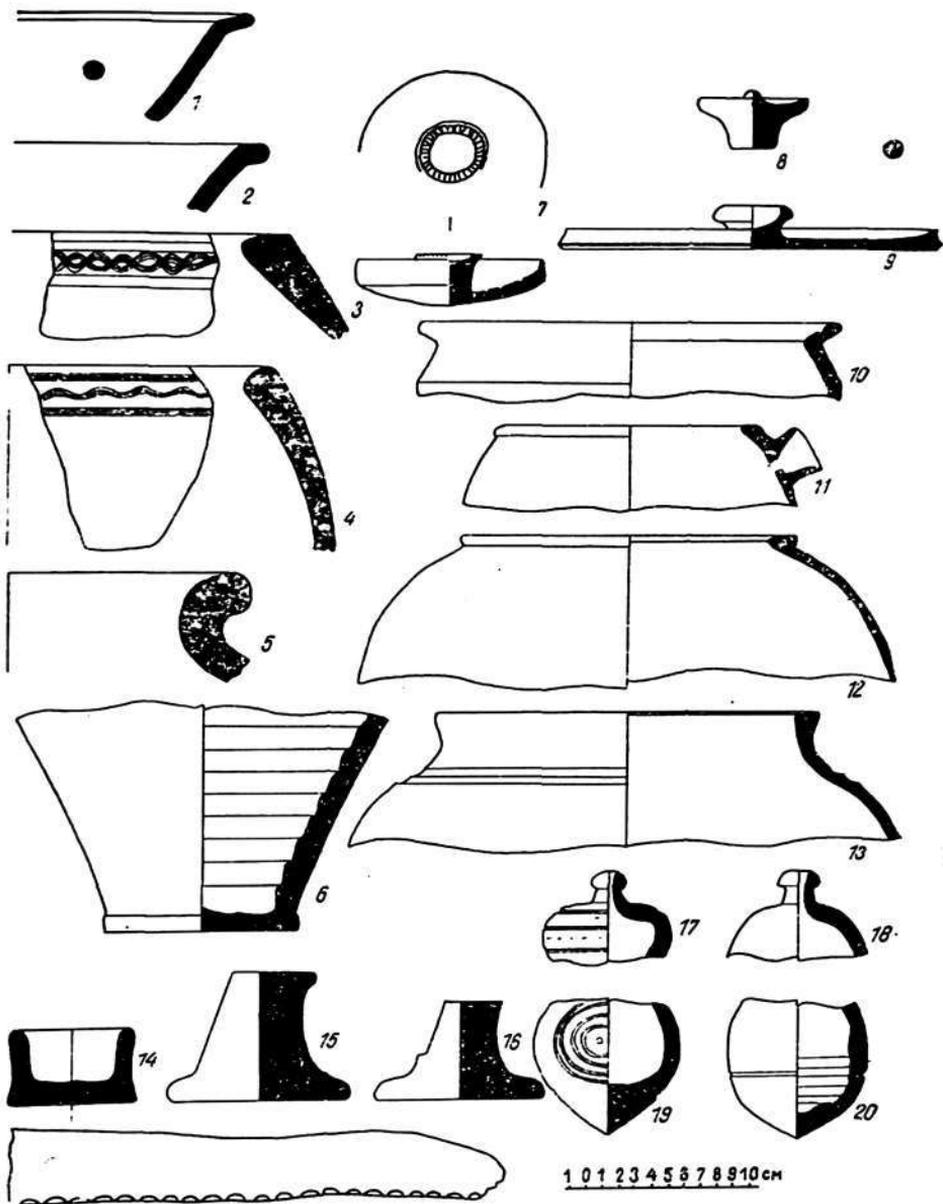

Рис. 3. Керамика.

Среди находок — два экземпляра орудий труда гончаров, изготовителей тандыров. Это дискообразная рабочая часть с массивной ручкой. Край ручки подрезан. Диаметр рабочей части 10,8—11,4 см, высота 6,7—8,8 см (рис. 3, 14, 15).

Найдены также обломки керамических желобов для стока воды — в разрезе прямоугольной формы, с прямым бортиком. Высота желобов 3—5 см, ширина 6,5—8 см (рис. 3, 20). Обнаружен фрагмент керамического кубура диаметром 12 см.

Наряду с керамикой в культурных слоях найдены обломки различных изделий, изготовленных из терракоты, меди, железа и стекла.

Найден керамический миниатюрный медальон сердцевидной формы, покрытый голубой поливой. Среди находок — фрагмент терракотовой статуэтки коня. Медные предметы представлены бесформенными обломками, за исключением одной бляшки прямоугольной формы с маленьким округлым выступом в нижней части. Длина бляшки 2,9 см, ширина 1,7 см. На лицевой стороне — выпуклый стилизованный растительный орнамент, заключенный в рамку. На обратной стороне — выступы для крепления бляшки (в верхней части два и внизу — один). Изделия из железа представлены одним дверным кольцом с гвоздем крепления. Диаметр кольца 4 см. Оно изготовлено из круглой в сечении проволоки. Гвоздь крепления — крючкообразной формы, пластинчатый в сечении, длиной 3,5 см. Стекло найдено в виде бесформенных обломков сосудов голубоватого и светло-зеленого оттенков. Найдены 3 медные монеты плохой сохранности.

Керамика эпохи развитого средневековья Старого Термеза практически не подвергалась специальному изучению, за исключением статьи Л. Н. Мережина, довольно скромной по объему (1). Керамика Старого Термеза, судя по материалам этих раскопок, имеет сходные черты с керамическими комплексами других областей Средней Азии. При сопоставлении термезской керамики отмечаются прямые аналогии с керамикой XII в. среднеазиатского региона.

Так, блюда и косы, покрытые голубой и темно-зеленой поливой, известны по раскопкам слоев XII в. в Бинкете (2, с. 107—111; 3, с. 61—62), Афрасиабе (4, с. 304—308, рис. 2; 5, с. 202—205, рис. 13), Кашкадарье (6, с. 15—16), Карабулаке (7, с. 70—79), Шехр-Исламе (8, с. 20—21, рис. 2) и других памятниках. На этих памятниках представлены и светильники-чираги с граненым резервуаром (9, с. 121, рис. 1, 13; 2, с. 113; 3, с. 63; 7, с. 78). Кувшины с высокой горловиной широко представлены в материалах Шехр-Ислама, Мерва и Карабулака (8, с. 34; 10, рис. 42; 7, с. 11). Найденные в Термезе фрагменты кувшинов с эпиграфическим и растительным стилизованным орнаментом находят аналогии в материалах Мерва, где штампованная керамика получила особо широкое распространение в XII — начале XIII в. (10, с. 401). Горшки с коническим резервуаром и широко

раскрытым устьем известны по Карабулаку (7, с. 49—50, рис. 30, 3). Сфероконические сосуды (симобкузача) широко распространены по территории Средней Азии и соседних регионов и упоминаются практически во всех исследованиях, посвященных эпохе развитого средневековья (9, с. 123; 8, с. 57—58; 11, с. 123—124; 12, с. 96; 13, 313—315; 14; 10, с. 359). Кухонной керамике Средней Азии XI—XII вв. посвящена лишь статья И. Ахрарова по материалам Ферганы (15, с. 146—151). Наблюдается определенное сходство термезских котлов с загнутым внутрь подтреугольным венчиком с котлами Ферганы.

Таким образом, керамические материалы караван-сарая находят аналоги в керамике XII в. памятников Средней Азии. Из-за малочисленности материалов пока не представляется возможным выделение локальных особенностей керамики XII в. Старого Термеза.

Для эпохи развитого средневековья на территории Средней Азии караван-сарай изучались в основном как элементы караванных путей. Наиболее широкие в этом плане работы велись на территории Южной Туркмении (16) и на центральном Устюрте (17, с. 130—139).

На территории Сурхандарьи исследован караван-сарай XVI—XVII вв. Хатынрабат (18, с. 40—41). Караван-сарай как элемент городского организма изучался в основном в Южном Туркменистане: в Восточном и Южном Дехистане, на городищах Кишмантепе, Аласкер (11, с. 76—81; 19, с. 162, 220, 223). При всей схожести с упомянутыми караван-сараями термезский имеет определенные особенности. Это отсутствие, во-первых, «многокомнатных» номеров, во-вторых, отделки стен помещений, в-третьих, декоративных башенок на внешней грани обводной стены, т. е. термезский караван-сарай являлся сугубо утилитарным сооружением, предназначенным для круга небогатых людей. Средневековые авторы упоминают постоянный двор (караван-сарай, фундук, хан) как постройку, связанную с торговлей. Интересен тот факт, что в Каире караван-сарай кроме своих прямых функций использовался как место работы ремесленников (20, с. 318—319).

В верхнем строительном горизонте термезского караван-сарая были отмечены следы керамического производства, обломки перебожженных, бракованных сосудов и керамический шлак. Остатки керамического производства для собственных нужд отмечены при раскопках караван-сарая в Саяте (21, с. 184—185).

Таким образом раскопки караван-сарая XII в. в рабаде средневекового Термеза позволили получить важные сведения о материальной культуре, в частности о керамике. Важнейшими являются и материалы по архитектуре и планировке общественного сооружения. Все это позволяет дополнить наши представления о Термезе как городском организме эпохи развитого средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережин Л. Н. Керамика XII — нач. XIII в. Старого Термеза//Труды ТашГУ. Вып. 172. Ташкент, 1960.
2. Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла//Древности Ташкента. Ташкент: Фан, 1976.
3. Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX—XII вв. Ташкент: Фан, 1986.
4. Ахраров И. К. К истории керамического производства на городище Афраснаб//Афраснаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
5. Ташходжаев Ш. С. Вопросы исторической классификации полновыпуклой керамики Афраснаба//Из истории искусства великого города. Ташкент: Фан, 1972.
6. Столяров Н. П. Средневековая керамика Кашкадарьинского оазиса. IX — нач. XIII в. Автореф. канд. дисс.... Ташкент, 1985.
7. Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1972 г.
8. Атагарриев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад: Ёлым, 1973.
9. Аблешева Б. Р. Средневековая керамика из поздних наслоений цитадели Афраснаба//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент: Фан, 1982.
10. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве. X — начало XIII в.//ТЮТАКЭ. Т. 11. Ашхабад, 1962.
11. Атагарриев Е. Средневековый Дехистан. Л.: Наука, 1986.
12. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982.
13. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма IX—XV вв.//ТХАЭЭ. Т. 4. М., 1959.
14. Жанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Анн. Ереван, 1982.
15. Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв.//ИМКУ. Вып. 8. Ташкент: Фан, 1969.
16. Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Маврааннахр//ТЮТАКЭ. Т. 13. Ашхабад, 1966.
17. Манылов Ю. П. Итоги изучения караван-сарая Центрального Устюрта XIV в.//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
18. Пидаев Ш., Армавская Э. Караван-сарай Хатынрабат//Архитектура и строительство Узбекистана. 1986. № 2—3.
19. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма//ТЮТАКЭ. Т. 6. Ашхабад, 1958.
20. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
21. Немцева Н. Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана//СА. 1969. № 3.

Т. ШИРИНОВ

АЛТАРИ ОГНЯ ИЗ ХРАМА ДЖАРКУТАНА — ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ ЮГА УЗБЕКИСТАНА

Джаркутан — памятник, относящийся к сапаллинской культуре, — расположен на левом берегу высохшего русла Бустансяя, некогда являвшегося одним из притоков Амударьи, на территории совхоза «Гулистан» Шерабадского района, в 30 км к востоку от Сапаллитепа. Обнаружен весной 1973 г. Ш. Пидаевым и В. Пи-

липо, осенью того же года начались раскопочные работы (1, с. 4).

Судя по топографии, Джаркутан — рассредоточенный памятник протогородского типа, вытянутый вдоль берега и занимающий огромную площадь (более 100 га). Берега Бустанся имеют крутой подъем, высота которого достигает 6—8 м. Западная часть памятника ограничивается берегом сухого русла реки и изрыта впадинами, оврагами, разделившими ее на отдельно стоящие холмы, восточная часть постепенно сливается с равниной и не имеет естественных границ. В отдельных холмах легко угадываются так называемые поселения, могильники, «цитадель», общественно-культурный центр — храм.

До настоящего времени обследовано около 1000 погребений из могильника Джаркутан 4, результаты отражены в монографии А. Аскарова и Б. Н. Абдуллаева (1).

Обследовано одно поселение на холме № 5, где прослеживаются отдельные дома, состоящие из нескольких комнат, мощеная дорожка, культовое помещение, погребения под полами, бассейн, имеющий сакральное значение. С западной, южной и восточной сторон поселение огорожено узкой обводной стеной, а северной обращено к реке Бустансяю.

Проведен зондаж-шурфовка на 18 участках памятника для выявления стратиграфии.

В последние годы раскопочные работы проводились на наиболее возвышенной части поселения — на холме № 6, где был выявлен нестандартный архитектурно-планировочный комплекс, который впоследствии был определен как общественно-культурный центр — храм. В плане он представляет собой прямоугольник (размеры которого 44,5×60 м), обращенный по сторонам света и обнесенный мощной обводной стеной толщиной 4,5 м. Планографически комплекс разделяется на три части: восточную, центральную, западную; функционально на две: хозяйственно-производственную и святилище.

Хозяйственно-производственный комплекс занимает западную часть, святилище второго порядка — восточную, а главное культовое сооружение расположено в центральной части, состоящей только из огромной платформы (13×31 м) и одного квадратного алтаря в середине баз от четырех колонн (2, с. 16—17).

В храмовом комплексе было вскрыто шесть круглых и два квадратных алтаря, расположенных в различных микроситуациях — одни в помещении, другие под открытым небом во дворе, на платформе.

Алтари, описываемые исследователями, обычно круглые в плане, опоясанные невысокими валиками, внутри которых обязательно прослеживаются следы горения. Некоторые исследователи их называют «алтарями-очагами», иногда просто «круглыми очагами», хотя все утверждают их культовое назначение.

Алтарь, алтарная часть присущи всем религиозным течениям, хотя их формы и содержание различны, но во всех случаях они служили объектом поклонения. В зороастрийских святилищах они сделаны из различных материалов (глина, металл) и имеют круглые чашевидные углубления, в которых горел священный огонь.

По С. И. Ожегову, слово «алтарь» имеет два значения: это уединенная часть христианской церкви и жертвенник (3, с. 25). Такие определения для алтаря более древнего, доклассового периода неприемлемы, так как описываемые исследователями алтари этого времени не являлись архитектурными деталями и, возможно, не были местом жертвоприношения, хотя это трудно оспаривать. Это круглые или квадратные очаги, где горел священный огонь, который считался объектом поклонения, культа. Алтари не являлись бытовыми очагами и отличались от них и формой, и размерами, и, главное, расположением. Следовательно, неверно их описывать как «алтари-очаги», где внимание акцентируется больше на бытовом смысле, чем на культовом. Исследуемые нами сооружения имеют исключительно культовый характер, следовательно, мы будем описывать их как «алтари».

Круглые алтари. Их в храме зафиксировано шесть штук. Все они дисковидные, имеют форму почти правильного геометрического круга, диаметр которого варьирует от 90 до 160 см, толщина бортика — от 16 до 21 см, высота их 8—10 см. Сырцовые, тщательно отштукатуренные, поверхность их очень слабо обожжена, почти не имеет следов копоти. Они расположены на одном уровне с полом. Алтари хронологически относятся к разным строительным этапам, их местоположение различное. Заполнение у всех почти одинаковое — стерильная зола с включением мелких древесных угольков, которые покрыты отвердевшим лессом.

Алтарь № 1 — самый крупный, диаметр 160 см, толщина дисковидного бортика 20 см, высота 10 см (рис. 1, 6). Он расположен в западной хозяйственной части храма, в помещении № 15, рядом с хозяйственным двором № 3. Размеры помещения — 4 × 7 м. Алтарь был сооружен на втором строительном этапе.

Алтарь № 2 — диаметр 115 см, толщина стенки 20 см, высота 10 см (рис. 1, 1). Расположен в западной части храма, в помещении № 11, в так называемой винодельне. Следует отметить, что внутри круга в южном секторе имеется углубление, полукруглое в плане, диаметром 40 см, глубиной 24 см (рис. 1, 1). Это единственный алтарь, в котором имеется углубление внутри. Свообразна его микроситуация: он находится в центре помещения, с севера к нему подступает винодельня, с юга — большой хум, врытый в пол, с востока — стена, на которой на небольшом участке наблюдаются следы тления, напротив алтаря с запада — вход. Алтарь, как и винодельня, сооружен на третьем строительном этапе.

Алтарь № 3 — диаметр 90 см, ширина бортика 16 см, высота 9 см (рис. 1, 2). Расположен в угловом помещении № 7, которое находится напротив дорожки, ведущей к священному двору № 2 в восточной части храма. Недалеко от алтаря имеется невысокая платформа — прямоугольная суфа и небольшая металлургическая печь (?). Этот алтарь относится к третьему строительному этапу обживания храма.

Алтари № 4, 5, 6 расположены во дворе № 2 под открытым небом в восточной части храма. Двор, судя по оформлению, яв-

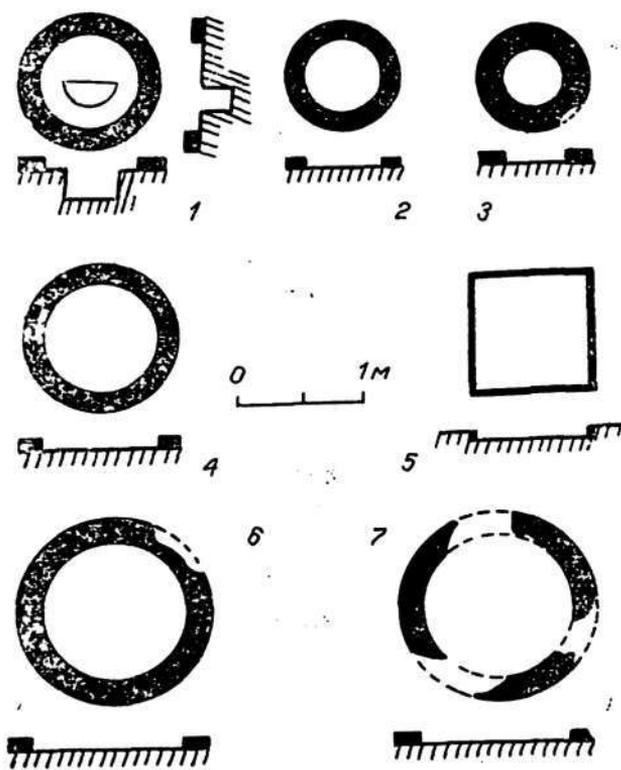

Рис. 1. Алтари огня:

1—№ 2; 2—№ 3; 3—№ 5; 4—№ 4; 5—№ 5 (печь?); 6—№ 1; 7—№ 6.

лялся культовым. Имеет форму прямоугольника, размеры которого 12×24 см, вытянут с юга на север, пандусом поднимается на север. По центру двора проложена мощеная дорожка шириной 1,5 м, которая упирается в алтарь № 6 — более крупный по сравнению с алтарями № 4 и 5. Напротив последних на другой стороне дорожки функционировал колодец. Еще один колодец обнаружен за алтарем № 6, на первом строительном этапе на месте этого алтаря также был колодец, который впоследствии был засыпан, а на его месте был сооружен алтарь. Все эти алтар-

ные сооружения расположены в культовом дворе и относятся к третьему строительному этапу обживания храма, а колодцы — более ранние, относятся к джаркутанскому этапу сапаллинской культуры.

Алтарь № 4 расположен у подножия пандуса, на расстоянии 2 м от дорожки, диаметр его 125 см, ширина бортика 16 см, высота 10 см (рис. 1, 4).

Алтарь № 5 расположен в одном ряду с алтарем № 4 и на таком же расстоянии от мощеной дорожки. Диаметр 90 см, ширина бортика 18 см, высота 9 см (рис. 1, 3).

Алтарь № 6 находится в глубине двора, в торце гравийной дорожки, вблизи стены. Расположен во дворе II, судя по местоположению, имел доминирующее значение. Диаметр 150 см, ширина бортика 20 см, высота 10 см. Сохранность этого алтаря плохая (рис. 1, 7).

Итак, круглые алтари храма различаются лишь по микроситуации расположения: одни находились под открытым небом во дворе, другие в помещениях хозяйственного назначения.

Квадратные алтари. Сохранность круглых алтарей хорошая, их функциональное назначение бесспорно, чего нельзя сказать о квадратных алтарях, которые очень плохо сохранились. Трудно восстановить их форму и соответственно установить назначение. Алтарь, расположенный на платформе, сильно разрушен (территория была распахана под сельхозугодия). По возможности были собраны рваные куски бортика алтаря. В разрезе они имели пирамидальную форму, а не прямоугольную, как у стенок круглых алтарей. Вся поверхность, даже основание бортика, тщательно оштукатурена. Это свидетельствует о том, что бортики алтаря, вероятно, были изготовлены отдельно, а затем монтировались на месте. Стенки слегка обожжены. Имеются угловатые фрагменты, которые дают возможность восстановить форму в виде квадрата или прямоугольника. Ширина основания фрагмента бортика 18 см, высота 11 см. На месте алтаря было большое скопление золы. Этот алтарь расположен в обособленном месте, в середине между четырьмя квадратными каменными базами от колонн (90×90 см), — вероятно, они являются остатком сооружения типа зороастрийских «чахартаков». Это сооружение вместе с алтарем в центре являлось доминантой всего храма. Восстановить размеры алтаря трудно. Базы расположены симметрично на расстоянии 2,5 м и 3,5 м. Если за основу брать хотя бы половину размеров сторон каменных баз колонн, то можно вывести площадь алтаря. Если бы алтарь был квадратным, его площадь равнялась бы соответственно 125 см² или 175 см². Не исключено, что он был больше самого крупного круглого алтаря ($D=160$ см).

Второй квадратный алтарь расположен в хозяйственной западной части храма, в самом большом в этой части помещении № 12 (3×8,5 м). Алтарь расположен справа, недалеко от входа, в 50 см от восточной стены. Размеры алтаря — 90×90 см, он

единственный, который был углублен в пол (рис. 1, 5). Стенки более интенсивно обожжены, чем стенки остальных алтарей, заполнение — характерное для всех алтарей. Может быть, это бытовой очаг? В храме также были вскрыты бытовые очаги, отличающиеся по форме и местоположению от алтарей. Бытовые очаги имеют форму прямоугольника, с одной стороны открыты. Как правило, они находятся в стенах или около стен, о чем свидетельствуют очаги поселений Джаркутана (холм № 5) и Сапал-литера, где вообще не обнаружено очагов на полу, свободно отстоящих от стен. Бытовые очаги сильно закопчены, что свидетельствует о постоянном их функционировании, а также использовании в качестве топлива неподготовленного материала — сырого топлива, коровьего помета и т. д., который нельзя жечь на алтаре. Исходя из этого, можно допустить, что квадратный очаг в помещении № 12 — не бытового назначения, а культового, т. е. был алтарем.

Каково функциональное назначение алтарей? Чем можно объяснить различие форм и местоположений? Как уже было отмечено, для всех алтарей присущи следы горения огня, заполнение их одинаковое. Стенки алтарей слегка обожжены, почти не закопчены, следовательно, в них разводился небольшой огонь и, возможно, непостоянно, а в качестве топлива использовался особый сорт древесины, от которой было меньше копоти.

Как известно, у многих народов мира при отправлении различных религиозных обрядов зажигался огонь. В провинции Франш-Конте (Франция) для ритуального костра по домам собиралось топливо — специально подготовленный сухой хворост (4, с. 571). Зороастрийцы Ирана запрещали сжигать мусор, так как «огонь был всегда священным» и даже «для разведения огня в домашнем очаге употреблялось сухое, чистое дерево», а на алтарях сжигались ценнейшие из твердых пород деревьев, в том числе сандаловое дерево, дающее при горении приятный запах (5, с. 33, 54).

Круглая форма в плане нередко применялась древними зодчими при строительстве святилищ, храмов, сама по себе такая планировка имела сакральное значение у многих народов мира (6, с. 39; 8). Круг рассматривается многими исследователями как символ солнца (6, с. 39; 8, с. 47—51). Алтарь — огненная космология в виде солярного культа, продукт представления индо-европейских народов, который отражен в Ригведе и Авесте (6, с. 39). Многие европейцы в недалеком прошлом в религиозных обрядах зажигали круглые диски с зазубренными краями, имитирующие соплце, и подбрасывали в воздух (4, с. 372—373).

По зороастризму, символом Верховного бога Ахура Мазды является огонь, а его обиталище — само солнце (5, с. 29—33).

Почти все исследователи в изображении «колеса», «кольца», «диска» видят символ солнца, и эта точка зрения в настоящее время является господствующей (9, с. 105). Итак, круглые алта-

ри храма Джаркутана имели сакральное значение — культ огня, символизирующий солнце.

Круглые алтари в памятниках эпохи бронзы и энеолита очень широко распространены. Модели круглых алтарей были обнаружены в погребениях. Раннетулхарского могильника (9, с. 8—60, 125—129), в слоях III строительного периода Саразма (10, с. 152—167), в Калибангане (харакская культура (11, с. 16)), в памятниках курааракской культуры (12, с. 156—157), в энеолитических слоях Саразма (10, с. 152—167), в энеолитических памятниках Южной Туркмении: Айнадепе (13, с. 87—89, рис. 41, 1), Чонгдепе (14, с. 12—13, рис. 7; 9), Геоксюр 1, 7 (14, с. 87—89, рис. 41, 2—3; 15, с. 44—45—56, рис. 2; 3), в ранних комплексах Сузнана (16, с. 107—108), в памятниках III тыс. до н. э. Азербайджана, Армении, Грузии, Восточной Анатолии (12, с. 156). Конечно, энеолитический пласт — более ранний, чем возраст рассматриваемых нами объектов, тем не менее комплекс эпохи бронзы генетически взаимосвязан с энеолитическими комплексами.

Как отмечалось, обнаруженные в храме квадратные алтари также были культовыми. Форма квадрата в монументальных сооружениях отождествляется с четырьмя сторонами света (6, с. 39).

Интересно отметить, что жители некоторых районов Шотландии «жреческие культы, праздник Бельтана» справляли на холмах, их храмом была вся вселенная (4, с. 577).

Квадрат символизировал основные элементы мира: «огонь — вода — земля — воздух» — таким образом достигается идеально устойчивая структура, целостность, интегрируются основные параметры космоса (17, с. 630).

Вероятно, круг символизировал солнце, а квадрат отражал более широкое понятие — космос, всю вселенную.

Квадратные алтари не так широко распространены, как круглые. Они найдены в храме Джаркутана, в погребениях Раннетулхарского могильника (9, с. 8—60, 125—129), в бронзовых слоях Саразма (10, с. 152—167), Алтындепе (18, с. 64). По всей вероятности, являются культовыми некоторые квадратные очаги, вскрытые во дворе в круглом храме Дашли-3 (6, с. 34—39) и в обводных коридорах Сапаллитепе (19, с. 32).

Различные форм алтарей, по всей вероятности, было связано смысловыми нагрузками, вложенными в них. А. М. Мандельштам, анализируя подобные объекты, сопоставляет их с алтарями древней Индии, где каждый из них имел социально-идеологический статус. Первый из них — гархапатья, «огонь господина дома», т. е. домашний алтарь, имеющий круглую форму, который генетически был связан с функцией женщины, хранительницей домашнего очага. Второй огонь — ахаванья — представлял собой жертвенный огонь, где совершались жертвоприношения богам,

имел квадратную форму, по сути был жреческим, общественным, непосредственно связанным с функцией мужчин. Третий огонь — дакшина, «южный», выполнял в основном роль оберегателя от злых сил, от опасностей, его алтарь имел полукруглую форму (9, с. 126). В Раннетулхарском могильнике макеты круглых алтарей обнаружены в женских погребениях, квадратные — в мужских (9, с. 8—46, 126).

Как отмечалось выше, в храме Джаркутана было найдено восемь алтарей, из них шесть круглых и два квадратных с различным местоположением. Возможно ли провести параллель между алтарями древней Индии, отраженными в «Ригведе», и алтарями Джаркутанского храма, несмотря на имеющиеся существенные различия в хронологии? Нам представляется это возможным, если учесть, что многие культы, обряды и традиции поздних религиозных систем своими корнями уходят в первобытно-общинный строй, они гораздо старше, чем те религиозные учения, в которые вошли, по своей природе очень консервативны и почти не меняются на протяжении длительного отрезка исторического времени.

Священный огонь ахавания, алтарь которого имел квадратную форму, являлся жреческим. В Джаркутане его алтарь расположен на самом возвышенном месте, на специально построенной огромной платформе (13×31 м) в центре храма. Алтарь находится в центре между четырьмя каменными базами колонн, вероятно, некогда поддерживавших какую-то кровлю. Судя по местоположению, этот алтарь был главным объектом поклонения в храме.

Второй квадратный алтарь расположен в хозяйственной части в помещении № 12, которое находится напротив металлургической мастерской. Входы этих помещений расположены симметрично. Возможно, этот алтарь считался домашним алтарем металлургов-ремесленников, мужчин. В погребениях литейщиков эпохи средней бронзы из северо-восточного Приазовья были обнаружены литейные чаши, имитирующие переносной «домашний очаг» и горн. «Каждая кузница имела огонь-горн и очаг и горн», чтобы в любое время воспользоваться священным огнем (20, с. 226—231).

Круглые алтари расположены как внутри помещений, так и под открытым небом во дворе.

Алтарь № 1 находится в помещении № 15, которое расположено рядом с хозяйственным двором № 3, где обнаружен ряд раздавленных крупных хумов, служивших для хранения продовольствия. Не исключено, что этот алтарь имел отношение к хранителям продовольственных запасов храма.

Алтарь № 2 находится в помещении № 11, в так называемой «винодельне». Служители храма в этом помещении, вероятно, изготавливали священный напиток, именуемый в поздних литературных памятниках «Ригведе» и «Авесте» «соми-хаума» (21, с.

113—121). В конструкции алтаря наблюдается интересная деталь: внутри круга в середине имеется полукруглое углубление; огонь, который возжигался на подобном алтаре, считался в древней Индии «дакшина» — оберегом. Если считать напиток хаума священным, «дарующим бессмертие», «целителем», то можно легко объяснить наличие полукруглого алтаря-оберега, который помещался в середине между «винодельней» и большим хумом, в котором находился «божественный напиток». Не исключено, что изготовлением этого напитка главным образом занимались женщины, о чем и свидетельствует наличие круглого алтаря с полукруглым углублением внутри. Алтарь № 3, расположенный в угловом помещении № 7, также имел домашний характер.

Алтари № 4, 5, 6 имели особый статус и были расположены в сочетании с колодцами под открытым небом во дворе, который был специально спланирован и поднимался пандусом с юга на север. Два алтаря (№ 4 и 5) выстроены в один ряд, третий расположен в глубине двора, где кончается мощеная дорожка. Последний алтарь крупнее размерами. Напомним, что он сооружен на месте засыпанного колодца.

«Ригведе», бог Агни («огонь») — бог огня, домашнего очага, жертвенного костра — рожден в воде, одна из ипостасей его «огонь в воде», он живет в воде (17, с. 35). Хотя крайне трудно установить взаимосвязь между приведенным мифом и алтарем огня, сооруженным на колодце, тем не менее факт требует объяснения. Следует отметить, что в древности в общественно-культурных зданиях, храмах ни один кирпич не был положен без смысловой нагрузки, соответствовавшей господствующим ритуалам и обрядам.

Как известно, огонь олицетворял жизнетворное начало, силу пробуждения, солнечные чары, очистительную силу, выступал как оберег, хранитель мира, счастья, стимулятор благополучия, богатства и т. д.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что в храме Джаркутана огонь являлся главным культом. По-видимому, в честь культа огня был сооружен и сам храм. Если алтари в эпоху энеолита и ранней бронзы выступали как домашний культ, а в Джаркутане и как домашний, и как общественный, это говорит о том, что из рамок одного помещения они вышли на общее обозрение, поклонение. Постепенно менялись мировоззрение и идеология первобытных людей, огонь в сознании превратился в могучую силу, что привело к постепенному обожествлению его, к сооружению монументальных храмов.

В зороастризме огонь был главным культом. Его почитали народы Средней Азии, Ирана, Индии и др. Как уже говорилось, и до формирования зороастризма почитался культ огня и, вероятно, имеется гносеологическая взаимосвязь между этапами, так как то и другое явления протекали на одной территории — на Среднем Востоке. Нет ничего более консервативного и устойчиво-

го, чем ритуалы и обряды народов. Неслучайно алтари зороастрийских храмов имели круглую форму, в частности на священной террасе Барде-Нешанде (Иран), датируемой началом I тыс. до н. э. (22, с. 21, рис. 10). Да и в более поздних зороастрийских храмах священный огонь хранился в круглых латунных чашах. Алтарь огня в Накши-Рустаме (Иран), сооруженный на квадратном подиуме и оформленный по углам полукруглыми колоннами, имел квадратную форму (23, с. 643, рис. 397; 24, с. 68, рис. 3).

Итак, хотя мы далеки от однозначного решения протозороастрийского характера рассматриваемых культовых объектов и гносеологической взаимосвязи их с поздним зороастризмом, но все же, исходя из фактов, утверждаем некоторую общность между ними, а окончательное решение будет опираться на более широкий, комплексный материал.

В ближайшее время можно с уверенностью утверждать, что до формирования зороастризма существовал в Средней Азии мощный пласт культурной традиции, обряды и культы которой послужили источником для формирования учения Зороастра, т. е. был протозороастрийский этап, длившийся на протяжении огромного промежутка исторического времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлов А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
2. Аскарлов А., Ширинов Т. Раскопки монументального храма на Джаркутане/Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Ташкент, 1985.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1983.
4. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1983.
5. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк). М., 1962.
6. Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
7. Hautescour L. *Mistiquc et Architecture Symbolisme du Cevcelet de Caurole*. Paris, 1954.
8. Хлопин И. Н. Модель круглого жертвенника из Ялангач-депе//КСИА. Вып. 98. 1964.
9. Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане//МИА. 1968. № 145.
10. Исаков А. Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии//СА. 1986. № 1.
11. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация, философия, наука, религия. М., 1980.
12. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
13. Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. М.—Л., 1964.
14. Сариниди В. И. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении//Археология СССР. САИ, БЗ-8. Часть 4. М., 1965.
15. Сариниди В. И. Культовые здания поселений анауской культуры//СА. 1962. № 1.
16. Mesquenet R. *De Fouilles de Suse, 1933—1939*. MMA en Iran, P., 1943, t. XXV.

17. Мифы народов мира/В двух т. Т. 1. М., 1980.
18. Массон В. М. Алтын-депе//ТЮТАКЕ. Т. 18. Л., 1981.
19. Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
20. Ильтюков Л. С. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-восточного Приаралья//СА. 1986. № 2.
21. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От скифии до Индии. М., 1983.
22. Ghirshman R. Terrasses de Sacress de Bard-e Nechandeh et Masjed-i Soeaiman. Memoires de la delegation archeologique en Iran. T. XLV, Mission de Susiane. Paris, 1976
23. Perrot G., Chipiez C. Histoire de l'Avt. Tom V, Perse, Paris, 1890.
24. Grousset R. Pre-aryan Iran. A Survey of Persian art. Vol. 1, New York, 1938.

К. АЛИМОВ, Х. ДУКЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КАВАРДАНЕ В 1985 г.

В 1985 г. специальным отрядом Шаш-Илакской экспедиции Института археологии АН УзССР были продолжены раскопки могильника, расположенного в 25 км к востоку от Ташкента на северной окраине Кавардана (1, с. 457; 2, с. 52—58; 3, с. 86—99; 4, с. 30). Могильник насчитывает более 1000 курганов с лессовыми насыпями диаметром от 7 до 18 м, высотой от 0,5 до 3,1 м. Курганы иногда примыкают друг к другу, чаще расположены на расстоянии 2—3 м. В текущем году вскрыто восемь курганов; семь из них содержали глубокие катакомбы с поперечными дромосами, один представлял наземное сооружение — наус. Полностью раскопаны курганы 2, 3, 4, 8 и наус, остальные частично*. Наус расположен в 500 м к северу от городища Кавардан. Диаметр холма 18 м, высота 2,7 м. На глубине 0,6 м обнаружены обломки сырцовых кирпичей, ниже — кирпичная кладка. Снаружи наус представляет собой округлое сооружение из сырцовых кирпичей, ориентированное по оси север—юг, с некоторым отклонением на юго-запад—северо-восток. Размеры науса: с севера на юг — 5,7 м, с запада на восток — 5,2 м, сохранившаяся высота стен 1,85 м. Сложены они из сырцовых кирпичей, чередующихся рядов желтого и серого цветов. Кирпичи серого цвета — маленького формата, расположены плашмя, размеры их разные: ширина 10—13 см, толщина 6—7 см. Размеры сохранившихся желтых кирпичей: 46×?×11—12 см. Они также положены плашмя, но в длину. Наружная поверхность стены — с небольшим уклоном внутрь. Внутри помещенные размерами 1,25×1,25. Вход сводчатой формы — в западной части науса. Общая длина входа 2,1 м, ширина 0,7 м, высота

* Работы вели К. Алимов и Х. ДукЕ под руководством Ю. Ф. Бурякова.

0,9 м. Снаружи он выделен выступающим порталом. Ширина портала 2,3 м, высота 1,1 м, длина правой щеки 0,75 м, левой 0,95 м. Помещение со всех сторон окружено суфой высотой 1,45 м. Пол заложен прямоугольными сырцовыми кирпичами размерами 48×28×12 см. Кирпичи покрыты глиняной обмазкой толщиной 5—7 см. На полу и суфе расчищено множество раздробленных человеческих костей, остатки двух черепов, отдельные кости животных, обломки оссуария, внутри которого оказались измельченные человеческие кости, в том числе от черепа. Вследствие давления плотного грунта оссуарий сохранился очень плохо и распался на множество мелких фрагментов. Кроме того, на полу помещения найдены железная круглая поясная пряжка с откидным язычком, большая пастовая бусина, 15 фрагментов хума, обгоревшие семена (просо?) и широкогорлый кувшин, выработанный на гончарном круге, — с широким дном, почти округлым туловом, невысокой шейкой с отогнутым наружу венчиком. Петлеобразная вертикальная ручка прикреплена к туловищу. Наружная поверхность тулова — с горизонтальным рифлением. Кувшин покрыт красновато-розовым ангобом. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика 9 см, донца — 8 см. Наус, как и инвентарь, найденный в нем, находит наиболее близкие параллели среди наусов и инвентаря из Туябугузского и отчасти пскентских могильников (5, с. 131—136). Туябугузские наусы также имели округлую форму в плане, но сложены из пахсы и сырцового кирпича, а в стенах камеры находились ниши, которые не встречаются на Кавардане. Вместе с тем весь инвентарь, в том числе и кувшин, аналогичен инвентарю из Туябугузских наусов (6, с. 71—79; 7, с. 167). Поскольку материалы последних датируются VI — началом VIII в. (7, с. 184), этим же временем должен датироваться кавардаиский наус.

Курган 2 расположен в 25 м к северо-западу от науса. Катакомба кургана обнаружена случайно. Свод катакомбы обвалился, дромос не расчищен. Катакомба — сводчатой формы, длина 1,8 м, ширина 1,5 м, высота от дневной поверхности 2,5 м. При расчистке обнаружен скелет человека. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентирован головой на север, руки вытянуты вдоль туловища. Скелет сильно потревожен. От черепа сохранились лишь отдельные фрагменты. Кости ног отсутствуют. Сохранность костяка неудовлетворительная. Около головы находились два сосуда. Миска круглодонная, красноангобированная, полусферической формы с вогнутым внутрь венчиком. Диаметр устья 19 см, высота 9 см. Кружка — цилиндрической формы с ручкой в виде двух спаянных между собой петлеобразных ручек, дно плоское. Наружная поверхность покрыта розоватым ангобом, который в большей части стерся. Высота сосуда 16,5 см, диаметр венчика 14 см, диаметр донца 13,5 см.

Курган 3 находится в 170 м к юго-востоку от науса. Насыпь круглая, диаметр 16 м, высота 1,7 м. При снятии насыпи в центре обнаружен вертикальный ступенчатый дромос, ориентированный почти по оси север—юг. Длина его 2,5 м, ширина 0,85 м, глубина 4,3 м. Он имеет две ступеньки: глубина до верхней ступеньки 0,85 м, до нижней 1,4 м. Вход в катакомбу в юго-восточной части дромоса заложен сырцовыми кирпичами размерами 55×30×8—9 см. Катакомба перпендикулярна дромосу, сводчатой формы, длина 3,1 м, ширина 1,4 м, высота 0,75 м. При расчистке обнаружен скелет человека, лежащий на спине в вытянутом положении, ориентирован головой на восток, руки и ноги вытянуты вдоль туловища. Он принадлежал мужчине, возраст которого не удалось определить. Сохранность костяка удовлетворительная. У входа в дромос выявлены детские кости, сложенные в кучу. Справа от черепа стояли три глиняных лепных сосуда: два кувшина и одна миска.

Миска — с бортиком по краю; тулово, постепенно сужаясь, переходит в плоское донце. Венчик слегка отогнут наружу. Наружная поверхность покрыта красноватым ангобом. Высота сосуда 8 см, диаметр венчика 20 см, донца — 10,5 см. Кувшин — с отогнутым наружу венчиком, вытянутым туловом, переходящим в широкое, плоское донце. Горловина прямая. На тулове прикреплена вертикальная петлеобразная ручка с выступом в верхней части в виде стилизованной собаки. Изготовлен вручную ленточным способом. Высота 17 см, диаметр венчика и донца 9 см. Второй кувшин — с широким плоским дном, округлым туловом, отогнутым наружу венчиком. К горлу и плечикам прикреплена вертикальная петлеобразная ручка. В верхней части имеется выступ в виде стилизованного барана. Высота 18 см, диаметр венчика 8,5 см, донца — 10 см.

Курган 4 расположен в 52 м к юго-западу от кургана 3. Насыпь круглая, диаметр 10,8 м, высота 3,1 м. При снятии насыпи в центре выявлен ступенчатый дромос, ориентированный почти по оси север—юг. Длина дромоса 3,2 м, ширина 1,6 м. Он опускается вертикально на глубину 4,3 м; в нижней части сужается и превращается в узкую канавку глубиной 0,95 м, шириной 0,65 м. Дромос упирается в катакомбу, вход которой заложен сырцовыми кирпичами размерами 40×40×9 см. Катакомба перпендикулярна дромосу; она сводчатой формы, длина 2,7 м, ширина 1,3 м, высота 1,2 м. При расчистке катакомбы обнаружен скелет человека. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, ориентирован головой на восток, руки вытянуты вдоль туловища. Костяк потревожен, часть костей отсутствует, череп в фрагментах, без лицевой части. Сохранность костяка неудовлетворительная. Возраст погребенного 40—50 лет, пол не удалось установить. Около черепа выявлен кувшин с овальным, слегка отогнутым наружу венчиком, с выпуклым туловом и плоским донцем. Снабжен вертикальной петлеобразной

ручкой, прикрепленной верхним концом к середине горла сосуда. Высота 34 см, диаметр венчика 12 см, донца — 26 см. Здесь же обнаружены фрагменты лепного, сероглиняного плоскодонного кувшина.

Курган 8 находится в 30 м к северо-востоку от науса. Насыпь круглая. Диаметр 14,2 м, высота 1,3 м. При снятии насыпи в его юго-западной части обнаружен ступенчатый дромос, ориентированный с севера на юг. Длина его 6,6 м, ширина 2,2 м. В дромосе расчищено четыре ступеньки. Высота первой 0,3 м, ширина 0,2 м; второй, соответственно 0,5 и 0,6 м; третьей — 1 и 0,3 м; четвертой — 1,2 и 1,3 м. Вход в катакомбу заложен сырцовыми кирпичами размерами 50×28×10 см. Катакомба — сводчатой формы, перпендикулярна дромосу, длина ее 3,25 м, ширина 2,1 м, высота от дневной поверхности до дна катакомбы 4,6 м. При зачистке камеры на дне катакомбы выявлен скелет взрослого человека, лежащего на спине в вытянутом положении, ориентирован головой на восток. У головы находились два лепных кувшина. Кувшин с овальным отогнутым наружу венчиком, вытянутым туловом, к валику прикреплен верхний конец петлеобразной ручки, дно широкое, плоское. Наружная поверхность сосуда покрыта желтоватым ангобом. Высота 28 см, диаметр венчика 11 см, донца — 14 см. Второй кувшин — с отогнутым наружу валикообразным венчиком, сферическим туловом, с одной петлеобразной ручкой, прикрепленной верхним концом к его горлу. Дно широкое, плоское. Наружная поверхность сосуда покрыта коричневатым ангобом. Высота сосуда 37 см, диаметр венчика 14 см, донца — 20 см.

Археологические материалы из каварданского могильника находят наиболее близкие аналоги среди инвентаря Ташкентского оазиса и сопредельных территорий первых веков н. э., что особенно четко проявляется на керамическом материале. Лепная кружка цилиндрической формы с вертикальной ручкой на тулове в виде двух сомкнутых петель из кургана 2 аналогична кружке из «Никифоровских земель» под Ташкентом (7, рис. 55, 1). Кувшины с широким и плоским дном с петлеобразной ручкой, прикрепленной к горлу и плечикам, находят наиболее близкие параллели среди кувшинов из Каунчитепе (7, с. 106), «Никифоровских земель» (7, с. 164, рис. 55, 16), частично среди кувшинов из поселения Ак-тобе 2 (7, рис. 40—43). Ближайшие аналоги мискам каварданского могильника находим в тех же памятниках, что кувшину и кружке (7, с. 135, рис. 34, 30—32). Таким образом, ближайшие аналоги керамическим материалам из каварданского могильника — среди материалов катакомб и поселений Ташкентского оазиса, принадлежащих каунчинской культуре. Исследования на Кавардане в 1985 г. показали, что на могильнике выявлено два типа захоронения. Первый тип: дромос с катакомбой сводчатой формы, перпендикулярной ему, скелет обычно лежит на спине в вытянутом положении, ориен-

тированный головой на север или восток; сопровождающий инвентарь — каунчинского типа, датируется первой половиной I тыс. н. э. Второй тип — оссуарный обряд внутри наземных склепов-наусов, датируемых в пределах VI—VIII вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буряков Ю. Ф., Ростовцева О. М., Левен Г. Д. Работы Шашилакского отряда. АО, 1872. М., 1973.
2. Алимов К. Памятники скотоводов Чача (Курганы Каунчинской культуры в окрестностях Кавардана)//Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
3. Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.
4. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
5. Буряков Ю. Ф. Пскентские наусы//СА. М., 1968. № 3.
6. Акзамходжаев Т. Туябугузские наусы//ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
7. Левина М. Л. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетия н. э. М., 1971.

Т. К. ХОДЖАЙОВ, Е. Г. НЕКРАСОВА, В. Д. ДОМОЛЕГО

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БУХАРЫ

В 1983 г. сотрудниками УзНИПИ реставрации ведется комплексное историко-археологическое исследование одного из крупнейших некрополей Бухары — Чор-Бакра. Среди большого разнообразия погребальных построек выделяются склепы. Один из наиболее сохранившихся склепов получил во время архитектурных исследований пятидесятых годов номер 19—20 (1, с. 45—46), тогда же была обмеряна верхняя, наземная его часть, а после археологического вскрытия 1985 г. было получено полное представление об этом сооружении. Склеп представляет собой монументальное строение, ориентированное по сторонам света. Строительный материал — квадратный жженный кирпич размерами 26—27×26—27×5—6 см. Сооружение состоит из двух основных частей — поминальной мечети и собственно склепа, расположенного под ней (рис. 1).

Поминальная мечеть складывается из трех конструктивных элементов: дарвазы (входного комплекса), дворика и михрабной ниши. Вход во дворик — у юго-восточного угла, из прямоугольной в плане дарвазы, в ней же расположена трехступенчатая лестница. Дворик — подквадратный в плане, размерами 8,5×9,25 м, обведен по периметру стенами, расчлененными стрельчатыми нишами, часть которых декоративные, часть — сквозные проемы, в которые были вставлены ажурные решетки — панджа-

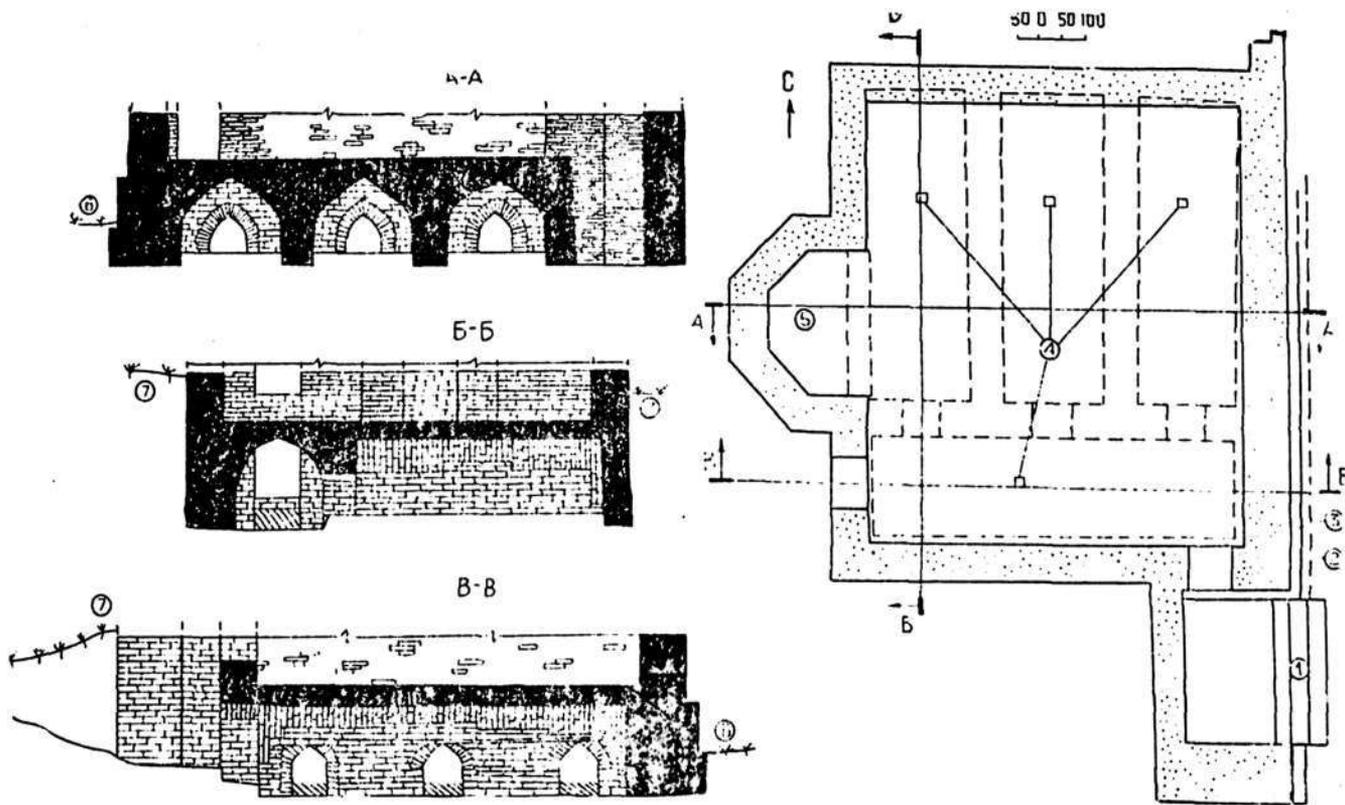

Рис. 1. План и разрезы поминальной мечети склепа в Чор-Бакре:

1 — лестница; 2 — выступ фундамента; 3 — выступ цоколя; 4 — световые люки; 5 — михрабная ниша; 6 — первоначальный уровень дневной поверхности; 7 — уровень дневной поверхности перед началом археологических работ.

ра. Пол выстлан кирпичом и приподнят относительно уровня древней дневной поверхности на 1,35 м. Во двореке стоят мраморные надгробия и единственная на Чор-Бакре стела. В западной стене дворика находится михраб в виде пятигранной ниши. Вход в склеп высотой 1,2 м, шириной 1 м находится с западной стороны сооружения. План склепа отличен от плана мечети. Через вход попадаем в длинный сводчатый коридор, вытянутый в широтном направлении; длина его 8,3 м, ширина — 2 м. В северной стене коридора расположены входы в погребальные камеры размерами 6,5—6,6×2,3 м, которые перпендикулярны коридору и вытянуты по оси север—юг. По высоте коридор и камеры одинаковы — 1,6—1,8 м. После возведения в камеры и коридор был насыпан слой чистого грунта толщиной около 30 см. В верхней части камер, на уровне замков сводов, находятся световые люки, прямоугольные в плане, размерами 17×20 см. Люки открывались время от времени, очевидно, во время совершения захоронения, а затем вновь замуровывались. Кости в камерах лежат хаотично, но различим порядок захоронения. Умершего клали на спину, головой на север, вдоль восточной стены, кости ранее захороненных сдвигали к западной стене камеры.

Склеп по типу относится к полуподземным сооружениям этого рода. Древний уровень поверхности, на котором совершалось захоронение, находится на глубине 90 см относительно древнего уровня дневной поверхности снаружи у сооружения. Как указывала одна из первых исследовательниц Чор-Бакра А. С. Бернштейн, на стеле, установленной во двореке, имеется дата — 1494/95 гг. (1, с. 48), то есть это сооружение, возможно, возведено в XV в. Дальнейшие исследования уточнят время сооружения этого погребального комплекса. Большой интерес представляет планировка склепа, которая восходит к глубокой древности. Аналогичное расположение погребальных камер, перпендикулярных коридору, отмечено в наусе Дальверзинтепа в Сурхандарье, возведение которого относится ко II в. до н. э. (2).

Новый краниологический материал из Бухары был получен в 1985 г. из Чор-Бакра — фамильного кладбища шейхов Джуйбари, знаменитого семейного рода бухарских религиозных деятелей, из которого в течение веков выходили представители высшего мусульманского духовенства. Известность джуйбарскому семейному роду принесло правление Абдуллы-хана (вторая половина XVI в.). В склепах Чор-Бакра были захоронены представители рода, которые проживали в джарибах («микрорайонах») Джуйбари и Хонако. Согласно письменным источникам, население этих джарибов было смешанное. Здесь жили и коренные бухарцы, таджикоязычные, но называвшие себя в большинстве узбеками, и небольшие группы родоплеменных узбеков и ирани (3, с. 101).

Первые погребения джуйбаридов в Чор-Бакре относятся ко второй половине XVI в. Основная часть краниологического мате-

Индивидуальные размеры черепов из Бухары. Мужчины

Признаки	1* зрел.	3 зрел.	4 возм.	5 старч.	6 зрел.	9 зрел.	11 зрел.
1	168	163	163	168	163	173	170
8	143	147	148	155	143	158	133
17	140	133	130	143	142	140	132
9	96	91	101	94	94	98	85
45	135	133	140	136	136	138	126
48	65	69	75	73	75	73	—
54	23	23	24	22	23	28	24
52	33	32	33	36	33	35	35
77	151	145	142	147	150	142	140
LZm'	141	133	133	132	136	129	130
DS	8	11	14	13	9	14	14
SS	1	3	6	5	3	5	3
32	85	84	76	85	83	83	76
75(1)	27	24	33	32	24	33	37
Признаки	12 зрел.	19 зрел.	20 старч.	22 возм.	23 возм.	24 возм.	25 зрел.
1	170	177	168	153	171	175	165
8	144	148	149	150	149	147	156
17	135	135	141	134	133	135	125
9	94	100	97	87	97	93	101
45	133	135	134	127	142	131	137
48	73	71	68	63	75	74	71
54	25	24	24	20	25	22	25
52	35	31	34	36	34	32	36
77	142	140	145	141	143	137	144
LZm'	135	129	123	129	138	127	134
DS	13	15	13	14	10	3	9
SS	5	5	3	5	3	6	2
32	79	86	87	79	82	85	85
75(1)	26	33	30	39	22	36	24
Признаки	26 зрел.	31 зрел.	32 зрел.	34 зрел.	35 зрел.	36 возм.	37 старч.
1	155	174	173	177	185	169	182
8	146	146	154	144	158	148	149
17	135	137	143	136	145	131	141
9	86	99	99	96	108	87	105
45	126	140	139	133	133	130	136
48	65	71	69	72	71	71	76
54	26	28	23	23	23	21	27
52	35	33	32	33	32	33	34
77	140	148	142	142	145	146	137
LZm'	120	141	134	137	131	121	138
DS	12	10	14	9	14	12	12
SS	3	3	7	3	4	2	3
32	82	88	84	86	94	76	87
75(1)	37	14	43	29	19	23	24

Продолжение таблицы I

Признаки	48 возм.	49 старч.	50 зрел.	59 старч.	61 возм.	62 зрел.	64 возм.		
1	177	170	192	178	168	194	186		
8	138	150	—	147	143	151	144		
17	127	144	133	143	145	143	140		
9	101	101	106	97	102	104	94		
45	134	139	—	—	134	138	132		
48	71	67	79	64	73	80	70		
54	27	25	28	27	24	27	26		
52	33	37	38	34	36	35	34		
77	142	143	—	143	142	140	139		
LZm'	138	124	—	128	134	133	125		
DS	10	14	—	13	13	12	13		
SS	3	6	—	6	4	4	4		
32	82	84	—	96	87	81	83		
75(1)	21	36	—	30	27	21	32		

Признаки	66 старч.	67 зрел.	68 возм.	69 зрел.	70 зрел.	72 возм.	мин.—макс.	n	\bar{x}
1	190	173	171	161	180	—	155—194	33	173,0
8	—	146	142	143	160	—	138—160	31	147,9
17	143	133	144	132	154	—	125—154	33	138,6
9	105	96	96	92	98	102	86—108	34	97,1
45	—	137	131	129	139	—	126—142	30	134,8
48	81	68	67	73	84	76	63—84	33	71,9
54	23	25	24	25	28	—	20—28	33	25,0
52	39	31	34	35	33	37	31—39	34	34,6
77	137	131	144	144	138	—	137—151	32	142,5
LZm'	125	122	124	126	120	—	120—141	32	130,5
DS	11	14	14	14	15	—	3—15	32	12,0
SS	3	4	5	4	9	—	1—9	32	4,1
32	86	82	92	85	78	—	76—96	31	84,0
75(1)	—	27	34	30	34	—	14—43	31	29,0

*—нумерация черепов условная

риала в количестве 66 черепов (34 мужских, 30 женских и 2 детских), изучаемая в данной работе, была получена из склепа в юго-восточной части фамильного кладбища. Следует отметить, что в камере 3 (самой дальней от входа) хоронили исключительно женщин, а в камерах 1 и 2 — представителей обоего пола.

Серия в целом (табл. 1, 2) характеризуется брахикранной черепной коробкой при малом продольном и очень больших поперечном и высотном диаметрах. Лоб среднеширокий, прямой или средненаклонный со среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть ортогнатная, средней ширины и высоты, с сильной или средней горизонтальной профилировкой. Нос мезоринный. Орбиты средневысокие. Угол выступления носа большой (у женщин — средний). В целом серия относится к европеоидной расе с примесью монголоидных черт. Краниометрические признаки в серии значительно варьируют. Женская группа по не-

Индивидуальные размеры черепов из Бухары. Женщины.

Признаки	2** юнош.	7** старч.	8 старч.	10 возм.	13** юнош.	14** юнош.	15 стар.
1	156	176	165	169	166	162	170
8	136	133	149	142	141	144	145
17	138	127	136	128	132	128	132
9	83	94	89	88	93	94	94
45	123	129	135	128	129	131	129
48	65	—	—	67	67	63	68
54	24	29	23	26	22	24	23
52	32	36	36	34	35	31	35
77	145	138	151	139	144	143	146
LZm'	132	138	128	130	138	144	126
DS	13	9	10	12	8	10	11
SS	3	1	2	5	2	2	5
32	84	81	86	79	87	89	87
75 (1)	27	—	28	24	22	25	32
Признаки	16 возм.	17 зрел.	18** юнош.	21 возм.	27** юнош.	28 возм.	29 возм.
1	159	155	156	164	153	166	162
8	144	143	132	154	148	137	151
17	127	130	123	134	127	127	127
9	91	88	84	94	91	95	92
45	126	130	115	126	118	124	125
48	71	67	62	74	67	66	66
54	25	23	20	22	24	27	24
52	37	35	33	35	33	37	33
77	151	147	144	141	144	146	145
LZm'	134	136	123	127	134	128	136
DS	7	9	9	11	4	10	10
SS	1	3	2	3	1	3	3
32	85	84	95	90	90	89	85
75 (1)	19	21	23	28	2	7	14
Признаки	33 старч.	38 старч.	39 возм.	40 возм.	41 старч.	42 зрел.	43** юнош.
1	179	167	160	161	171	174	170
8	152	147	144	143	160	153	150
17	140	137	127	132	142	132	132
9	90	92	91	92	99	98	94
45	129	129	122	121	133	131	130
48	69	66	69	62	69	73	66
54	23	25	23	25	28	26	25
52	35	35	32	30	42	35	34
77	147	149	145	142	145	146	146
LZm'	130	137	131	127	134	141	137
DS	9	9	9	9	12	10	9
SS	3	2	2	2	6	2	2
32	85	87	91	90	84	88	85
75 (1)	23	21	—	23	29	11	7

Признаки	44** юнош.	45 зрел.	46 возм.	47 старч.	56 зрел.	57 возм.	58 возм.
1	148	169	167	171	166	169	—
8	143	155	147	146	159	151	—
17	—	136	135	133	137	133	—
9	87	102	91	95	94	86	86
45	123	135	123	—	140	125	123
48	65	66	62	—	73	72	62
54	19	26	23	23	22	24	26
52	36	33	34	38	33	35	34
77	151	152	140	142	147	144	142
LZm'	131	134	—	135	134	133	127
DS	9	8	9	10	9	10	12
SS	2	1	—	2	2	3	3
32	95	92	82	85	95	82	84
75(1)	12	9	17	24	16	29	29

Признаки	60 возм.	65 возм.	мин.—макс.	л	\bar{x}
1	161	163	155—179	22	166,5
8	141	142	133—160	22	147,1
17	131	126	126—142	22	132,2
9	97	87	86—102	23	92,3
45	133	124	121—140	22	128,4
48	65	66	62—74	20	67,6
54	27	25	22—27	23	24,6
52	35	32	30—42	23	35,0
77	148	153	133—153	23	145,4
LZm'	132	134	126—141	22	132,7
DS	11	10	7—13	23	9,8
SS	4	4	1—6	22	2,8
32	85	82	79—95	23	86,0
75(1)	28	25	7—32	21	21,8

**—череп не включены в средние

которым основным признакам отличается от мужской. Нет никакой разницы в абсолютных размерах поперечного диаметра у мужчин (147,9 мм) и женщин (147,2 мм). Более всего это связано с тем обстоятельством, что на женских черепах чаще встречается затылочно-теменное уплощение от бешика и к тому же средний балл степени деформации у женщин выше, чем у мужчин. Значительные различия между мужской и женской группами населения наблюдаются и в ряде таксономически важных признаков: назомаллярный и зигомаксиллярный углы выше у женщин, чем у мужчин. Нос значительно меньше выступает у женщин (21,8°), чем у мужчин (29,0°). У женщин меньше дакриальная и симотическая высоты (9, 8 мм, 2,8 мм), чем у мужчин (12,2 мм, 4,1 мм).

Просмотр индивидуальных данных показывает, что серия исключительно пестрая в антропологическом отношении: наибольшее число погребенных относится к брахикранному европеоидному типу Среднеазиатского междуречья со средними размерами лица, с довольно сильной горизонтальной профилировкой и сильно или средневыступающим носом. Другую группу составляют черепа, для которых характерно очень высокое и широкое лицо с небольшим углом выступания носа. Эта группа по комплексу признаков может быть отнесена к южно-сибирскому антропологическому типу. Имеются черепа (правда, их мало), отличающиеся узким лицевым скелетом, с большой и малой его высотой. Их можно отнести к различным вариантам средиземноморской расы. Необходимо отметить, что монголоидная примесь представлена как среди мужского, так и женского населения. Однако последнее, как было сказано выше, более монголизировано, чем мужское.

Археолого-антропологические исследования на позднесредневековых погребальных сооружениях продолжаются, и новые материалы позволяют выделить ряд антропологических комплексов у населения г. Бухары.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн А. С. Отчет по обмерам и исследованиям ансамбля Чор-Бакр в Бухаре. Рукопись. Архив ГлавНПУ памятников культуры Мин. культуры УзССР, № Б $\frac{17}{Б48}$.
2. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
3. Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, 1976.

Т. К. ХОДЖАЙОВ, Г. К. ХОДЖАЙОВА, Ш. Л. АБИЛОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП НАСЕЛЕНИЯ г. АНДИЖАНА ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ

В связи с разработкой проблем этногенеза и этнической истории народов Узбекистана основное внимание в антропологических исследованиях было уделено изучению краниологического материала, близкого к современности и относящегося к различным этно-территориальным группам узбеков. Исследуемый антропологический материал получен во время археологических работ в черте г. Андижана и происходит из мусульманского кладбища конца XIX — начала XX в., которое перекрывает более древние археологические слои. Конструкция могил стандартная — подбойного типа. Захоронения произведены с соблюдением кыблы — ориентации лица к Мекке с небольшим поворотом погребяемого на правый бок. Все это отвечает требованиям ислама к погребальному ритуалу (1).

Собранный материал невелик по численности (14 мужских, 15 женских и 1 детский череп), но может дать представление об антропологическом облике позднесредневекового населения г. Андижана.

С территории Ферганской долины известны две краниологические коллекции, относящиеся к позднему средневековью. Первая собрана в 1878 г. врачом С. И. Моравицким на заброшенных кладбищах Торгова, Ходжа-итараб и Ак-мазар в окрестностях г. Коканда. В заметке А. П. Богданова, опубликовавшего материал, указывается, что эти черепа характеризуются короткой и высокой черепной коробкой и широким лицом (2, с. 353—354).

Н. Г. Залкинд, изучавшая коллекцию по современной методике, отметила, что черепа из Торговы и Ходжа-итараб относятся к типу Среднеазиатского междуречья. Ак-мазарские же черепа характеризуются примесью монголоидных черт и приближаются к южно-сибирскому антропологическому типу (3). В. В. Гинзбург отмечал, что ак-мазарское кладбище принадлежит к этнической группе, появившейся здесь в составе узбеков, отдельные племена которой обладали южно-сибирским или близким к нему антропологическим типом, и еще не успевшей ассимилироваться в местном, более древнем населении. Возможно, это кыпчаки или каракалпаки, потомки которых здесь проживают до настоящего времени (4, с. 95). Это подтверждается и последними исследованиями одного из авторов данной статьи (5).

Вторая коллекция получена из современных кладбищ: Культапа (1 череп) в Андижанской области Узбекской ССР и Дунбулак (5 черепов) в Ошской области Киргизской ССР. Черепа — брахикранные, лицевая часть очень широкая и высокая, с ослабленной горизонтальной профилировкой и слабовыступающим носом. Расовая принадлежность определена типом Среднеазиатского междуречья со значительно выраженными чертами монголоидной расы (6).

Коллекция из г. Андижана характеризуется небольшими размерами продольного и большими — поперечного диаметров черепной коробки, вследствие чего серия характеризуется брахикранией, за исключением трех мужских черепов (инв. № 1, 10, 19), которые отличаются удлиненной формой черепа в пределах мезокрании (табл. 1, 2). Женская группа характеризуется исключительно брахикранией. Характерное для среднеазиатского населения так называемое «бешиковое уплощение» в затылочной области, отмеченное нами в серии, способствовало значительному повышению черепного указателя. Лоб — средненаклонный, среднеширокий с выше среднего развитым переносем. Лицевая часть средней ширины и высоты, ортогнатная, среднепрофилированная в горизонтальной плоскости. Нос мезоринный, средневыступающий к профилю лица. Дакриальная и симотическая хорды и высоты средних размеров. Орбиты высокие, средней ширины.

Исследуемая группа в целом европеоидная, но наличие примеси монголоидных элементов не вызывает сомнения.

Исследования современного населения позволили установить большую роль представителей монголоидной расы в формировании антропологических типов населения Средней Азии. Удельный вес монголоидного компонента в составе различных этно-территориальных групп узбеков значительно варьирует, о чем можно судить по величинам указателей уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярно-фациоцеребрального (ПФЦ) указателя и индекса удельной доли монголоидного элемента УДМЭ (7)).

Индивидуальные размеры черепов

Признаки	п. 1 зрел.	п. 2 старч.	п. 5 зрел.	п. 8 зрел.	п. 10 возм.	п. 11 возм.	п. 13 старч.	п. 12 старч.
1	185	168	172	167	173	176	175	159
8	141	156	142	142	137	144	145	147
17	140	134	133	—	132	129	140	133
5	105	96	98	—	93	102	103	99
9	97	95	86	99	92	104	89	95
45	133	141	136	130	124	129	137	131
48	71	71	—	69	68	74	75	—
54	26	25	—	25	26	24	29	—
52	36	33	38	38	34	35	35	39
77	147	150	—	141	146	138	142	130
LZm'	133	135	—	—	127	127	129	—
DS	10	15	—	10	9	13	14	12
SS	4	3.5	—	—	3	3	4	6
32	82	80	—	76	92	85	78	78
75(1)	29	26	—	17	20	23	24	—

Индекс УЛС в целом равен 41,6, что указывает на наличие в составе населения монголоидной примеси, у населения Коканда — 46,8 и Андижана 43,6, несколько выше, чем у узбеков г. Ташкента — 33,0.

Индекс ПФЦ характеризуется в среднем величиной, равной 91,0, что несколько выше, чем у европеоидных групп. В Акмазаре он составляет 91,9, в Андижанской области — 90,9, в Ташкенте (Шейхантаур) — 90,8, в окрестностях Ташкента — 91,8.

Индекс УДМЭ в среднем равен 26,5. В Акмазаре он равен 37,0, в Ташкенте (Шейхантаур) — 14,8; в окрестностях Ташкента — 32,1, в Андижанской области — 28,7.

В целом по индексам УЛС, ПФЦ, УДМЭ серия принадлежит к смешанному европеоидно-монголоидному типу.

Для получения дополнительных диагностических характеристик было проведено одонтологическое исследование материала по короткой программе (8). Такое исследование в значительной мере дополняет краниологическую характеристику исследуемой

группы и дает возможность без специальных поправок сопоставить одонтологические особенности позднесредневекового и ныне живущего населения. К сожалению, из-за отсутствия зубов у захороненных индивидов, нами проведены исследования лишь на десяти черепах. Степень лопатообразности верхних резцов определена в четырех случаях — в трех случаях она сильно выражена (баллы 2 и 3), что характерно для восточного одонтологического комплекса. Форма верхних моляров свидетельствует о незначительной редукции первого верхнего моляра и о средней степени редукции второго моляра, что говорит об европеоидно-монголо-

Таблица 1

из Андижана. Мужчины.

п. 16 зрел.	п. 19 старч.	п. 28 возм.	п. 24 возм.	п. 26 старч.	п. 30 возм.	мин.—макс.	n	\bar{x}
178	172	156	170	172	186	156—185	14	172,0
156	135	146	141	152	156	135—157	14	145,7
149	136	124	136	140	135	124—149	13	135,9
101	93	88	97	102	108	88—106	14	96,1
96	90	95	96	97	103	86—104	14	95,3
141	131	129	127	134	141	124—141	14	133,5
67	—	68	66	—	78	66—78	10	70,7
22	24	24	23	26	26	22—29	12	25,0
34	34	35	35	30	33	30—39	14	35,4
134	142	146	141	146	136	134—150	13	142,1
116	129	131	123	133	140	116—140	11	129,4
15	10	8	10	10	12	16—23	13	20,2
5	—	2	3	4	6	2—6	11	4,0
81	83	86	87	86	81	76—92	13	82,7
40	31	22	30	25	23	17—40	12	25,8

идном, смешанном характере населения. Другой важный расово-диагностический признак — бугорок Карабелли — зафиксирован лишь в одном случае (балл 4). Процент пятибугорковых первых моляров, характерных для европеоидов, очень велик (13 случаев из 15). Затеки эмали на вторых молярах свидетельствует также о европеоидном характере данной серии.

В целом одонтологическая характеристика хорошо согласуется с краниометрическими данными и характеризует серию как европеоидную с монголоидной примесью. Исследуемая группа была сопоставлена с одонтологическими данными узбеков Наманганской области. Оказалось, что данная серия отличается от узбеков Наманганской области более выраженными европеоидными особенностями (9).

Одним из авторов данной статьи по основным краниометрическим признакам в Средней Азии было выделено четыре краниологических комплекса (10). Наша серия целиком укладывается в комплекс расы Среднеазиатского междуречья, тогда как имею-

щиеся материалы (с кладбищ Акмазар, Культепа, Дунбулак) были отнесены к южно-сибирскому антропологическому комплексу. Видимо, мы имеем дело с наиболее древним населением г. Андижана с поздними монголоидными наслоениями. Анализ историче-

Таблица 2

Индивидуальные размеры и указатели черепов из Андижана. Женщины.

Признаки	п. 3 возм.	п. 6 старч.	п. 4 возм.	п. 7 зрел.	п. 9 возм.	п. 14 возм.	п. 15 зрел.	п. 18 старч.	п. 20 возм.
1	165	178	164	169	159	167	179	160	163
8	145	149	148	140	143	137	147	147	138
17	132	143	132	140	132	135	139	134	131
5	94	110	92	100	96	95	104	97	101
9	92	101	99	90	83	95	98	92	87
45	130	141?	132	125	127	125	142	127	128
48	70	66	68	74	64	72	66	—	67
54	25	29	25	25	24	26	26	24	25
52	33	36	31	32	34	35	38	37	35
77	148	139	—	144	144	145	138	142	143
LZm'	125	132	128	126	132	128	129	128	134
DS	10	13	—	9	11	9	12	11	11
SS	2	4	—	3	3	2	4	3	5
32	84	83	80	91	87	90	85	85	80
75(1)	14	32	—	20	21	19	—	—	35

Признаки	п. 21 возм.	п. 22 возм.	п. 23 зрел.	п. 25 возм.	п. 27 возм.	п. 29 возм.	мин.—макс.	л	\bar{x}
1	163	163	162	175	174	152	152—179	15	166,3
8	131	136	137	147	144	139	136—149	15	142,4
17	137	123	129	135	132	123	123—143	15	133,1
5	96	96	96	101	94	92	92—110	15	97,6
9	92	87	84	95	93	89	83—101	15	91,8
45	124	123	123?	126	128	121	121—142	15	128,1
48	69	66	—	76	63	73	63—76	13	68,3
54	25	23	23	24	23	21	21—29	15	24,5
52	32	32	34	37	35	34	31—38	15	34,3
77	142	144	141	143	140	153	133—153	14	143,5
LZm'	129	133	127	128	137	124	124—133	15	129,7
DS	8	8	10	10	10	8	8—13	14	10,1
SS	2	—	—	2	3	—	2—5	11	3,1
32	86	81	82	84	83	77	77—91	15	83,9
75(1)	21	25	—	13	23	20	13—35	11	22,1

ских и этнографических данных также подтверждает наши выводы. О родо-племенном принципе расселения недавних кочевников и полукочевников писали многие авторы (11). По В. В. Бартольд, у арабов было принято отводить в завоеванных или построенных городах каждому племени особое место. При этом кварталы и мечети назывались по имени жившего в квартале племени (12). В. В. Бартольд также отмечал, что могольский «хан Тува

поселил там много народа из всех своих владений, и до сих пор каждый квартал в этом городе называется по имени какого-нибудь определенного народа» (13). Ситуация не изменилась и после прихода племен дашт-и-кыпчака. Исследования С. С. Губаевой показывают, что немалую часть названий старых кварталов составляют топонимы, образованные от этнонимов (16 из 80) (14). Квартал Арк-ичи является наиболее древней частью города, о чем свидетельствует и само название.

В заключение следует отметить, что имеющиеся краниологические серии не дают полного представления об антропологическом составе современного населения Ферганской долины и поэтому необходимы сбор и исследование новых материалов из позднесредневековых погребальных комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халикова Е. А. Мусульманские могильники волжской Булгарии X—начала XIII в. как исторический источник. Автореф. канд. дисс... М., 1976.
2. Богданов А. П. Черепа из кокандских кладбищ, доставленные С. И. Моравицким. Антропологическая выставка. Т. 2. Изв. Об-ва любителей естествознания, археологии и этнографии. М., 1890.
3. Залкинд Н. Г. Краниологические материалы с территории древнего Хорезма//Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. 1952.
4. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины//Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1956.
5. Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. докт. дисс... М.: Наука, 1981.
6. Ошанин Л. В., Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.
7. Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР//Проблемы антропологии и исторической этнографии. М.: Наука, 1968.
8. Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973.
9. Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1968.
10. Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. докт. дисс... М.: Наука, 1981.
11. Губаева С. С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX—начале XX в. Ташкент, 1983.
12. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1961.
13. Бартольд В. В. Мирали-Шир и политическая жизнь. Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.

Ю. Ф. БУРЯКОВ, Г. И. БОГОМОЛОВ

ИЗУЧЕНИЕ РАБАДОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХАРАШКЕТА

Этапы сложения рабада, его место в городской структуре и роль в экономике среднеазиатского города, несмотря на специальную разработку их в ряде работ, посвященных среднеазиатскому

городу (1, 2), остаются предметом дискуссии, в ходе которой высказаны полярные точки зрения о его генезисе и времени появления (2).

Даже появление рабадов одни исследователи относят к периоду послепарабского завоевания или даже непосредственно связывают с арабами, другие отмечают их появление в раннефеодалный период (3, с. 23, 28; 4; 5, с. 92—93; 1, с. 43—46).

К сожалению, рабады большинства городов Ташкентского оазиса сильно разрушены, определить их границы и структуру чрезвычайно трудно. По результатам обследования большинства городов Чача и Илака мы смогли только констатировать наличие

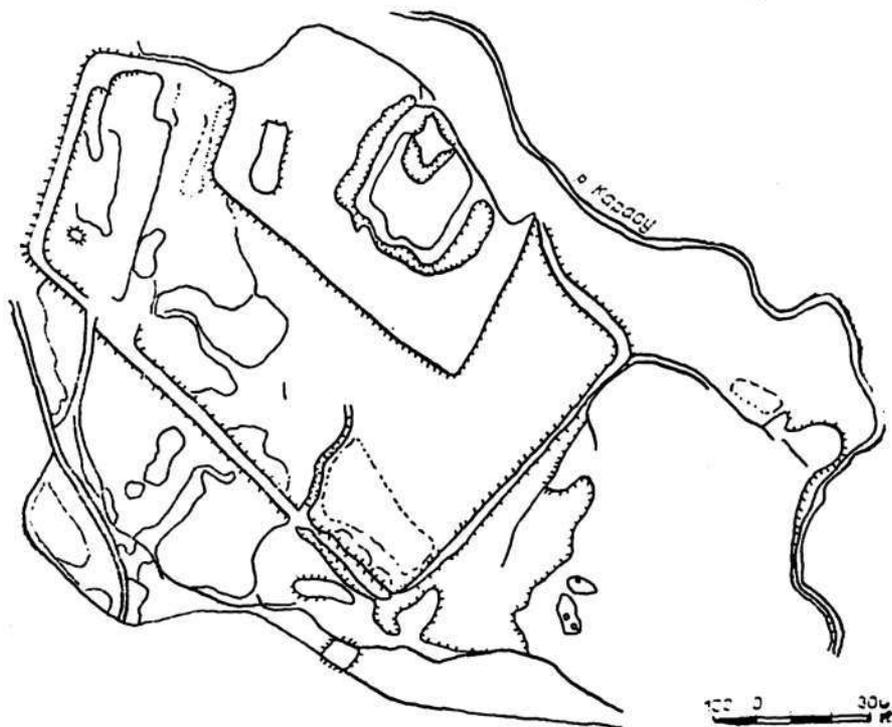

Рис. 1. Городище Канка. План.

рабадов без какой-либо их характеристики. Лишь планомерное изучение Харашкета (Канки) позволяет наметить динамику его развития.

Харашкет как крупный античный город имел развитый шахристан площадью до 150 га. Функционирование ремесленных мастерских, базаров, караван-сараев в его пределах отмечено и в средневековую эпоху. В то же время, как показали исследования, за пределами стен шахристана располагался рабад, подступавший к городу с трех сторон, с четвертой — северо-восточной — протекала река.

Наиболее обширным был южный рабад, который начинался от реки на востоке, снабжавшей его территорию водой, и особенно густо концентрировался на юго-западном участке, где проходил отрезок караванного пути в сторону Сырдарьи, на Бенакет и далее Согд.

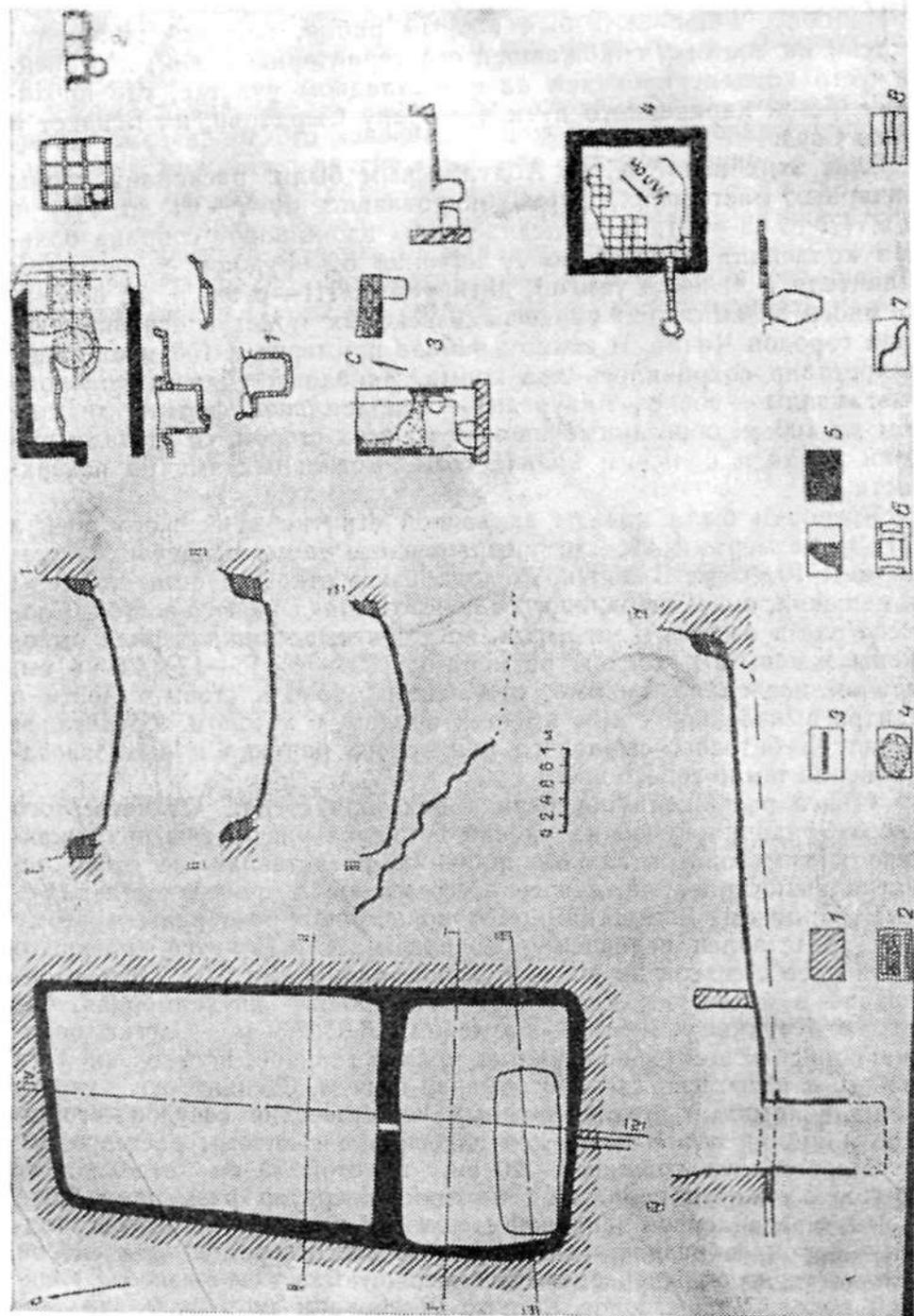
Близ этих ворот К. А. Абдуллаевым были раскопаны горны гончарных мастерских, функционировавших от V—VI до VIII в. н. э. (7, с. 83—92). В последние годы вдоль ворот собрана большая коллекция медных монет начиная от кружков с портретом правителя и чачской тамгой, датируемых III—V вв. н. э.; особенно много экземпляров раннесредневековых монет в основном чекана городов Чача*. В южном рабаде примерно в 150 м от стены шахристана сохранилось два холма. Западный (близ автодороги Эльтамгалы — совхоз Аккурган) — неправильной формы, диаметром до 100 м, обрезанный пашней со всех сторон, со следами выемки земли и большим количеством могильных ям на поверхности.

Раскопки были начаты закладкой стратиграфического шурфа (III-9) размерами 4×4 м, превращенного затем в раскоп 13 размерами 10×6 м. В верхних слоях были открыты остатки стены помещения, ориентированного с северо-запада на юго-восток. Сложена она в основном из сырца, но три-четыре нижних ряда выложены жженым кирпичом размерами 30—32×15—17×4,5—6 см, причем последние, видимо, составляли цоколь стены. Почти в центре выявленной стены имеется пролом, в котором образовался завал из битового сырцового и жженого кирпича и рыхлого заполнения темно-серого цвета.

С юга расчищена поперечная пахсовая стена. От четвертого сверху ряда кирпичей на уровне IV яруса расчищены примыкавшие к ним горизонтально кирпичики, представлявшие собой остатки вымостки пола, скорее всего дворовой поверхности, жженым кирпичом. Вымостка почти полностью разобрана, поэтому пол представлен неровным основанием. С VII яруса раскрыто вытянутое с севера на юг сооружение размерами 6,5×2,8 м, утопленное в пахсовую платформу. Постройка двухкамерная, без входа. Крупная емкость — размерами 3,9×2,5 м. Слегка понижающийся к центру пол покрыт мелкой галькой, поставленной на ребро, в несколько слоев и обмазан ганчем. Стенки также укреплены обломками стенок крупных керамических сосудов — горшков и хумов, обмазанных для скрепления ганчевым раствором.

Перегородка толщиной 20 см, высотой 70 см отделяла от крупной емкости небольшой нижний резервуар размерами 2,8×1,9 м, с заovalенной западной стенкой. В нижней части перегородки — воронкообразное, диаметром 10 см, отверстие для спуска жидкости из большей емкости в меньшую за счет разности уровней полов. Уклон полов второго резервуара еще более заметен,

* Специальное исследование этой группы монет проводит Э. В. Ртвеладзе.

тем не менее по центру его проходит желобок, по которому жидкость сливалась в сеть кубуров, диаметром 15 см в южной стенке резервуара. Находки в помещениях-резервуарах, проливающие свет на их датировку и назначение, очень незначительны. Это невыразительные обломки керамики, которыми облицованы стены на втором этапе функционирования емкости, так как при зачистке выявлено два обмазанных ганчем уровня полов, разделенных слоем 10—12 см, и керамическая облицовка стен связана со вторым из них.

Весь керамический материал можно разделить на следующие группы: хумы; хумчи или крупные горшковидные сосуды; столовая посуда; кружки и кувшины.

Хумы — с двумя типами венчиков: трапециевидным и прямоугольным, зачастую орнаментированными пояском пальцевых вдавлений. Они характерны для материалов VI—VIII вв. среднего течения долины Сырдарьи и Арыси (8, с. 13; 9, с. 109, табл. IX). Но в отличие от хумов отарского круга, вылепленных лентами в 20 см, канкинские формовались по частям на подставках — нижняя часть тулова, верхняя и венчик. Затем эти части соединялись. Донца часто имеют следы песчаной подсыпки. Сходные хумы встречаются на Кугантепа в комплексе, датированном исследователями VII—VIII вв. н. э. (10, с. 75, рис. 6).

Хумчи представлены сравнительно небольшим количеством. Их характеризует прежде всего простая профилировка, меньший диаметр (24—35 см). Венчик обычно подтреугольной формы, прямо поставлен или слегка отогнут наружу. Стенки сосудов более тонкие, чем у хумов. Внешняя сторона чаще всего покрыта светлым ангобом. Интересен венчик хумчи со специальным валиком-полочкой с внутренней стороны для крышки. Снаружи сосуд украшен полосой волнистых линий. Венчик с внешней стороны оформлен небольшим валиком, который украшен защипами. Подобный прием, а также выделение полочки для крышки известны в керамике Центрального Согда в VII—VIII вв. (11, рис. 36—37; 12, с. 135—136, рис. 43, с. 154—155).

Столовая посуда представлена в основном фрагментами кружек и кувшинов. Это самая малочисленная группа. Все они изготовлены на гончарном круге, иногда покрыты светлым ангобом. У кружек — прямая горловина со слегка отогнутой краевой, низкое широкое тулово с тонким валиком в основании горловины, под которым укреплялась маленькая кольцеобразная ручка.

В целом все эти фрагменты находят аналоги как в других раскопах городища Канка, так и за его пределами в слоях VII—

Рис. 2. Раскоп 13. Планы и разрезы. Условные обозначения:

1 — пахсовая платформа; 2 — сырцовая кладка; 3 — галечный пол, обмазанный ганчем; 4 — ганчевая обмазка; 5 — кладка из керамического боя; 6 — керамические плиты и кирпичи; 7 — край ямы (хода); 8 — кубуры.

VIII вв. Характерными для VII—VIII вв. считают их исследователи Отрара (13, с. 77). Известны схожие кружки с выпуклым туловом и высокой прямой шейкой, отделенной от тулова желобком и выступающим валиком, на Гардани Хисор, где они датируются тем же временем (11, с. 160, рис. 40, 11).

К этому периоду следует отнести весь керамический материал, а также время реконструкции сооружения.

Таким образом, вскрытый комплекс принадлежит ремесленной мастерской VII—VIII вв. н. э. Функциональная интерпретация последней, однако, остается неясной ввиду недостаточности материала.

Два резервуара со стоком из одного в другой использовались в винодавильном производстве, когда в верхнем крупном винограде давили ногами, а в нижний стекал сок. Обмазка полов ганчем (известь) использовалась для очищения вина. Именно эти признаки выдвигает при описании аналогичного, хотя и значительно меньших размеров, комплекса VII—VIII вв. Актепе в Ташкенте М. И. Филанович (10, с. 112, рис. 13).

В то же время большие размеры резервуаров, сравнительно хрупкая ганцевая обмазка и, наконец, отсутствие виноградных косточек заставляет отказаться от предположения, что помещение функционировало как винодавильня.

Резервуары использовались и в производстве бумаги, которая известна в Средней Азии по крайней мере с середины VII в., причем среднеазиатские мастера, заимствовав рецепт ее производства из Китая, подвергли его коренному изменению и вырабатывали бумагу из тряпья (14, с. 372)*. Среднеазиатские мастера овладели этим ремеслом в совершенстве (16, с. 77).

Мазераннахр в X в. являлся основным производителем бумаги на Востоке, крупнейшим центром ее выделки являлся Самарканд**. Сырьем для бумаги служило тряпье, которое сортировали по цвету, толкли в толчее, приводимой в движение водой. Затем подготовленная в течение многих дней и ряда операций масса раскладывалась на форме с сеткой, переносилась на доску и отжималась. Готовые листы бумаги приклеивались крахмальным клейстером, высушивались и ложились (15).

Специфика производства требовала расположения бумажной мастерской на берегу канала, рядом с мельницей, что подтверждается более поздними источниками. Письменные источники ничего не сообщают об изготовлении бумаги в Чаче для раннего и развитого средневековья, а фиксируют наличие кустарного бумажного производства лишь в конце XIX—начале XX в. (18, с. 100).

* Не исключено, что Средняя Азия познакомилась с бумагой и ее производством значительно раньше в результате торговых контактов с Китаем, где бумага появилась во II—I вв. до н. э. Правда, традиция приписывает ее изобретение Цай Луню, жившему во II в. н. э. (15, с. 234).

** А. Мед приводит любопытные сообщения авторов X в., подтверждающие этот тезис. Так, уже в X в. библиотека правителя Шираза собирала самую лучшую бумагу — «самаркандскую и китайскую» (14, с. 372—373).

Значительно больше оснований связать данный комплекс с кожевенным производством. В источниках VII—VIII вв. есть сведения, позволяющие считать его в этот период отдельной развитой отраслью ремесла. Так, в документах с горы Муг в Согде упоминается специальное лицо, названное «начальником водоема». По мнению В. А. Лившица, это наименование относится к работнику, ведавшему вымачиванием кож в специальных бассейнах, то есть под водоемом подразумевался бассейн для вымачивания кож. Также упомянуто специальное лицо — «кожевенник» (19, с. 72). П. Якубов предполагает, что наличие такого водоема в селении Мудрушкат и упоминание в связи с ним о ведающем кожами начальнике водоема Вгашмарике можно считать свидетельством наличия организованного кожевенного производства (11, с. 88). Он же приводит интересные этнографические данные. Для изготовления одной кожи из шкуры козла или барана требовалось 13—14 дней, из них 10 дней уходило на отмачивание шкуры в воде, 1 день на просушку и очистку от шерсти. Для обработки шкуры крупных животных (лошадиной, бычьей или ослиной) необходимо 20—25 дней, 10 из них шкура вымачивалась в воде (20, с. 19). То есть для кожевенного дела производственной необходимостью являлось наличие бассейна для вымачивания кож. О бассейнах, предназначенных для этой цели, известно по этнографическим наблюдениям. Такие водоемы (хавзи) были распространены в Средней Азии еще в XVIII—XX вв. О. А. Сухарева отмечает, что в Бухаре около мастерских кожевников имелось специальное место, так называемое «кули кемухгаро», то есть бассейн кожевников, где вымачивали шкуры (21, с. 117).

Если развитие кожевенного ремесла фиксируется для Согда VII—VIII вв., тем более оно естественно для Чача, стоявшего на границе земледельческих и скотоводческих районов и тесно связанного с обработкой животноводческого сырья — кож и шерсти. В IX—X вв. н. э. Чач славился выделанными кожами, здесь производились знаменитые чачские седла, украшенные шагреновой кожей, кожаные колчаны, шерстяные платки, плащи, войлочные изделия и юрты (16, с. 159—160). Вероятно, в большом (верхнем) резервуаре вымачивали шкуры крупных животных, а в маленьком (нижнем) — бараньи и козьи. Согласно зороастрийским представлениям, вода считалась одной из священных стихий, которую нельзя было осквернить. Поэтому бассейн находился не на берегу реки или канала, а возведен далеко в стороне; вода поступала сюда по специальному каналу и хранилась в крупных корчагах. Слив отработанной воды был организован в сточную яму, располагавшуюся в нескольких метрах южнее, именно в этом направлении ориентирована линия кубуров. В обработке кож и готовых изделий из них принимали участие ремесленники разных специальностей: кожевенники, сапожники, шорники. Производст-

вом товарной продукции можно объяснить и находки раннефеодалных монет в этом районе пригорода.

Следует отметить и близость керамических мастерских этого же времени. Известно, что в обработке кож интенсивно использовались щелочи, для чего употреблялись сгоревшие растительные остатки гончарного производства. Гончары использовали в керамическое тесто шерсть, соскабливаемую при первичной очистке шкур. Неслучайно соседство мастерских этих отраслей ремесла отмечается в некоторых городах и в последующие столетия (22, с. 217).

Сооружение с резервуарами перекрывало более ранний комплекс. Удалось расчистить небольшую комнату с проходом в северо-западном углу, в которой раскрыт прямоугольный (вернее П-образный) очаг-алтарь длиной 1,05, шириной 0,75 м и высотой 20—25 см. В центре его расчищено подквадратное углубление, заполненное сгоревшими растительными остатками. Южнее очаг ограничивался короткой перегородкой, край которой был оформлен тремя ступенчатыми зубцами.

На алтаре найдена небольшая лепная курильница на трех ножках. Резервуар — конической формы, диаметром 10,5 см, глубина 1,5 см. Черепок в изломе коричневого цвета. Тесто плотное, обжиг нормальный. Сосуд покрыт светлым ангобом. Подобные курильницы с чашечкой-резервуаром на трехлапчатой основе (опоре) часто встречаются среди керамики джетысарской культуры и на Средней Сырдарье, датируются они V—VIII вв. н. э. (23, с. 89, рис. 23, 12).

За перегородкой вскрыт мощный отвал золы, в котором не было ни керамики, ни костей животных, характерных для бытовых зольников. Его западная стенка, частично срезанная в поздний период, видимо, выходила на одну линию со стеной прохода. Ширина последнего 0,9 м. Западная стенка прохода слегка заовалена. Подобный строительный прием уже встречался при вскрытии культовых помещений VI—VII вв. в шахристане Канки (раскоп 12). Под полом прохода расчищен кубур шириной 18 см, длиной 36 см. Он резко отличается от средневековых труб. Черепок красноватого цвета, тесто плотное, с внешней стороны кубур тщательно затерт. Цилиндр кубура резко завершается манжетом суженного подтреугольника в сечении венчика. На одной стороне его еще до обжига был прочерчен крупный прямой крест. Интересно, что именно этой стороной вверх и помещался кубур. Располагался он с заметным наклоном, в направлении к основанию очага. Возможно, это часть кубуров, в которую стекали возлияния, свершавшиеся у алтаря. При дальнейшем вскрытии выяснилось, что до возведения алтаря в помещении функционировал наклонный пол, понижающийся в южном направлении. Пол — светлый, плотный, хорошо чистится, без белых вкраплений.

Ниже расчищено два неровных уровня дворовой поверхности, уходящих под пахсовые стены помещения.

Таким образом, — выявлено пять этапов обживания пункта. К первому относятся два нижних уровня дворовой поверхности, к сожалению, не сохранивших находок.

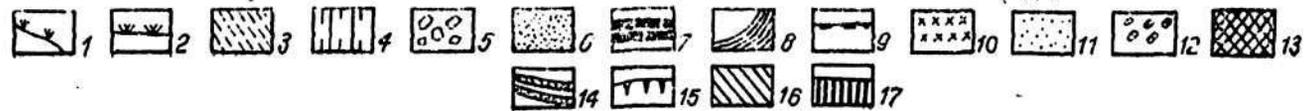
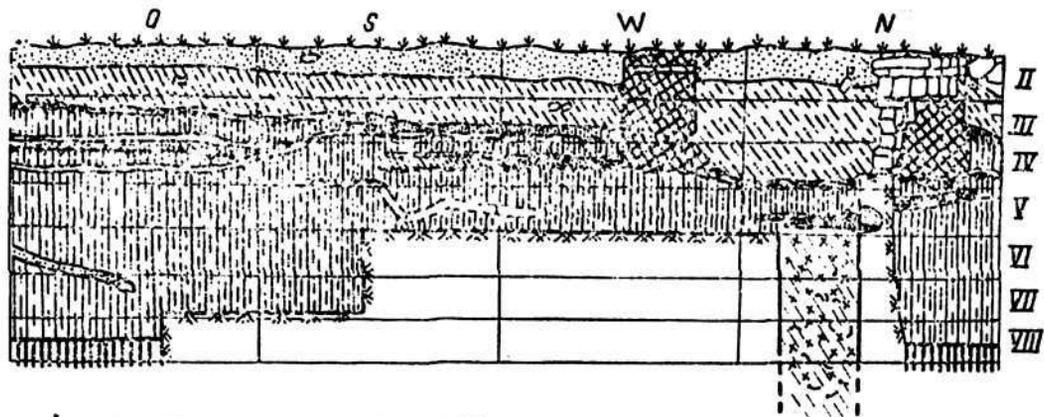
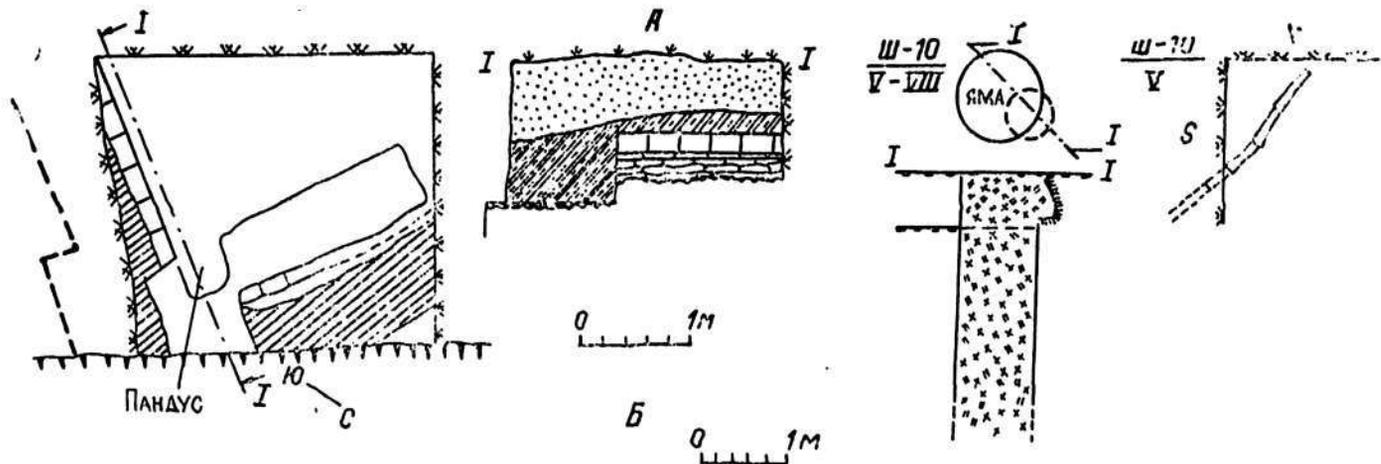
Второй можно разделить на два этапа: с ранним связано сооружение жилого комплекса с паховыми стенами и наклонным полом в одном из помещений. Следующий связан с перестройкой: пол поднят на 5—10 см, в углу помещения около прохода возведен специальный алтарь с курильницей на трехлапчатой основе, возможно, призванный очищать входящих. Курильницы получили широкое распространение не ранее середины I тыс. н. э. Видимо, к этому же периоду относится строительство и функционирование здания.

На третьем этапе стены указанного здания были сnivelированы, заложены сверху обломками пахсы. В центре — углубление, состоящее из двух резервуаров, с полами, выложенными мелкой галькой, поставленной на ребро и обмазанной ганчем. Затем произведен ремонт резервуаров: дно поднято на 15 см, а стены обложены битой керамикой. Сток через систему кубуров остался прежним. На основании фрагментов керамики из обкладки время функционирования этого сооружения можно датировать VII—VIII вв. Любопытно, что Б. Д. Кочевым в Кашкадарье вскрыт аналогичный резервуар, дно которого было обложено мелкой галькой, а стены — битой средневековой керамикой*. На наш взгляд, это сооружение можно определить как резервуар для обработки кож.

После длительного этапа разрушения, натеков и мусорного заполнения на руинах возведена жилая усадьба, разрушившая южную часть мастерской.

Фасадная сторона постройки была облицована жженым кирпичом и резной неполивной терракотой. Двор также вымощен жженым кирпичом. В южной части двора вскрыто подвальное помещение овальной формы диаметром около 2 м, с узкими полочками-суфами высотой 20—25 см, с одной стороны, предназначавшимися для укрепления основания стен, с другой, — для хранения продуктов. На полу и в заполнении подвального помещения был собран обильный керамический материал бытового характера — фрагменты горшковых сосудов, кувшинов, крышек, поливной пилы и два почти целых чирага: один с небольшим округлым граненым туловом и длинным носиком, покрытый коричневатой поливой, второй — в виде плоски, на оси у которой имелся короткий носик, а с противоположного конца — небольшая петлевидная ручка. Найдено также плечико кувшина грушевидной формы с узким и высоким горлом, украшенного поясом коротких насечек, в центре которого как бы надет на нить с насечками крупный медальон в виде резной шестилепестковой розетки.

* Устное сообщение Б. Д. Кочева.

Небольшим количеством фрагментов представлена стеклянная посуда.

Весь этот керамический комплекс в целом позволяет датировать верхний строительный горизонт не ранее середины XI в.

К пятому этапу относится использование холма под кладбище. В зону раскопочных работ попало 6 могил, одна из них оказалась детским погребением. К сожалению, сопровождающий материал отсутствует. Не исключено, что погребения относятся к XVIII—XIX вв., они обнаружены местным населением недавно, при nivelровке полей.

Два шурфа были разбиты на уплощенном холме в 150 м к востоку от раскопа 13.

Шурф № 10 расположен в южной части холма. Верхние слои дали картину завала из сырцовых кирпичей, ниже расчищен уровень пола, обмазанный толстым слоем глины. В северо-западном углу была обнаружена мусорная яма диаметром 0,9 м и угол помещения с паховыми стенами плохой сохранности.

В южной части шурфа вскрыт двор. При расчистке мусорной ямы был выявлен второй уровень поверхности с тандыром, частично разрушенным при рытье мусорной ямы. Тандыр — круглый, с плоским венчиком. Пол вокруг сильно обожжен, на нем сохранился зольник толщиной 1 см.

Ниже второго уровня пола обнаружена раскрытая линия водовода из пяти кубуров длиной по 60 см, вставленных друг в друга. Линия вытянута с северо-запада на юго-восток. Яма, вероятно, первоначально функционировала как колодец, затем, не ранее первой половины XI в., стала заполняться мусором. По обе стороны ее, на противоположных стенках расположены упоры—зацепы для землекопа, рывшего колодец. Разнообразен керамический материал, полученный здесь: поливные чаши, блюда и пиалы, чираг, монеты, фрагменты неполивных кувшинов и обильное скопление стекла. Яркими образцами представлены глазурованные крышки. Сосуды можно разделить на крупные и средние чаши, блюда, пиалы, горшочки, чираги. По форме чаши делятся на три типа: усеченно-конической формы с резким перегибом у дна на кольцевом поддоне; овально-конической формы на кольцевом, реже на плоском дисковидном поддоне; открытой формы с резким перегибом в средней части стенок.

Интересен сосудик баночной формы диаметром 13 см, покрытый снаружи мелким штампованным орнаментом. Нижняя часть сосуда оттиснута в колыбе, верхний неровный край был преобразован в прямой венчик. Затем вся поверхность сосуда покрыта

Рис. 3. А — план и разрез шурфа 11; Б — развертка и детали шурфа 10. Условные обозначения:

1 — дерн; 2 — край раскопа; 3 — рыхлый грунт; 4 — плотный грунт; 5 — завал из пахсы или сырцового кирпича; 6 — зола; 7 — кладка из жженого кирпича (фасад); 8 — натек; 9 — уровень полов; 10 — гумус; 11 — песок; 12 — гравий; 13 — паховые стены; 14 — прокладки обожженной земли и золы; 15 — край современного обрыва; 16 — стены из сырцового кирпича; 17 — материковый грунт.

темной полупрозрачной глазурью коричневатого цвета. К венчику прилеплена ручка с листком-упором, на внешней грани которого вырезана пальметта из пяти листков. При чистке ямы извлечены две медные монеты — саманидский фельс Насра бин Ахмеда, чеканенный в Бухаре в 305/917—18 гг., и раннекараханidsкий Ахмеда бин Али, ал-Амир Аба Салиха и Дехкана ал-Джалила, чеканенный в 388/998 г. в Илаке.

Шурф № 11 (размерами 3×3 м) заложен на северо-восточной окраине холма. В верхних рыхлых слоях найдены фрагменты дастарханов и поливная чаша, украшенная эпиграфическим орнаментом. Ниже раскрыто помещение с паховыми стенами, укрепленным кладкой из сырца размерами 40×20×80 см. В северо-восточном углу помещения — проход шириной 1,05 м, с которого начинается небольшой подъем на площадку, обмазанную светло-серой штукатуркой. Возможно, это широкая суфа высотой 20 см, на которую вел специальный подъем-пандус. При ее возведении забутован более ранний уровень пола, покрытый обмазкой желтоватого цвета.

Ниже, под восточной стеной, зафиксирована еще одна горизонтальная поверхность пола, покрытая красным песком и мелким гравием. Толщина этого слоя 1,5—2 см. В западной части шурфа на этот уровень были поставлены два ряда сырцовой кладки.

В южном углу шурфа вычищена мусорная яма, перекрытая уровнем пола и суфой-эстрадой. Материал из нее представлен фрагментами поливных блюд, крышками с процарапанным орнаментом, керамической погремушкой в виде лошади, сильно фрагментированным диском бронзового зеркала, стеклом. Чаша с ишкорной поливой, с толстой стенкой и изгибом последней в средней части, а также с характерной орнаментацией травянисто-зеленого цвета, контур которого обведен тонкой марганцево-черной линией, известны по керамическим комплексам IX—X вв. (24, с. 43). Крышки обоих типов стали ведущими для Ташкентского оазиса с IX по XI в., кроме того, они широко встречаются в керамических комплексах этого же периода в других районах Средней Азии (25, с. 123; 26, с. 129). Однако отсутствие характерных форм XI в. среди неполивной посуды и поливных чаш и находка чаши открытой формы с двухсторонним орнаментом, позволяют датировать комплекс второй половиной X в.

Самый нижний материал, полученный в шурфе, — это фрагменты плоской крышки типично каунчинского типа, верхняя поверхность которой украшена округлыми вдавлениями палочки, маленькая площадка светильника и мелкие фрагменты небольших сосудов с залощенными стенками.

В ходе работ последних лет выяснилось, что территория юго-восточного рабада имеет протяженность 500 м. Подъемный материал, собранный в этой части городища, дал интересный комплекс X—XI вв. Это фрагменты штампованной посуды, симобкузача, неполивной каламдон прямоугольной формы с встроеным в него

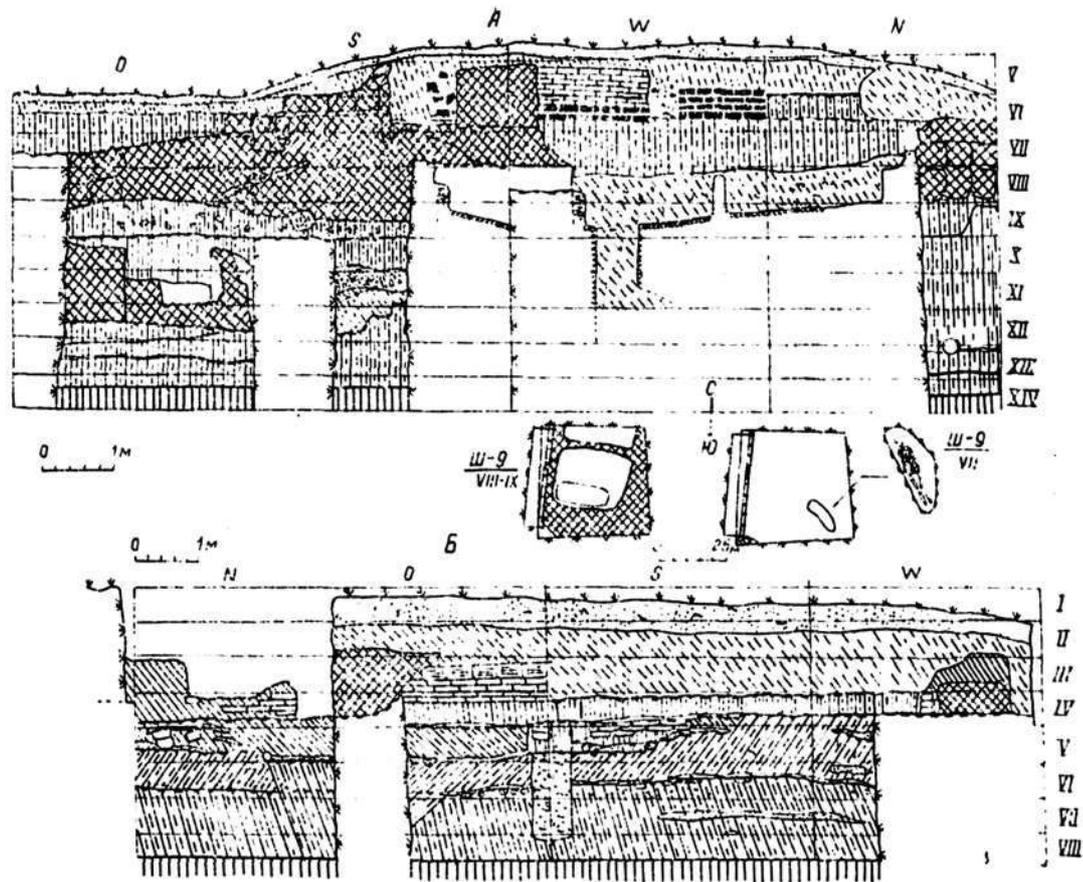
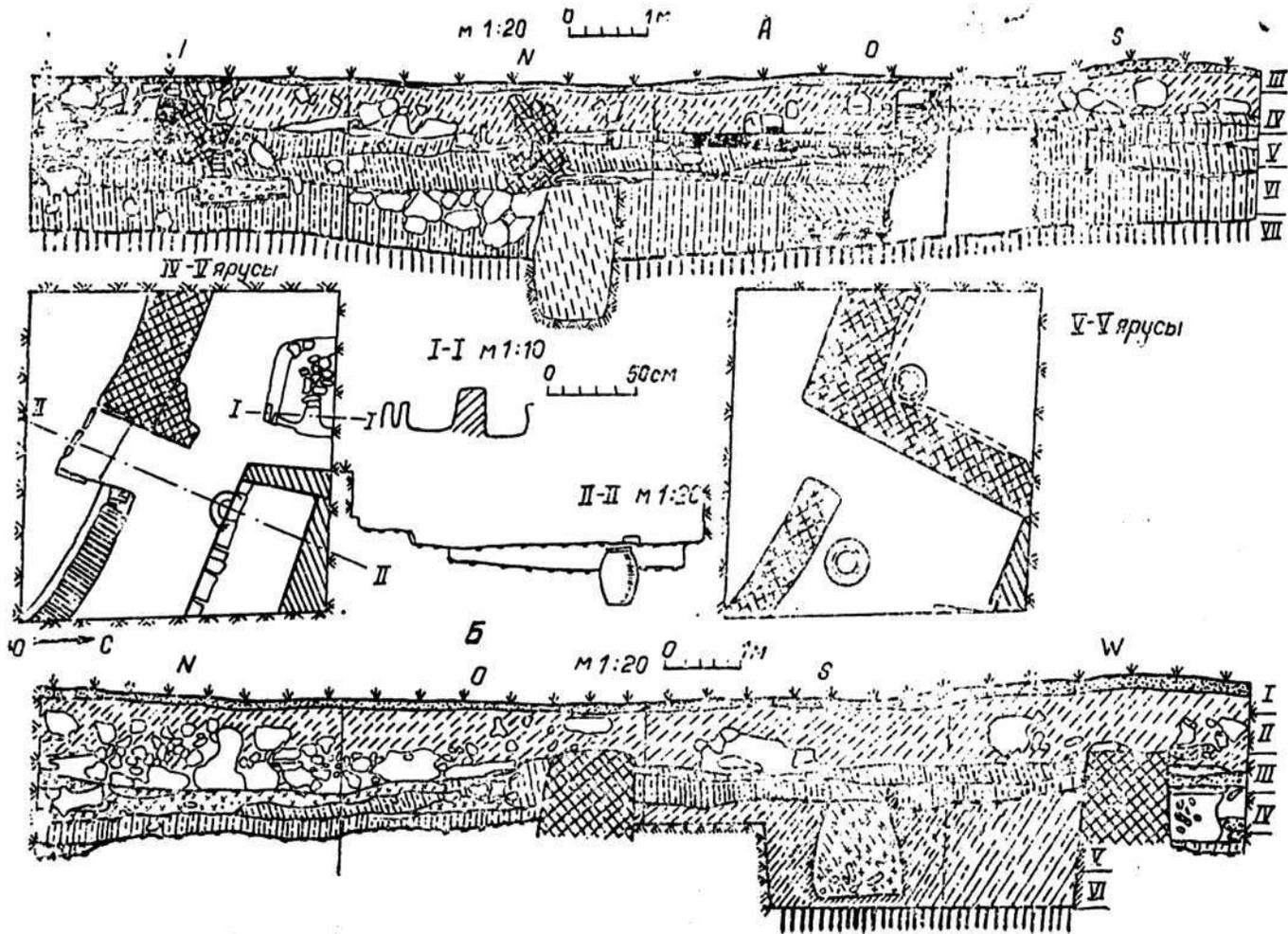

Рис. 4. А — развертка шурфа 9; Б — развертка шурфа 11. Условные обозначения те же, что на рис. 3.

резервуаром для чернил, светильники, большое количество разноформатных (грубых и аккуратно сделанных) пряслиц. Интересна находка пятаки поливного чирага — трапецевидной формы с заостренным навершием в виде скругленного трилистника. На уплощенной поверхности отштампован зооморфный образ в виде сильно стилизованного хищника, повернутого влево, с поднятой передней лапой и длинным хвостом, изгибающимся над спиной и завершающимся крупным трилистником. Сверху изображение ограничено картушем, линии которого объединены в центре пятилепестковой пальметтой. Пятка, как и весь чираг, была покрыта плотной зеленой поливой. Здесь же обнаружена еще одна любопытная на-

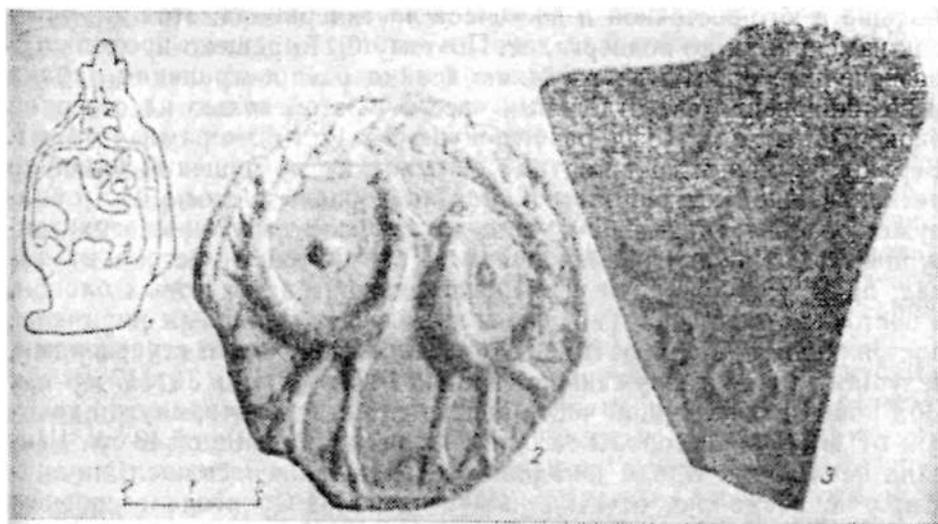

Рис. 6. Отдельные находки, сделанные в рабаде.

ходка — плоская керамическая красноглиняная печать диаметром 5,7 см. Изображение дано в высоком рельефе в виде двух сильно схематизированных птиц. Птицы обращены друг к другу головками, соприкасаясь клювами. Левая, несколько более крупная, имеет на голове небольшой хохолок, у правой хохолок отсутствует. Длинные хвосты петлей возвышаются над ними и почти образуют дугу. Завершается хвост маленькой шишечкой. Еще по одной маленькой круглой шишечке располагается над спиной каждой из птиц. Ноги крупные, трехпалые конечности обращены вниз. Изображенные птицы, по замыслу мастера, видимо, служили символом любви и счастья.

Интересна топографическая ситуация в юго-западной части рабада. С юга на север тянется пологий холм. По обе стороны от

Рис. 5. А — шурф 12; Б — шурф 13, планы и разрезы. Условные обозначения те же, что на рис. 3.

него находятся распаханные участки, но восточный как бы приподнят по отношению к западному. Возможно, перепад этот не случаен. Пологий холм — это граница рабада, тем более, что северная часть холма не доходит до крепостной стены на 30 м, образуя сужающийся проход в рабад, как раз в сторону южных ворот шахристана III. Подобный прием обороны ворот рабада логичен, так как нападающий противник попал бы одновременно под фланкирующие удары со стены (или с крыш домов рабада) и с крепостной стены города. Кроме того, дальше в западном направлении не было плотной застройки, жилье перемежалось с полями и садовыми участками.

Ранее археологические наблюдения были сконцентрированы больше в юго-восточной и восточной частях рабада, этот же участок изысканиям не подвергался. Поэтому было решено продолжить разведочные работы по изучению границ распространения рабада и возникновения его отдельных частей. С этой целью на северной оконечности холма был разбит шурф № 12 (размерами 4×4 м). Верхний слой показал картину оплыва и разрушений какой-то расположенной южнее постройки. Под дерновым слоем был обнаружен черный дирхем. В начале яруса были выявлены архитектурные остатки полуовальной стены, вытянутой с востока на запад, причем ее западная часть была сложена из пахсовых блоков, а восточная обложена с внешнего края еще и сырцовым кирпичом, поставленным на ребро. В центре расчищен проход со ступеньками, ведущими в это сооружение. Кирпичи — размерами 34×17×5 см. Пол ровный. В северной части расчищен развал печи, внутри которой от восточной стороны отходила перегородка длиной 43 см. Ширина печи 95 см. Вдоль западной стены раскопа расчищен кирпичный ряд, возможно, остатки вымостки пола. Со вторым уровнем пола (середина V яруса) был связан врытый в землю хум (диаметр венчика — 31 см, наибольшая ширина тулова — 42, общая высота 90 см). С этим уровнем пола связана вторая ступень на южное сооружение. Края этой ступени не обложены кирпичом. В хуме были обнаружены кусок жернова, фрагмент железного ножа и фрагмент дастархана. Возможно, этот хум использовался под ташнау. В углу в пахсовой стене обнаружен интересный фрагмент штампованного сосуда.

В целом слои шурфа дали материал середины XI в. В перемещенном состоянии было обнаружено несколько раннесредневековых черепков, но сами слои либо находились дальше к востоку, либо были очень незначительными.

К югу от шурфа № 12 был заложен шурф № 13 (размерами 4×4 м). Верхние слои его дали пахсовый развал, ниже которого была выявлена пахсовая стена шириной 1,1 м, вытянутая по линии северо-запад—юго-восток. Со стеной было связано два уровня пола. На верхнем обнаружены небольшой горшочек со сливом (рис. 6). Диаметр венчика — 9 см. С одного края под устьем прикреплена маленькая пластинчатая ручка, под прямым углом от

которой отходит слив. В шурф попали две мусорные ямы диаметрами 0,7 м и 1,1 м. В одной из них были обнаружены жернов диаметром 43 см, куски жженого кирпича, донце поливной чаши и две монеты — аббасидский фельс второй половины VIII в. и посеребренный дирхем Табгач-хана Ибрахима (Самарканд, около середины XI в.). Слои шурфа № 13 также показали отсутствие раннесредневекового материала, более того, в юго-западной части рабада обнаружен поздний оссуарий — VIII в.

Указанные находки позволяют предположить оформление этой части рабада в X—XI вв., что, видимо, было обусловлено свободной застройкой рабада и неравномерным освоением территории.

Какова была застройка рабада дальше к западу, судить трудно. Керамика, собранная в печи и вокруг, составляет два комплекса. Северо-западный рабад изучены значительно слабее. Обследование его дает основание предполагать, что и обжит он был не столь интенсивно, как юго-восточный.

Близ северного излома стены шахристана выявлены остатки разрушенных керамических печей с материалом, представленным чашами, покрытыми белой глазурью, характерными для X в. н. э. Большой интерес представляет пункт в 800 м от западного угла шахристана, вскрытый М. Р. Тихонным в 1983 г. При перепланировке полей здесь были потревожены остатки гончарных мастерских. Вскрытая печь — двухкамерный круглый в плане горн с набором парадной неглазурованной посуды. В комплексе керамики из печи VIII в. — оригинальные двуручные кружки-кубки цилиндро-конической формы с капеллюрами, украшенные разнообразным штампованным орнаментом (листья, колосья, круги с лепестками, ромбы с перлами в различных сочетаниях), узкогорлые красноангобированные кувшины с длинным желобчатым носиком и ручкой с налетом сверху, украшенные штампованным орнаментом по плечикам, одноручные кружки, курильницы на ножке (27, с. 120—125). Тесные аналогии связывают данную мастерскую с кварталом керамистов южного рабада, отличая лишь наличием оригинальной формы кружек-кубков. Комплекс квартала характеризуется набором форм и монетами от VI до VIII — начала IX в., причем к последнему этапу относится комплекс печей с моделированными лощеными узкогорлыми сосудами с носиком, ручкой с налетом и штампованным орнаментом по плечикам (7, с. 88—89). Фрагмент курильницы аналогичной формы получен из культового помещения цитадели Канки, фрагменты сосуда с тождественным штампованным орнаментом — листьями, возможно, вышедшего из данной мастерской, найдены в замке-усадебке шахристана III, датируемом VII—VIII вв. н. э. При раскопках 1986 г. аналогичные сосуды также встречались в помещении VII—VIII вв. на раскопе Р-7а у южных ворот Канки. Основной круг аналогий мастерской ограничивается VII—VIII вв. н. э., включая объекты, в которых встречены сосуды, возможно, даже из данной мастерской. Выпуск красной лощеной штампован-

ной керамики, изготовленной в подражание металлическим сосудам, характерен для VII—VIII вв. н. э. Он был рассчитан не только на горожан, но в значительной степени и на жителей прилегающих степных районов, в среде которых распространена и металлическая посуда. Поэтому вполне целесообразно появление мастерской на юго-западной окраине на пути к стоявшему на слиянии рек Илака (Ахангарана) и Чача (Сырдарьи) раннефеодальному городку крепости Турткультепе, через который путь продолжался на север вдоль Сырдарьи и Чинанчкета. Значительный контингент его составляли жители в «войлочных домах», т. е. осевшие скотоводы, живущие в юртах.

В связи с этим нам не совсем понятна неподкрепленная материалами попытка М. Р. Тихонина отнести мастерскую к IX в., для чего ему пришлось вразрез с конкретными данными выдвигать спорные предположения о начале серебряного кризиса с IX в., о выпуске курильниц для домусульманских обрядов в IX в., опровергать мнение о том, что с появлением глазурованной керамики неполивная получила тенденцию к упрощению (24, с. 124—125). Следует отметить, что двуручные кружки в калыбе не отгискивались. Вертикальное рифление на стенках кружек мастер делал пальцем, поэтому гофрированная поверхность напоминала металлическую посуду, сходство с которой еще больше достигалось применением разного набора мелких штампов. Касаясь штампованного орнамента, отметим, что все эти элементы широко встречаются на прекрасных образцах столовой посуды на различных объектах VII—VIII вв. на городище Канка. Не совсем обоснованы параллели с согдийским комплексом, в котором встречены уже глазурованные сосуды (28, с. 217). Однако в целом, как показало обследование участка, гончарное ремесло здесь продолжало развиваться и в X—XI вв. н. э., но оно связано уже с выпуском глазурованной продукции. Изменилась, вероятно, и топология печей, диаметр которых стал меньше, а находка мелкого припаса заставляет предположить переход к однокамерной конструкции. Таким образом, начальный этап обживания пригородов Харашкета начался с южных районов, датируется он IV—VI вв., когда город являлся столицей Чачского владения. По письменным источникам известна активизация торгово-дипломатических связей Чача с середины I тыс. н. э. Чачские купцы упоминаются и в составе жителей согдийской купеческой колонии Восточного Туркестана, товары их известны по китайским хроникам. Возможно, неслучайно активнее жизнь выплескивается за пределы стен с юга, где в VI—VII вв. отмечалось наиболее плотное обживание пригорода по дороге в Согд. Здесь К. А. Абдуллаевым вскрыты керамические печи, и, помимо кожевенных мастерских, еще до 250 м к югу прослеживаются скопления шлаков, керамики, медных монет. Они тянутся полосой, вероятно, вдоль древней дороги. Большую группу среди них составляет керамика с прорезанными

и рельефным орнаментом, близкая продукция из северо-западного рабада, но менее парадная.

Следует отметить обилие (более 30) медных монет. Интересно скопление в одном пункте разнотипных монет. Похоже, что здесь длительное время функционировала торговая лавка, то есть ремесла были связаны с торговлей. Поблизости располагалось и оссуарное кладбище. Новый этап роста города — VII—VIII вв., когда, вероятно, с расширением экономических связей с северными степными районами, разрастанием мастерских южного рабада появился пункт к северо-западу от города. Входил ли он в пригород Харашкета или на раннем этапе представлял собой обособленное селение, сказать трудно.

В IX в., еще более активно — в X в. округа Харашкета начала обживаться на обширной площади, особенно это относится к ее юго-восточному рабаду, разраставшемуся на удобной равнине вдоль берега реки Илака. На окраине рабада здесь отмечены остатки кирпичеобжигательного производства, в центре площади найден таранак винодавильни. Так что ремесленные участки естественно сочетались с сельскохозяйственными и виноградниками. Помимо керамики здесь найдены монеты, включавшие фельсы Тахира (б. Абдаллаха), битые в 241 г. (855—856 гг.), Насра бин Ахмада (914—943), Нуха б. Мансура — Бухара, 377 г. х. (987—88 г.), Караханидский фельс Имаса ал Хаджаджа — 405 (1014—15 гг.), Харашкет*.

Выявление мастерских гончаров, функционировавших в X—XI вв. в северо-западной части рабада, свидетельствует об активном функционировании этого направления, связывавшего Харашкет с северной ветвью международного караванного пути. Все вышеуказанное заставляет пересмотреть прежние представления о Харашкете как городе с относительно небольшим рабадом (29, с. 33) и позволяет с полным правом отнести его к крупнейшим городским центрам средневекового Чач-Илака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленицкий А. М., Бентович Б. И., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
2. Куренной В. Н. Градостроительство в Средней Азии в VII—XII вв. Анализ градостроительных структур. Автореф. канд. дисс... Л., 1973.
3. Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958.
4. Куренной В. Н. К истории Старого Мерва. Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1970. № 2(10).
5. Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
6. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
7. Абдуллаев К. А. Квартал керамистов городища Канка//ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1974.

* Определение Б. Д. Кочнева.

8. Подушкин Н. П. Ранние поселения долины Арысь (I—VIII вв.). Автореф. канд. дисс... Алма-Ата, 1970.
9. Агеева Е. И. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка// Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
10. Филанович М. И. Ташкент, зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
11. Якубов Ю. Паргар в VII—VIII вв. нашей эры. Душанбе, 1979.
12. Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
13. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
14. Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1973.
15. Крюков М. В., Переломов М. С., Сафронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
16. Негматов Н. Н. Государство Саманидов. Душанбе, 1977.
17. Григорьев Г. В. Кустарное производство бумаги в Узбекистане//СЭ. 1940. № 3.
18. Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Ташкент, 1976.
19. Лившиц В. А. Юридические документы и письма. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. М., 1962.
20. Якубов Ю. Кожевненное дело в Бутамане в начале VIII в./по археологическим и письменным материалам на горе Муг//Известия АН ТаджССР отд. общ. наук. 1973. № 1 (71).
21. Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962.
22. Сухарева О. А. Квартальная община позднесредневекового города Бухары. М., 1976.
23. Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры//ТХАЭЭ. Т. 7. М., 1971.
24. Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
25. Абишева Б. Р. Средневековая керамика из поздних наслоений цитадели Афрасиаб//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
26. Брусенко Л. Г., Галиева З. С. Материалы раскопок квартала X—нач. XI в. на городище Канка//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
27. Тихонин М. Р. Новые данные о керамическом производстве в рабаде городища Канка//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
28. Шишкина В. Г. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
29. Бураков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.

А. А. ГРИЦИНА, Л. М. СВЕРЧКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЫРДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Весной 1985 г. Сырдарьинский отряд продолжил работы по составлению Свода археологических памятников Хавастского района (1, с. 132—138). Ландшафт исследуемого участка представляет собой замирающие конгломераты (на самом юге, где высота достигает 1000 м и более) и лессовые увалы-адыры (в центре и на севере), идущие от Туркестанского хребта (6, с. 11). Основным водным источником служит ряд саев, текущих со стороны северных склонов Туркестанского хребта. Вдоль них традиционно концентрируется основная часть памятников. Большое значе-

ние имеет также наличие ключей, которыми особенно богаты верховья Ходжамушкентская (Санганакская) — самой крупной водной артерии данного района.

Всего было выявлено и нанесено на карту более 40 памятников, однако в настоящей статье мы остановимся только на двух, представляющих, как нам кажется, особый интерес. Первый из них — поселение Хантепа — расположен северо-западнее современного селения Сават, он как бы замыкает с севера цепь памятников, расположенных вдоль Ходжамушкентская. Высота объекта — более 4 м, размеры по верхней площадке — 60×70 м. Наверху прослеживается неглубокая впадина, образующая по краям валы, скрывающие, видимо, под собой обводные стены поселения. Северная часть холма изрезана бульдозером, вследствие чего имеется довольно много подъемного материала. Учитывая своеобразие памятника, было решено на краю одного из срезов в восточной части холма заложить шурф размерами 2×2,5 м. Верхний слой (до 1 м) представляет собой рыхлый пылевидный грунт с небольшим количеством находок. Остатки архитектурных конструкций не обнаружены. Большинство находок происходит из нижележащего культурного слоя, представляющего собой зольно-органические накопления с включениями обломков пахсы и сырцового кирпича. В нижней части шурфа (на глубине 3,5—4 м) была расчищена в материковом лессе часть жилища полужемляночного типа. Ширина его 118 см, длина (в пределах шурфа) — 140 см, глубина — 120 см. На дне помещения прослежены отпечатки саманной подстилки (рис. 1).

Полученный из шурфа комплекс керамики по технике изготовления делится на лепную и станковую. Значительно преобладает лепная керамика, которая формовалась ленточным способом или с помощью матерчатого шаблона. Имеются миски, чаши, кубки (рис. 2, 14, 15), котлы (рис. 2, 9—12), корчаги, жаровни и сковороды (рис. 2, 20—21).

Миски и чаши — красноглиняные, встречаются и сероглиняные, с тщательным лощением как с наружной, так и с внутренней сторон. Кубки покрыты коричневым ангобом, в тесто добавлен мелкий песок. Котлы имеют тяжелые пропорции, снабжены ручками-упорами, иногда загнутыми вверх. На некоторых сосудах ниже закраины имеются сквозные отверстия, так называемый «проколочный орнамент». Подобный прием известен с эпохи развитой бронзы (3, с. 100, рис. 9, 15). Отмечен он и в материалах кайракумской культуры эпохи поздней бронзы (14, табл. 106, 3, табл. 99). Жаровни плоскодонные с невысоким, слегка оттянутым наружу бортиком. Внутренняя часть тщательно заглажена. Станковая керамика изготовлена на круге быстро вращения и представлена кубками, горшками, кувшинами. На некоторых сосудах до обжига прочерчены знаки, по нашему мнению, — магические символы (9, с. 93—94).

Крупные сосуды типа хумов формованы с помощью гончарного круга. Хумы имеют как с округлым дном, так и плоскодонные. Венчик в виде валика, профилирован наружу. Другой тип тарной посуды — корчаги ручной работы, со сквозными отверстиями под венчиком (рис. 2, 13).

Лепная керамика с Хантепа находит аналоги прежде всего среди материалов близлежащего памятника — Нуртепа, датированного VII—V вв. до н. э. (20, с. 74—77), а также памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа. Красноглиняные чаши с отпечатками ткани на дне, котлы с шишковидными ручками

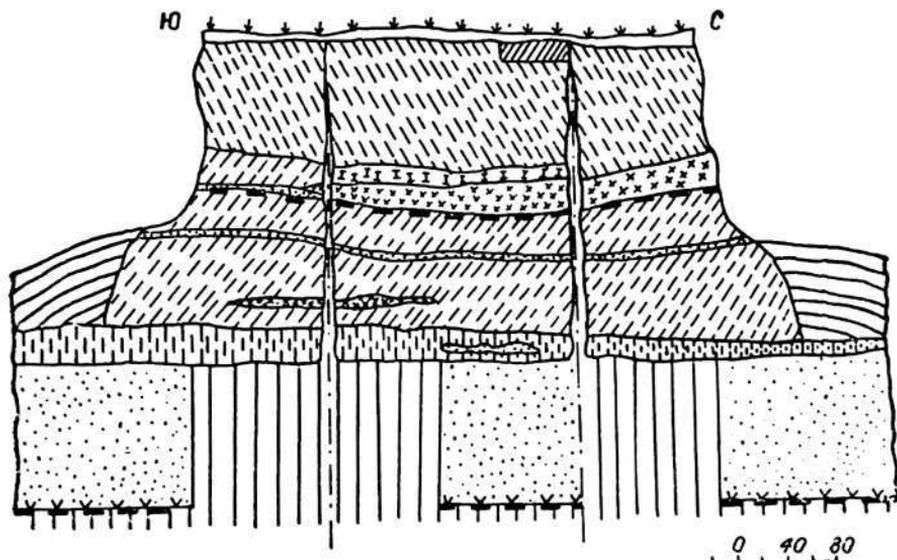

Рис. 1. Развертка шурфа на Хантепа.

и жаровни характерны для бугулюкской культуры Ташкентского оазиса. Здесь же встречаются круглодонные хумы (10, с. 44—48). Определенное сходство данной керамики имеется с керамикой чустской культуры Ферганы (11, с. 28, 30, рис. 7, табл. XIX, 4, 11, 13), с материалами кайраккумской культуры (14, с. 389, табл. 99, 106). Указанные формы посуды продолжали бытовать и в более позднее время, показывая консервативность и преемственность форм. В бугулюкской культуре они существовали до IV—III вв. до н. э. (25, с. 38—62; 7, с. 100), в Фергане — в эйланской и шурабашатской культурах (11, табл. XXXVIII, 14—15, табл. LXIII, 9, 12, 13, 15). Котлы с шишковидными ручками зафиксированы при раскопках в Ура-Тюбе среди материалов IV—II вв. до н. э. (22, с. 122, рис. 11, 1), на Афрасиабе — в слоях IV в. до н. э. (13, с. 43, рис. 19) и даже в более позднее время (12, с. 46). Круглодонные хумы с поселения на территории

Ленинабада датируются IV—II вв. до н. э. (5, с. 44). Станковая керамика, в особенности кубки со слабым изломом бортика, находят аналоги среди материалов, относящихся по времени к периоду Афрасиаб II (26, с. 39, рис. 5, 17—21).

В соответствии с вышеуказанным Хантепа следует определить как одно из поселений, упоминаемых античными авторами в связи с походами Александра Македонского в Среднюю Азию. Отметим, что подобное отождествление в целом подтверждает предположения, высказанные в конце XIX в. В. Томашеком и В. В. Гри-

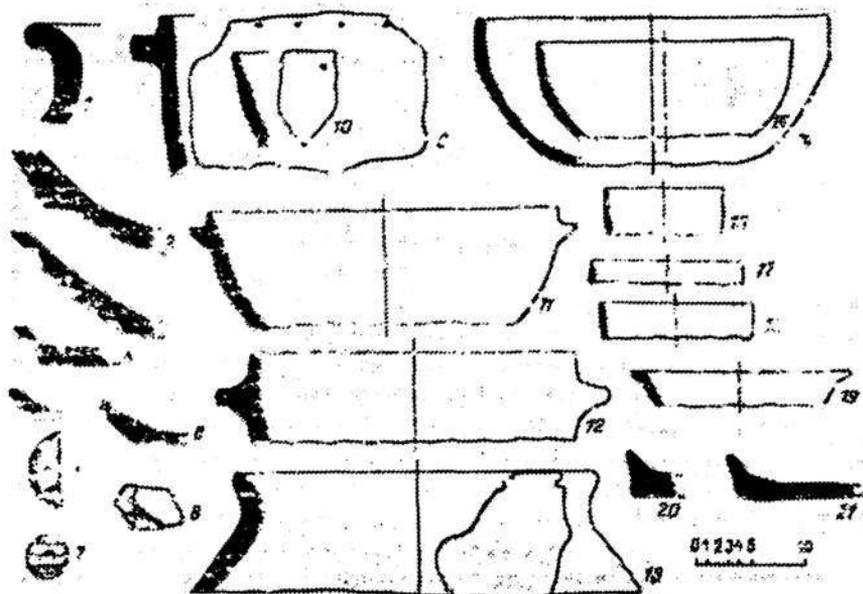

Рис. 2. Керамика из Хантепа.

горьевым о местонахождении одного из очагов восставших «варваров» в Савате (24, с. 57; 8, с. 34).

Второй из привлекавших наше внимание объектов ходжамушкентской группы — городище Культепа — является самым крупным среди всех исследованных памятников Сырдарьинской области.

Городище располагается в 3,5—4 км к юго-западу от сел. Сават на левом берегу Ходжамушкентская. Площадь его (более 40 га) с западной и южной сторон ограничена естественными возвышенностями, с восточной — руслом сая. Своеобразный рельеф местности, очевидно, обуславливал расширение Культепа в северном направлении, свидетельством чего являются находки фрагментов керамики к северу от городища на протяжении 1—1,2 км.

Культепа имеет четко выраженную в рельефе трехчастную структуру, характерную для средневекового города. В юго-восточной его части расположена развитая цитадель размерами 110×110 м, высотой 14 м. В ее северной части прослеживаются остатки, видимо, въездного сооружения. Шахристан имеет подпрямоугольную в плане форму и достигает в высоту 7 м. Трудно судить, был ли он укреплен, так как визуально не удалось выявить оборонительных стен. Территория шахристана незначи-

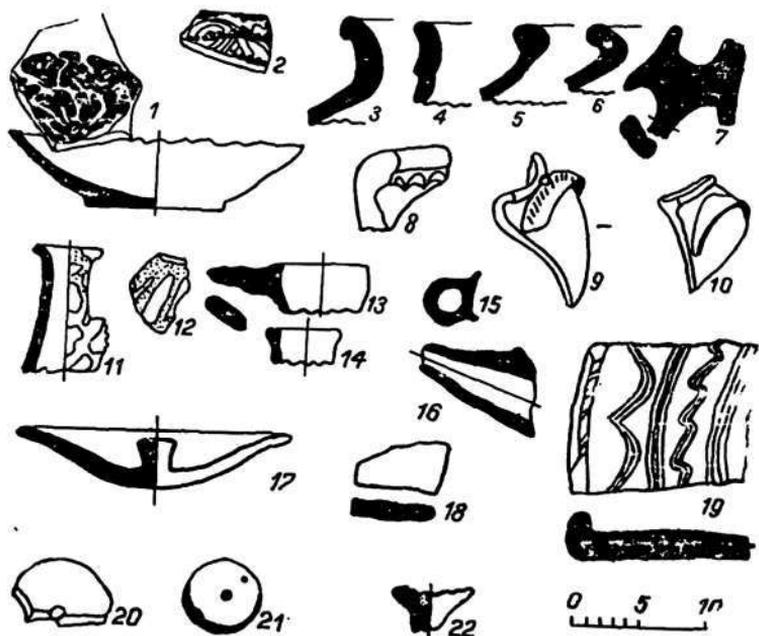

Рис. 3. Керамика с городища Культепа.

тельно возвышается над рабадом, отделяясь от него с севера оврагом. На поверхности рабада фиксируется обширная впадина, известная среди местных жителей под названием Гульхауз. В юго-восточной части предместья, в овраге, обнаружены керамические шлаки. Следы ремесленной деятельности в виде железистых, скорее всего, кузнечных шлаков имеются и к западу от шахристана, где в целях производства осваивалась поверхность высокого естественного холма. Не исключено, что существование ремесла в указанном месте означает существование второго, западного рабада, топографически отделенного от северного.

Ранее Культепа было обследовано Н. Б. Немцовой, которая на основании собранного ею материала предположила, что, «видимо, в этом месте и следует искать средневековый Сават» (21, с. 11).

На городище был собран обильный разновременный подъемный материал. К наиболее раннему можно отнести фрагмент кубка (рис. 3, 22). Отдельные находки свидетельствуют об обживании территории городища и в раннефеодальное время (рис. 3, 15). Однако самым многочисленным является материал периода развитого средневековья и, прежде всего, XI—начала XIII в. (рис. 3, 1—14, 16—21), в котором выделяется группа расписных сосудов (рис. 3, 11, 12).

В соответствии с приведенными выше данными о топографии Культепа, времени его обживания, а также учитывая географическое расположение городища, мы поддерживаем мнение Н. Б. Немцевой относительно поисков Сабата в данной местности и предлагаем отождествить городище Культепа с известным городом Уструшаны Сабатом, занимавшим выгодное положение в системе транзитных караванных путей Среднеазиатского междуречья.

Следует рассмотреть господствующую в научной литературе локализацию Сабата в местности Иски Сават (около 10 км к северу от современного селения Сават). Версия была высказана на заседании Туркестанского Кружка любителей археологии в 1896 г. П. С. Скварским, получившим все интересующие его сведения исключительно со слов местных жителей. Перечисляя известные ему места древних поселений, в том числе и Культепа, автор пишет: «Со временем я имею в виду объехать эти местности и нанести их на план» (23, с. 44). Этой фразой П. С. Скварский сам признает отсутствие конкретных данных в пользу своей гипотезы.

Авторы статьи побывали в местности Иски Сават к северу от сел. Сават, однако археологические объекты, обнаруженные здесь, представлены лишь небольшими группами погребальных курганов, свидетельствующих о том, что данная территория являлась сферой обитания кочевников.

Таким образом, локализация П. С. Скварского, по нашему мнению, основана на недоразумении, но из-за отсутствия других мнений продолжала свое существование, неизменно повторяясь во многих научных трудах.

Вследствие ошибочного определения местонахождения Сабата в свое время невероятно затруднились поиски столицы Уструшаны—Бунджиката, что к тому же осложнялось расхождением арабских географов, как верно отметил Н. Н. Негматов, в определении расстояния от Сабата до Бунджиката: по Ибн Хордадбеку и Кудаме, — 7 фарсахов, согласно ал-Истахри, — 3 фарсаха (16, с. 31). На наш взгляд, никакой путаницы здесь нет, так как речь идет о двух различных дорогах, причем, по-видимому, разновременных, поскольку описание первой из них хронологически предшествует сообщению ал-Истахри.

При движении по более короткому пути «от выхода реки из гор считали 2 фарсаха до Сабата» (4, с. 216). Несомненно, путь

этот пролегал вдоль русла Ходжамушкентская (в верхнем течении носящего название Каттасай), общая длина которого «...от первых питающих его родников до кишлака Сават около 15 км» (2, с. 2). Таджикистанские археологи, в свою очередь, признают важную роль ущелья Ходжамушкентская в качестве прохода, соединявшего Бунджикат с Сабатом (17, с. 126; 18 с. 105—107).

Вторая, более ранняя из известных нам дорог из Сабата в столицу Уструшаны, по Ибн Хордадбеку, имела протяженность 7 фарсахов, «...из которых 2 фар. по долине, а 5 фар. поднимаешься вдоль русла реки, текущей со стороны города» (Бунджиката). Кудама добавляет, что 5 фарсахов проходят среди гор, «...увенчанных поселениями» (27, с. 21, 159).

Вероятнее всего, маршрут этого пути пролегал среди селений, располагающихся вдоль русла Тагобская или Муголская. Последние имеют естественное происхождение. Однако не исключено, что к ним могли по системе каналов, отмеченных А. И. Билаловым (6, с. 22—37), подключаться воды Шахристанская.

Несколько прояснив вопрос о русле реки, текущей от города, можно реконструировать средневековый маршрут, при движении по которому караваны достигали протоков (естественных или искусственных) Шахристанская и поворачивали на юг, минуя по дороге в столицу селения долины Тагобская или Муголская.

В заключение отметим, что археологические объекты долины Тагобская образуют своеобразный микрооазис, географически изолированный как от памятников ходжамушкентской группы, составляющих средневековый рустак Сабат, так и от поселений Шахристанской котловины. Не исключено, что указанный микрооазис являлся одним из рустак Уструшаны. В этой связи привлекает внимание название Варкынарык, древность которого отмечал Н. Н. Негматов (19, с. 167), а также наименование кишлака Варкын, расположенного близ сел. Балансакыр и сел. Чаканд в пределах описываемого микрооазиса. По нашему мнению, названия арыка и кишлака близки наименованию известного по письменным источникам уструшанского рустака Вакр, который Н. Н. Негматов предположительно помещает в верховьях Зааминсу (крепость Мык (15, с. 247)).

Предварительные исследования, проведенные на территории Хавастского района, позволили извлечь немало ценной информации, объем которой в ходе более углубленного археологического изучения, несомненно, возрастает и позволит максимально полно воссоздать историю этого интереснейшего края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов У. А., Сверчков Л. М. Археологические исследования в Сырдарьинской области//ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.
2. Архангельский Г. И. Гидрогеологические исследования в Саватском районе Ташкентского округа//Труды САГУ. Серия VII-а. Ташкент, 1928.

3. Аскарлов А. А. К передатировке культуры Заманбаба//Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
4. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. 3. М., 1965.
5. Беляева Т. В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада//История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
6. Билалов А. И. Из истории ирригации Уструшаны//Материальная культура Уструшаны. Вып. 4. Душанбе, 1980.
7. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
8. Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. Спб., 1881.
9. Грицина А. А. К семантике знаков на керамике каунчинской культуры//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.
10. Дуке Х. Туябугузское поселение бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
11. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. М.—Л., 1962. № 118.
12. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973.
13. Кабанов С. К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни//К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
14. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962.
15. Негматов Н. Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н. э.//МИА. М.—Л., 1953. № 37.
16. Негматов Н. Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
17. Негматов Н. Н. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1956 г.//Археологические работы в Таджикистане. Вып. 4. Сталинабад, 1959.
18. Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973.
19. Негматов Н. Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1971 г.//Археологические работы в Таджикистане. Вып. 11. Душанбе, 1975.
20. Негматов Н. Н., Беляева Т. В. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа — Нуртепа//Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982.
21. Немцева Н. Б. Отчет по археологическим разведывательным работам в Джизакской области (май—июнь 1974 г.). Архив Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи.
22. Ранов В. А., Салтовская Е. Д. О работах Уратюбинского отряда в 1959 г.//Археологические работы в Таджикистане. Вып. 8. Душанбе, 1961.
23. Скварский П. С. Несколько слов о древностях Шахристана//Протоколы Туркестанского Кружка любителей археологии. Год 1. Ташкент, 1896.
24. Tomaschek W. Zentralasiatischen studien I. Sogdiana. Wien, 1877.
25. Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
26. Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э./Афрасиаб II//Афрасиаб. Вып. 3. Ташкент, 1977.
27. Ibn Khordadbeh. Abu 'l-Kasim Obaidallah ibn abdallah. Kitab al-Masalik wa 'l-Mamalik. Kodama ibn Dya'far. Kitab al-Krarady. Quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Geoye. BGA. VI. Editio secunda. Lugduni Batavorum, 1967.

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ДРЕВНИХ ГОРОДИЩ БУХАРСКОГО ОАЗИСА

Палеозоологические материалы, в частности, костные остатки из археологических памятников Бухарского оазиса, изучены недостаточно. До настоящего времени имеются лишь небольшие статьи по отдельным археологическим памятникам (1, с. 49, 2; 3; 4). В последние годы широкие археологические раскопки, произведенные в Бухарском оазисе, дали дополнительные остеологические материалы, характеризующие охоту и хозяйство древних племен.

Настоящая статья написана на основании остеологического материала из стратиграфического шурфа, расположенного рядом с медресе XVI в. Мириараб в г. Бухаре и городища Пайкенд, находящегося на территории совхоза «Ташкент» Каракульского района Бухарской области. Материалы из верхних ярусов шурфа (1—24) принадлежат средневековью, а из нижних ярусов (25—34) — античному времени, из нижних слоев городища Пайкенд — IV—II вв. до н. э. собрано 1560 костей минимально 213 особей (табл. 1). Среди определяемых костных остатков из Бухары и городища Пайкенд большее количество принадлежит овцам и козам.

Сохранность костных остатков мелкого рогатого скота очень плохая, целых черепов или фрагментов, которые можно было бы измерить, нет. Трубчатые кости сильно раздроблены, встречаются лишь единичные метоподиальные кости, астрагалы, пяточные и кости фаланг (табл. 2).

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что наибольшее число костей скелета как в античных, так и в средневековых слоях оказалось нижними челюстями, лопатками и метоподиальными костями. Многочисленность этих костей в слоях объясняется тем, что они лишены костного мозга или он содержится в минимальном количестве. Обычно нижнюю челюсть и лопатку отделяют и выбрасывают, не употребляя их в пищу.

Фрагментарность костных остатков затрудняет определение процентного соотношения овец и коз. Несмотря на это нами были произведены некоторые подсчеты этого соотношения по стержням рога и метоподиальным костям. Подсчеты стержней рогов овец и коз показали, что в античных слоях (25—34 ярус) Бухары 69% (27 шт.) стержней рогов принадлежит овцам и 31% (12 шт.) — козам, в средневековых слоях (1—14 ярус) 71% (5 шт.) — овцам и 29% (2 шт.) — козам. На городище Пайкенд обнаружен всего лишь один рог и пять метоподиальных костей козла.

Незначительное количество материала и сильная раздробленность исследуемых костных остатков мелкого рогатого скота из

Пайкенда не позволяют восстановить истинную картину процентного соотношения овец и коз. Возраст животных, судя по их костным остаткам, очень различен. Изучение состояния системы коренных зубов 66 нижних челюстей из двух городищ показывает, что овцы и козы в возрасте от одного до двух лет на городище Бухара составляют 40,5%, в Пайкенде — 26,3%; старше двух лет, соответственно, 51,1% и 15,8%; в возрасте до года — 2,1 и 36,8%, моложе трехмесячного возраста — 6,3 и 21,0%. Сле-

Таблица 1

Видовой состав и количество костей млекопитающих из древних городищ Бухарского оазиса

Виды животных	Бухара				Пайкенд	
	средневековые		античность		античность	
	кости	особи	кости	особи	кости	особи
1. Собака	3	1	1	1	—	—
2. Лошадь	23	3	14	7	16	3
3. Осел	33	3	17	5	—	—
4. Свинья	18	5	9	3	2	1
5. Верблюд	19	2	3	2	—	—
6. Коза	2	2	10	8	—	—
7. Мелкий рогатый скот	219	22	264	60	244	14
8. Крупный рогатый скот	72	8	193	35	84	4
9. Лисица	1	1	1	1	—	—
10. Кудан	15	5	2	2	22	4
11. Кабан	—	—	—	—	5	1
12. Олень	3	1	—	—	2	1
13. Джейран	1	1	6	6	—	—
14. Заяц-толай	—	—	1	1	—	—
15. Птица	20	—	—	—	10	—
16. Неопределенные кости	+	—	200	—	25	—
Всего	429	54	721	131	410	28

довательно, основную массу животных, используемых в пищу, составляли особи в возрасте 12—24 месяцев.

О возрастном составе овец и коз древних городов Бухарского оазиса свидетельствуют следующие данные:

<i>Состояние системы коренных зубов нижних челюстей</i>	<i>Возраст в месяцах</i>	<i>Бухара п—47</i>	<i>Пайкенд п—19</i>
отсутствует M_1 . . .	до 3	6,3	21,0
есть M_1 —отсутствует M_2 . . .	3—12	2,1	36,8
есть M_2 —отсутствует M_3 . . .	12—24	40,5	26,3
есть M_3	старше 24	51,1	15,8

Костные стержни рогов овец в материалах Бухары не представляют редкость. Они были найдены и в средневековых, и в античных слоях. Однако большинство их измерениям не поддается, так как все они срезаны или сломаны на обоих концах (рис. 1, 1; 2). Некоторые измерения и структурные особенности стержней рогов показывают, что почти все они принадлежали баранам. Просмотр трех десятков фрагментов мозговой части черепа также показал существование в стаде овец древних бухар-

Таблица 2

Состав костных остатков домашних животных, обнаруженных при раскопках г. Бухары

Кости	Античность					Средневековье				
	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь	осел	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свинья	лошадь	осел
Стержень рога	7	39	—	—	—	1	7	—	—	—
Фрагмент черепа	1	6	1	—	—	7	25	—	3	2
Нижняя челюсть	6	38	3	—	—	5	30	11	1	5
Изслированные зубы	1	3	—	1	2	1	7	—	3	2
Позвонок	28	6	3	—	—	8	16	—	—	1
Ребро	40	4	1	—	—	10	25	—	—	1
Лопатка	16	33	—	3	—	6	16	—	1	1
Плечевая	9	16	—	—	1	1	14	1	—	1
Лучевая-локтевая	6	30	—	2	2	2	9	1	1	3
Таз	10	21	—	1	—	2	14	—	—	—
Бедренная	6	9	—	—	2	3	10	—	3	3
Берцовая	15	17	1	1	3	2	11	2	—	2
Пяточная	10	1	—	—	—	3	3	—	1	—
Астрагал	3	1	—	—	—	—	2	—	2	—
Метоподий	14	27	—	2	6	9	26	3	5	5
Кости запястья и перед- плюсны	2	—	—	—	—	2	—	—	—	3
I фаланга	4	—	—	—	—	3	1	—	2	1
II фаланга	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—
III фаланга	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Фрагменты трубчатых костей	14	12	—	4	1	6	5	—	—	3
Всего	193	264	9	14	17	72	219	18	23	33

цев камолых и рогатых. При этом, вероятно, все самцы были рогатыми, а самки камолыми. Такое явление в настоящее время наблюдается и среди каракульских овец.

Значительный интерес представляют хорошо сохранившиеся нижние челюсти, астрагалы, пяточные и метоподиальные кости овец (табл. 3). На раскопках, произведенных в г. Бухаре, было обнаружено 9 пястей, длина которых варьирует от 123 до 160 мм, в среднем 139,1 мм; а длина плюсневой кости (п—4) — от 122

до 130, в среднем 127,5 мм. Промеры аналогичных костей из древнего Хорезма показали, что длина пясти равнялась 112—167 мм, в среднем 134,1 мм, длина плюсны (п—53) 120—174 мм, в среднем 143,5 (5, с. 108—154).

Сравнивая метоподиальные кости, можно отметить, что овцы из бухарского оазиса, судя по пястным костям, более длинноногие и массивные, чем овцы из низовьев Амударьи, а по плюсным костям — они коротконогие, но массивные. Пястные кости оказались длиннее, чем плюсовые. Из этого можно сделать вывод, что у древних бухарцев было две породы овец, вероятно, каракульская и курдючная.

Таблица 3

Некоторые сравнительные промеры мелкого рогатого скота Бухарского оазиса и Древнего Хорезма

Промеры	г. Бухара			Древний Хорезм (по Цалкину, 1966)		
	n	предел	средний	n	предел	средний
Алевиолярная длина ряда коренных зубов нижней челюсти	18	67,0—88,0	77,1	—	—	—
Алевиолярная длина ряда моляров	18	39,0—60,0	56,5	—	—	—
Алевиолярная длина ряда премоляров	19	21,5—35,0	26,5	—	—	—
Общая длина пясти	9	123,0—160,0	139,1	49	112—167	134,1
Ширина верхнего эпифиза	13	24,0—32,5	26,4	45	21,5—33,0	25,1
Ширина нижнего эпифиза	11	26,0—34,0	29,0	43	22,0—34,5	26,8
Ширина диафиза	14	12,5—18,5	15,5	42	11,5—19,0	14,4
Общая длина плюсны	4	122,0—130,0	127,5	53	120,0—174,0	143,5
Ширина верхнего эпифиза	18	20,0—27,0	23,0	44	19,0—26,5	22,2
Ширина нижнего эпифиза	6	24,5—29,0	26,0	48	21,5—30,0	25,8
Ширина нижнего эпифиза большеберцовой кости	18	24,5—37,0	28,6	—	—	—
Ширина нижнего эпифиза плечевой кости	11	30,0—37,5	33,5	—	—	—
Ширина суставной впадины лопатки	31	29,5—44,0	35,9	—	—	—

Большое количество костных остатков из древних городищ Бухарского оазиса принадлежит крупному рогатому скоту. Следует отметить, что эти фаунистические остатки сильно раздроблены и представлены в незначительном количестве по сравнению с другими археологическими памятниками Узбекистана.

Среди обнаруженных костей крупного рогатого скота хорошо сохранились лишь небольшие серии посткраниального скелета, астрагалы, пяточные, метоподиальные и фаланги пальцев (табл. 2). Нами были сравнены некоторые промеры бухарского скота с другими древними породами — азиатскими (табл. 4).

Мы располагаем, в основном, измерениями отдельных экземпляров или небольших серий костей. При сравнении прослеживается некоторое сходство и различие в размерах. Например, по длине пясти бухарского крупного рогатого скота можно сделать вывод о близком сходстве его с крупным рогатым скотом из Каунчитепа. А у крупного рогатого скота из Джетысара, Яздепе

Сравнение размеров костей

Признак	г. Бухара			Каунчитепа		
	n	предел	средний	n	предел	средний
Общая длина пясти	3	190,0—202,0	198,0	2	195—201	198,0
Индекс ширины верхнего эпифиза, %	8	23,6—31,2	27,3	2	29,2—31,3	30,3
Ширина нижнего эпифиза	3	51,5—60,5	57,5	11	49,0—70	57,9
Индекс ширины диафиза, %	4	11,0—15,8	14,0	—	—	—
Общая длина плюсны	2	230,0—236,0	233,0	2	225—256	240,6
Индекс ширины верхнего эпифиза, %	7	15,6—22,4	19,0	1	—	20,3
Ширина нижнего эпифиза	4	50,0—57,0	53,5	2	50—57	53,5
Индекс ширины диафиза, %	5	8,7—12,0	10,6	—	—	—
Общая длина астра- гала	3	62,5—64,5	65,1	3	61—66,5	63,2
Общая длина пястч- ной кости	12	113,0—150,0	126,2	1	—	115,0
Общая длина I фа- ланги	8	54,0—65,0	60,6	—	—	—

и Гяур-калы сравнительно меньше размеры. По ширине верхнего, нижнего эпифиза и диафиза скот из Джетысара оказался массивнее. То же можно сказать и о плюсневых костях (табл. 4). Итак, крупный рогатый скот, разводимый на территории Бухарского оазиса; аналогичен скоту из Каунчитепа, скот из Джетысара, Яздепе и Гяур-калы — сравнительно коротконогий, джетысарский еще и массивнее.

Были определены также костные остатки собаки, лошади, осла, свиньи и верблюда. Все эти виды являлись обычными представителями домашних животных уже в эпоху бронзы и даже раньше. Количество обнаруженных костей сравнительно мало-численно. Среди перечисленных животных как в хозяйственном отношении, так и в биологическом привлекает особое внимание лошадь. Нами было определено 53 кости тринадцати особей лошади — пястная, пяточная кости, I—III фаланги и астрагалы

(табл. 2). Длина пясти равна 221 мм, ширина верхнего эпифиза 48 мм, нижнего эпифиза 47 мм, ширина диафиза 33,5 мм. Длина пяточной кости — 116,5 мм, I фаланги — 88,2 мм (—2).

Аналогичные промеры были получены В. И. Цалкиным в Древнем Хорезме (3, с. 136). Длина пясти — 221,65 мм, пяточной кости — 107,17 мм (максимально 117,5 мм), I фаланги — 86,12 мм.

Таблица 4

крупного рогатого скота

Джегисар			Яздепе			Гяур-кала		
п	предел	средний	п	предел	средний	п	предел	средний
2	150—193	191,5	2	188—192	190,0	1	—	193,0
2	30,6—31,1	30,8	1	—	26,3	1	—	28,5
5	61—67	63,7	13	50—56	55,5	6	51—56	54,0
2	17,3—17,9	17,6	1	—	13,3	1	—	15,3
2	218—220	219,0	1	—	213,0	—	—	—
2	21,3—21,8	21,5	1	—	18,8	—	—	—
4	54—63	58,2	15	44—60	51,7	4	50—55	52,9
2	12,9—13,1	13,0	1	—	9,6	—	—	—
5	63—74	68,4	34	57—73	64,6	6	57—70	63,0
1	—	127,0	11	117—138	124,3	3	115—119	122,3
5	63—72	65,6	49	53—70	61,4	14	51—65	60,0

На городищах были обнаружены также костные остатки шести видов диких млекопитающих (табл. 1). Среди них наиболее многочисленными принадлежали типичному обитателю пустыни — кулану. Раздробленность костных остатков кулана свидетельствует о том, что его мясо использовалось в пищу и считалось деликатесом.

Из представителей парнокопытных нами были определены костные остатки оленя, джейрана и кабана. В настоящее время кулан и олень в окрестностях исследуемых городищ не водятся. Джейран с древнейших времен считался одним из основных охотничье-промысловых животных. Его численность в последнее столетие резко сократилась под антропогенным воздействием. К настоящему времени в Бухарском оазисе с целью сохранения и увеличения численности этого вида антилопы создан зверопитомник. Из отряда хищных определены кости лисицы, из отряда

зайцеобразных — зайца-толая. Обнаружено также несколько костей птиц.

Мясо перечисленных видов домашних и диких животных было основным продуктом питания древних жителей городищ Бухары и Пайкенда, кроме того, эти животные играли важную роль в их хозяйстве и быту. Как сырье наряду с камнем и металлом важное значение имели кости различных животных, которые использовались для изготовления орудий труда, оружия, укра-

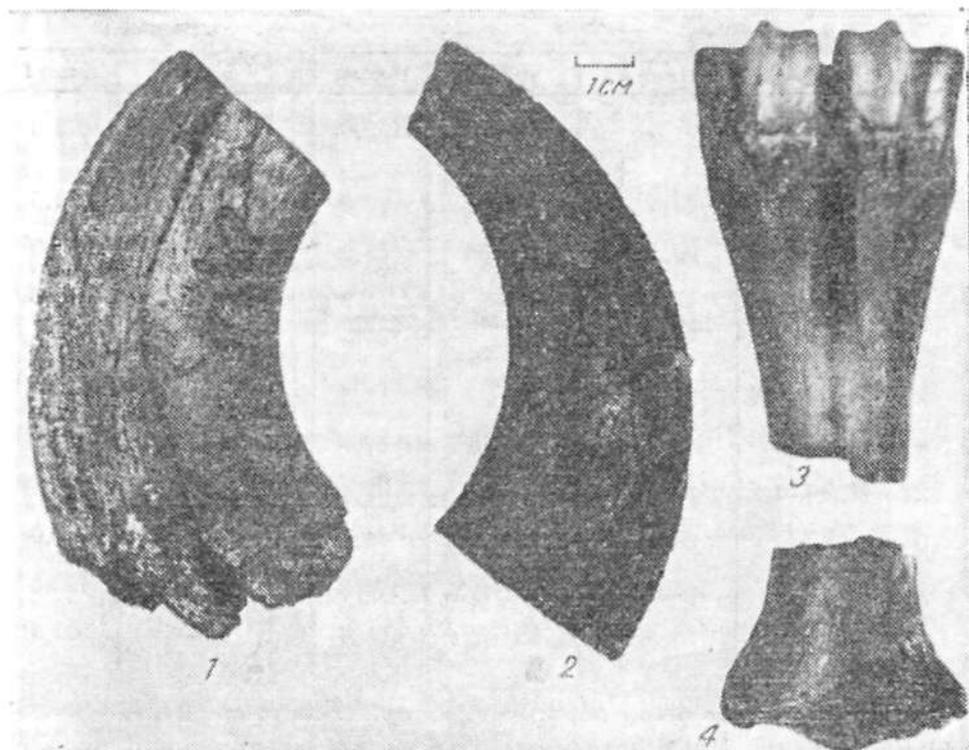

Рис. 1.

1—2 — подпиленные стержни рогов; 3—4 — подпиленные метаподиальные кости крупного рогатого скота.

шений. В стратиграфическом шурфе г. Бухары было обнаружено большое количество костяных орудий, изделий и производственных отходов. При изучении костяных изделий под биноклем нами выявлены: костяные серпы (3 экз.) из ребер крупного рогатого скота; костяные лощила (3 экз.) из лучево-локтевой кости верблюда (рис. 2), из метаподиальных костей крупного рогатого скота; гладильник-лощило, сделанное из целой плюсневой кости крупного скота и из пясти лошади.

Кроме этих изделий было обнаружено несколько стержней рога овец (11 экз.), обрезанных с двух сторон, подпиленные конечности метаподиальных костей крупного рогатого скота (рис. 1). Вероятно, эти кости использовались для изготовления ручек или рукояток для различных орудий труда (7, с. 108—117).

Определение и изучение костных остатков различных животных свидетельствует о широком их использовании в пищу и в хо-

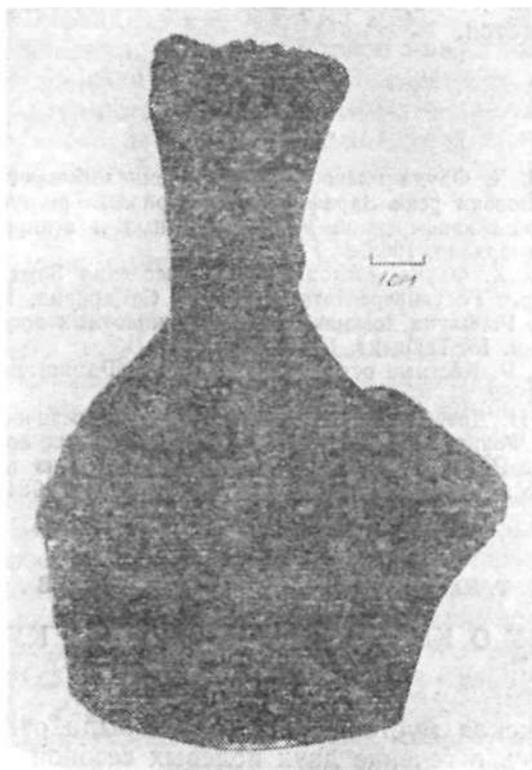

Рис. 2. Костяное лощило из лучево-локтевой кости верблюда.

зяйственной деятельности древних обитателей городищ Бухарского оазиса. Кроме того они дают некоторые сведения о физико-географических условиях данной территории. Наличие большого количества костей мелкого рогатого скота, а из дикой фауны — кулана и джейрана показывает, что окрестности изученных городищ были окружены пустынями, покрытыми различными дикорастущими растениями (саксаул, осока и др.), где могли пастись домашние и дикие млекопитающие.

Обнаружение костей оленя, кабана, зайца-толая, лисицы и различных птиц свидетельствует о том, что недалеко от горо-

дища существовали камышовые и кустарниковые заросли. К настоящему времени увеличение численности домашних животных, их свободное обитание на пастбищах, интенсивное освоение пустынных земель и камышовых зарослей привело к исчезновению или резкому сокращению количества диких млекопитающих. На данной территории к настоящему времени исчезли кулан и бухарский олень, резко сократилось количество поголовья джейрана. Последний вид, благодаря организации джейранного питомника на территории Караульбазарского массива Каганского района, восстанавливается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыров Б. Х. Фауна млекопитающих кремнедобывающих мастерских Учтута в низовьях реки Зарафшана//Материалы республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и аспирантов. Серия «Биология». Самарканд, 1968.
2. Батыров Б. Х. Фауна млекопитающих поселения Заман-Баба//Труды Самаркандского Госуниверситета. Вып. 211. Самарканд, 1978.
3. Батиров А. Р. Фауна домашних и диких животных поселения Сеталак 1//ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
4. Батиров А. Р. Костные остатки животных из Ромиштепа//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
5. Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии. М., 1966.
6. Батиров А. Р., Ширинов Т. Костные изделия из археологических памятников Узбекистана//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.

Т. Ю. ГРЕЧКИНА, Н. Х. ТАШКЕНБАЕВ

К ВОПРОСУ О КВАРЦЕВЫХ ИЗДЕЛИЯХ КУТУРБУЛАКА (3 СЛОЙ)

Кутурбулакская мустьерская стоянка была открыта в 1971 г. (1) и изучалась в течение двух полевых сезонов (1971—1972 гг.) Н. Х. Ташкенбаевым (2; 3).

Исследование этого памятника нашло свое отражение в монографии Н. Х. Ташкенбаева и Р. Х. Сулейманова «Культура древнекаменного века долины Зарафшана», выпущенной в 1980 г. Мустьерской стоянке Кутурбулак посвящается большая часть книги, где дается анализ географической и геологической обстановки, литологическая характеристика пяти культурных слоев и детальная характеристика типологии каменных коллекций. При анализе сырьевого материала, используемого обитателями стоянки, авторы указывают на то, что три четверти обнаруженных изделий изготовлены из плотного мелкозернистого кварцевого песчаника. Вторым по степени использования был плотный аморфный кварцит. Незначительное число изготовлено из других пород, в частности, кремня (4, с. 20—21). Отметив, что качество сырья

заметно влияло на технику, типологию и весь комплекс каменной индустрии Кутурбулака (4, с. 20), авторы разрабатывают подробную типологию каменных изделий из первой группы сырья, а изделия из второй группы представлены в монографии только в самых общих чертах. Даны подсчеты количества нуклеусов, орудий и отбросов производства. Более 20% всей коллекции Кутурбулака представлено орудиями, изготовленными из кварцита, что является уникальным явлением для памятников каменного века Средней Азии. Кварцит многочислен лишь в материалах мустьерской пещерной стоянки Аман-Кутан. Для того, чтобы выявить причину этого явления, получить полное представление о характере индустрии и выявить степень зависимости техники и типологии каменных орудий от качества сырья, необходимо детальное типологическое исследование так называемого кварцитового комплекса. Так как третий слой дает наиболее полное представление о типологии всего памятника, а коллекции, полученные из него, самые многочисленные, было решено начать изучение с этого слоя.

Третий слой залегает в суглинке темно-бурого цвета с зеленоватым оттенком, мощность его 10—38 см (5, с. 13).

Распределение материала по площади раскопа неравномерно. На некоторых участках каменные изделия образуют скопления, встречаются и почти пустые квадраты. Скопления материала, как правило, приурочены к очагам, обнаруженным в кв. И, К—26, 27 и Л, К—16, 17. Вероятно, это были «бытовые центры», т. е. места, где сосредоточивалась жизнедеятельность обитателей стоянки. Как отмечает Н. Х. Ташкенбаев, «сырье доставлялось на стоянку в желваках и обрабатывалось здесь же», так как «найжены не только орудия, но и нуклеусы, пластины и отщепы, бесформенные осколки из кремня, диорита, кварца» (6, с. 9). Всего в третьем слое было собрано около 3000 каменных артефактов, из которых 590 относятся к изделиям из крупнозернистого кварца и кварцита.

При типологическом анализе кварцитового комплекса было выделено девять групп.

Целые гальки (30 экз.) из кварца и кварцита различных оттенков белого, розового, желтого цветов имеют всевозможные очертания. Часто на них наблюдаются как бы следы сколов, сделанных, по всей вероятности, в далеком прошлом. Они уже достаточно заглажены и окатаны. Их не сравнить с четкими негативами сколов, сделанными обитателями Кутурбулакской мустьерской стоянки и хорошо читающимися. Размеры галек — от $5 \times 3 \times 2$ см до $8 \times 5 \times 4$ см.

Гальки с единичными сколами (57 экз.) имеют один или два скола, нанесенных без всякой системы, может быть, с целью опробования сырья. Размеры их от $4 \times 3 \times 2$ см до $8 \times 7 \times 5$ см.

Нуклеовидные (60 экз.) отличаются от галек с единичными сколами тем, что имеют отдельные участки, покрытые негативами сколов. Но это еще не нуклеусы с четко читающимися ударными площадками и целенаправленными сколами.

Для нуклеусов (51 экз.) использовались в основном гальки округлой формы, уплощенные и шаровидные. На нуклеусах из кварцевого комплекса хорошо прослеживается зависимость между исходной формой гальки, способом расщепления и конечным типом нуклеуса. Все нуклеусы делятся на четыре типа:

- дисквидные (односторонние, двухсторонние);
- ортогональные;
- подпризматические одноплощадочные;
- нуклеусы однофронтальные двухплощадочные.

Кварцитовые дисквидные нуклеусы (11 экз.) в принципе ничем не отличаются от дисквидных нуклеусов из других пород камня (рис. 1, 1). Исходной формой для радикального способа снятия заготовок послужили округлые уплощенные гальки небольших размеров. Самый большой экземпляр таких нуклеусов имеет размеры $7 \times 5 \times 3,5$ см, самый маленький — $3,5 \times 3 \times 1,5$ см. Шесть экземпляров сохранили на стороне, противоположной фасу раскалывания, желвачную корку. Иногда она занимает всю поверхность, иногда на оборотной стороне имеются следы коротких негативов, которыми подправлялась круговая ударная площадка. Пять экземпляров этих нуклеусов имеют следы двухстороннего скалывания.

Ортогональные нуклеусы (19 экз.) — угловатые, массивные, по форме многие из них можно назвать шарообразными. На этих нуклеусах выделяется три-четыре площадки и несколько плоскостей скалывания. Сколы идут по всей поверхности гальки. Иногда на некоторых участках таких нуклеусов образуется такое же ребро, как на дисквидных с двухсторонним скалыванием. Размеры нуклеусов небольшие: $7 \times 6,5 \times 6$ см, $4 \times 3 \times 2$ см.

12 экз. подпризматических одноплощадочных нуклеусов (всего 17 экз.) первоначально имели шаровидную форму. Ударная площадка у большей части оформлена одним сколом, снимавшим большую часть гальки, иногда в качестве ее использовалась несколько уплощенная сторона гальки, иногда она подготавливалась несколькими небольшими негативами сколов. Ударная площадка имеет овальную или округлую форму. Сколы идут по периметру всего желвака, изредка они занимают половину или $3/4$ периметра. Нижняя часть нуклеуса — основание — сохраняет иногда часть желвачной корки.

Три экземпляра этих нуклеусов изготовлены из округлых уплощенных галек, одна сторона гальки с желвачной коркой служила ударной площадкой. Сколы шли по окружности. Средние размеры нуклеусов — $6 \times 5 \times 3$ см. Два экземпляра нуклеусов этого типа отличаются от всей массы своими размерами. Один

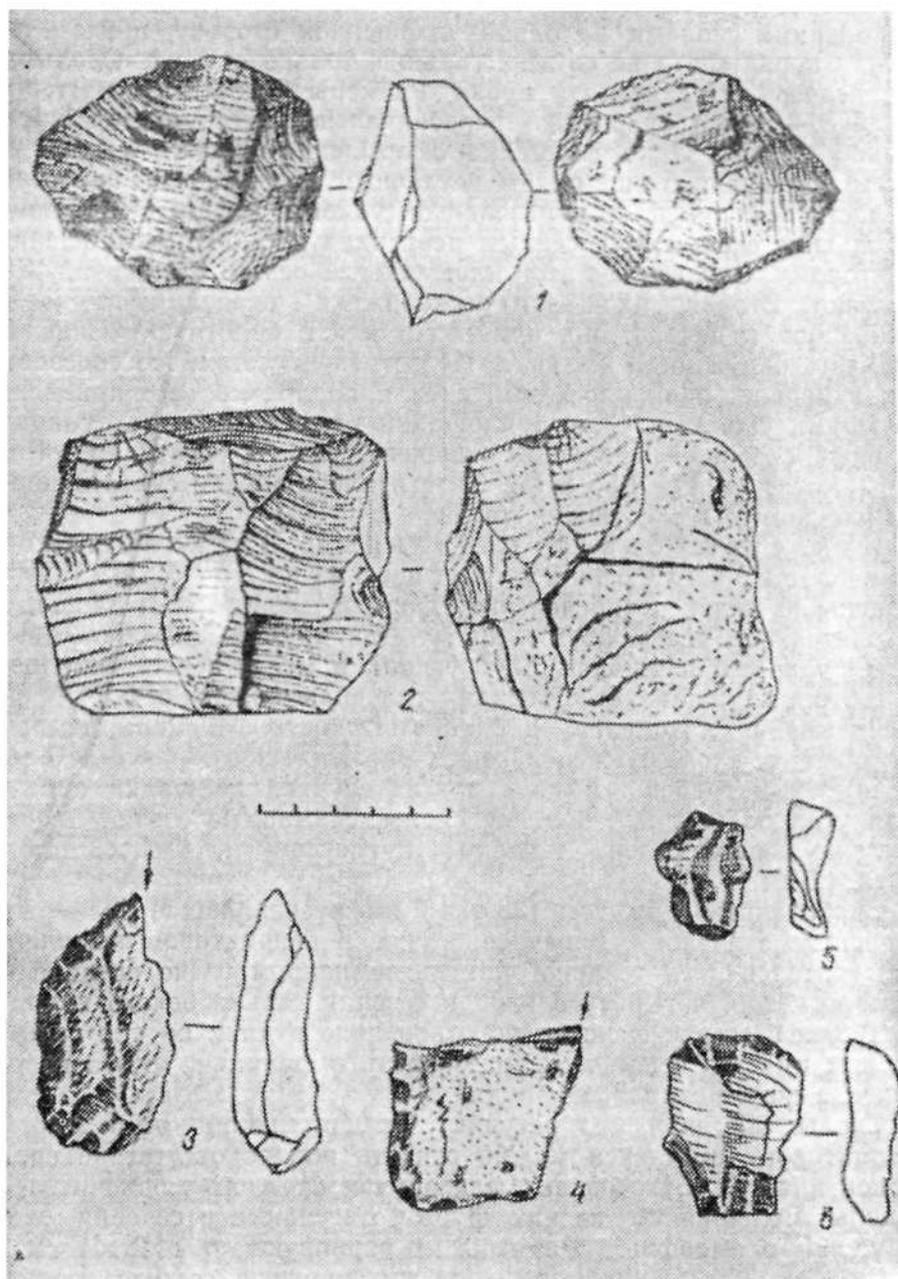

Рис. 1. Кварцевые изделия Кутурбулакской стоянки:

1 — дисковидный нуклеус; 2 — подпризматический нуклеус; 3 — комбинированное орудие;
 4 — боковой резец; 5 — выемчатое орудие с носиком; 6 — концевой скребок.

нуклеус — белого кварцита с сероватым оттенком — имел исходной гальку кубовидной формы (рис. 1, 2). Площадка оформлена несколькими сколами на одной уплощенной стороне, причем галечная корка снята не со всей грани, а только с части. Скальвание велось по диагонали куба. Размеры $8 \times 8 \times 8$ см. Второй нуклеус — серого кварцита — первоначально был галькой шаровидной формы. Одна площадка оформлена широким сколом, а затем подправлена еще одним неудачным сколом, снявшим только часть всей площади образованной ударной площадки и одним небольшим сколом, нанесенным перпендикулярно по отношению ко второму. Скальвание этой площадки велось по $3/4$ окружности желвака. Вторая площадка расположена перпендикулярно по отношению к первой, она примыкает к ней вплотную. Снимает $1/4$ часть окружности желвака. Подготовлена таким же способом, как и первая: один массивный скол и подправка его краев небольшими сколами. С этой площадки сделано несколько параллельных сколов — небольших отщепов, судя по негативам. Размеры нуклеуса $11 \times 8,5 \times 8$ см. Этот нуклеус можно считать переходной формой к следующей группе.

Нуклеусы однофронтальные, двухплощадочные с параллельным расщеплением (4 экз.) изготовлены из галек неопределенной формы. Две ударные площадки находятся под углом друг к другу. Для двух экземпляров в качестве ударных площадок, образующих в месте пересечения острый угол, служила естественная галечная поверхность. Фронт раскалывания находился в одной плоскости. В месте встречи сколов, т. е. вдоль по центру фаса расщепления образуется слегка заметный гребень. В двух других случаях площадки образовали угол больше 90° , поэтому сколы, снимаемые с этих площадок, не пересекаются. Размеры нуклеусов от $4 \times 3 \times 3$ см до $8 \times 6 \times 4,5$ см.

Сработанные нуклеусы (33 экз.) имеют небольшие размеры и аморфные очертания. Галечное орудие в кварцитовом комплексе третьего слоя представлено одним экземпляром. Оно сделано на продолговатой, четырехугольной в сечении гальке белого кварцита. Рабочее лезвие скошено по отношению к длинной оси гальки. На нем имеется выемка. Если говорить о функции, то это не рубящее, а скорее скобящее орудие.

Сколы (43 экз.) без ретуши. Отличительной особенностью кварцитового комплекса можно считать полное отсутствие среди сколов пластин. Заготовками для орудия служили исключительно отщепы. Большинство из них грубые, массивные в сечении, очертания часто аморфные. Размеры их варьируют от $2 \times 2 \times 1$ см до $7 \times 6 \times 2$ см. Хотя спинки отщепов имеют очень грубую огранку, среди них все же можно выделить сколы с параллельной огранкой (10 экз.); с субпараллельной огранкой (13 экз.); первичные (7 экз.); с бессистемной огранкой, иногда сохраняющие на спинке часть желвачной корки (6 экз.).

Группа орудий делится на отщепы с ретушью, выемчатые, скребла, скребки, скобели, резцы, проколки, комбинированные. Внутри типов выделяются отдельные варианты.

Отщепы с ретушью (37 экз.). В силу уже указанных особенностей сырья, таких как крупнозернистость, отсутствие пластинчатости и др., зачастую бывает трудно определить тип и характер ретуши. Поэтому все отщепы разделены только по месту нанесения ретуши на три варианта.

Большинство отщепов (30 экз.) имеет ретушь на одном из продольных краев. Четыре экземпляра ретушированы по поперечному концу. Только три отщепа имеют ретушь, нанесенную по всему периметру, причем она чередующаяся. Отщепы с ретушью, как и без нее, имеют всевозможную огранку спинки: параллельную (6 экз.); субпараллельную (21 экз.); первичную (6 экз.). Размеры отщепов колеблются от $2,5 \times 2 \times 0,5$ см до $6 \times 5 \times 1,5$ см.

Выемчатые орудия (31 экз.). При описании кремнистых пород отмечено, что все выемчатые и зубчатые изделия выполнены в основном на коротких заготовках (4, с. 44), на отщепах или сечениях пластин. Отсутствие среди кварцитовых сколов пластин, возможно, и объясняет тот факт, что выемчатые орудия, преобладающие среди кварцитовых орудий третьего слоя, сделаны только на укороченных заготовках. Выемки отмечены на отщепах различных размеров и массивности, со всевозможной огранкой спинки. Так, пять отщепов имеют выемку на поперечном крае; девять — на продольном. В обоих случаях для выемок использовался наиболее подходящий край отщепа. На массивных отщепах выемка делалась одним сильным ударом, на отщепах с тонким краем она подготавливалась мелкой ретушью. Все выемки имеют следы заглаженности, вероятно, это следы работы.

Четыре экземпляра пластинчатых отщепов имеют выемку на одном из продольных краев, второй обработан ретушью.

Следующий вариант выемчатых орудий имеет по две смежные выемки на одном крае (4 экз.). В трех случаях они расположены на поперечном крае отщепа и образуют четко выступающий носик (рис. 1, 5), причем на двух экземплярах выемки образованы одним ударом со стороны брюшка.

Как отмечается в монографии, при увеличении количества выемок на краях заготовок выемчатые орудия морфологически приближаются к отщепам с зубчатой ретушью. Такое же явление наблюдается и при рассмотрении кварцитовых орудий. 14 экземпляров отщепов имеют мелкие короткие выемки по всему периметру, т. е. морфологически их можно определить как отщепы с зубчатой ретушью.

Выделяется группа орудий, где выемка образована не на отщепа, а на уплощенных кусках породы различной формы. Выемка произведена одним сильным ударом по краю. Следов подправки ее ретушью не прослеживается (9 экз.).

В отдельный вариант выделены орудия с носиком (8 экз.). Этот выступ получен различными комбинациями: сочетанием усеченного конца отщепы с выемкой (2 экз.); двумя длинными, но неглубокими выемками (3 экз.); двумя сходящимися краями с ретушью (2 экз.); длинной неглубокой выемкой и прямым участком края отщепы (1 экз.).

Скребла и скребловидные (22 экз.). Заготовками для этих орудий служили крупные отщепы и обломки кварцитовых галек.

Большая часть скребел (11 экз.) типологически относится к простым скреблам с выпуклым рабочим краем, обработанным иногда легкой оббивкой, иногда крутой грубой ретушью.

Три экземпляра скребел условно относятся к угловатым по типологии Ф. Борда (7, р. 26). Они изготовлены на сколах небольших размеров ($5 \times 3 \times 1$ см), имеют подтреугольные очертания. В силу особенностей сырья на двух из них не прослеживается ударного бугорка, т. е. определить направление скалывания отщепы невозможно. Но на всех экземплярах два обработанных прямых лезвия сходятся под острым углом. Два скребла изготовлены из целых галек небольших размеров. Один из продолговатых краев был обработан крутой ретушью. Лезвие выпуклое.

Пятью экземплярами представлены орудия, названные скребловидными. Это массивные отщепы и куски породы, рабочее лезвие которых обработано грубыми сколами или крутой грубой ретушью.

Единичные орудия, типологически примыкающие к скреблам (2 экз.). Одно изготовлено на сколе удлиненных пропорций, треугольном в сечении ($9 \times 3 \times 2,5$ см). Все три грани имеют следы ретуши или мелких сколов. Другое изготовлено на отщепе со сходящимися рабочими краями. Ретушь полностью занимает один продольный край и, плавно закругляя острый конец отщепы, захватывает частично второй продольный край.

Шестью экземплярами в коллекции представлены массивные небольшие сколы или куски породы, на которых крутой выпуклый рабочий край обработан грубой ретушью. Подобные орудия, сделанные из кремневых пород, определяются как морфологически близкие к орудиям типа «рабо» (4, с. 45).

Скребки (11 экз.) изготовлены на небольших округлых отщепках. Выпуклые лезвия, оформленные мелкой ретушью, располагаются чаще всего на продольном краю отщепы. Концевой скребок является единственным в коллекции (рис. 1, 6).

Тремя экземплярами представлены скобели на массивных отщепках. Отдельные участки краев имели s-образное лезвие, подправленное ретушью с брюшка и спинки.

Единственный экземпляр проколки изготовлен на небольшом отщепе. Жалце расположено на поперечном крае, имеющем естественный выступ. Края отщепы, сходящиеся к выступу, оформлены мелкой ретушью со стороны брюшка.

В кварцевой коллекции определено только два боковых резца. Один изготовлен на подчетыреугольном обломке кварцита. Резцовая кромка образована одним длинным, другим коротким сколами (рис. 1, 4). Второй резец сделан на пластинчатом отщепе. Негатив длинного резцового скола имеет следы ретуши.

Комбинированные орудия (10 экз.). В большинстве случаев это сочетание на одной заготовке выемок и скребущих или скоблящих лезвий. Один экземпляр комбинированного орудия совмещает на пластинчатом отщепе боковое скребло и резцовый скол (рис. 1, 3).

Неопределимые обломки орудий представлены тремя экземплярами.

Самая многочисленная группа кварцевых артефактов (173 экз.) состоит из осколков и обломков. Все они очень мелкие, в среднем $3 \times 2 \times 1$ см, имеют разнообразную форму и следы поломов.

Подводя итог, можно констатировать, что из всей коллекции третьего слоя 79% изделий приходится на мелкозернистые кварцевые песчаники, 21% — кварцы и кварциты.

Что касается непосредственно нуклеусов, то из общего количества этих артефактов (416 экз.) — 144 экз., или 35%, представлены кварцем и кварцитом, 272 экз., или 65% — мелкозернистыми породами. Если рассматривать типы нуклеусов, то нуклеусы из мелкозернистых пород более разнообразны в типологическом отношении. Такие типы, как леваллуазские, веерообразные, треугольные, среди кварцевых нуклеусов отсутствуют. Следует отметить, что эти же типы среди мелкозернистых пород встречаются в единичных экземплярах.

Что касается орудий, то здесь различия между двумя группами сырья еще больше. Из 2171 экз. орудий на мелкозернистые породы приходится 1984 экз., или 91%, на кварцевые 189 экз., или 9%. Как уже отмечалось, в коллекции кварцевых изделий в качестве заготовок использовались исключительно отщепы. Соответственно из типологической классификации исключены полностью и орудия, сделанные на пластинчатых заготовках: нет ретушированных пластин, сечений ретушированных пластин, остроконечников, намеренно фрагментированных сечений пластин.

Из прочих типов орудий в кварцевом комплексе отсутствуют лимасы и струги. Галечные орудия из кварца представлены 1 экз. против 49 экз. из мелкозернистых пород. Но и это единичное орудие имеет скорее скребущую функцию, в то время как все 49 экз. — рубящую.

Единственный тип орудий, которому отдано предпочтение в кварцевом комплексе по сравнению с мелкозернистым, — это скребла (22 экз. против 12 экз.).

Особенности сырья (более крупная кристаллическая решетка, меньшая пластинчатость и др.) проявились и в резком сокраще-

нии таких типов орудий, как проколки — 14 : 1; резцы — 12 : 2; скобели — 42 : 3.

Планиграфическое распределение кварцитового комплекса по площади раскопа показало, что все изделия (орудия и нуклеусы) были сконцентрированы в двух местах: на северо-востоке от оча-

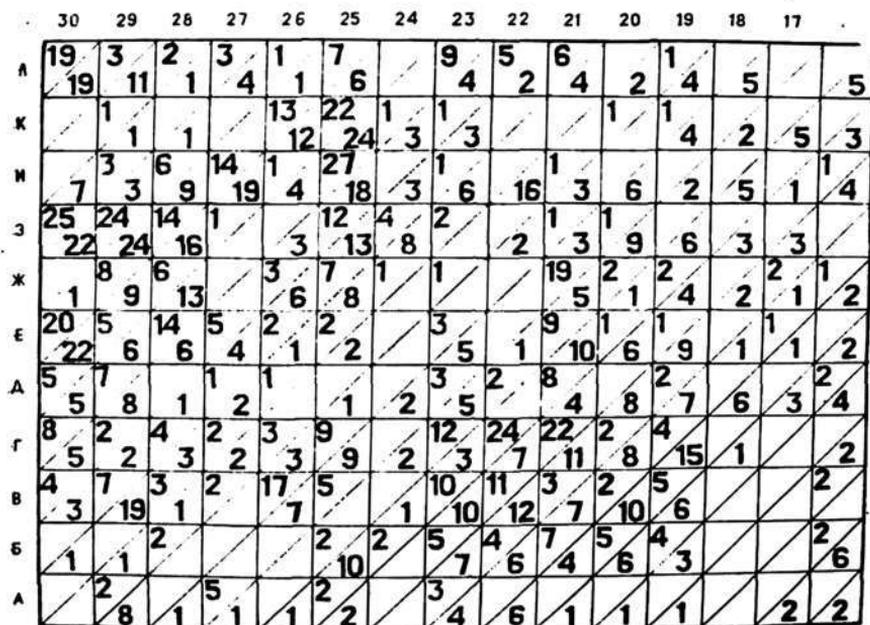

Рис. 2. Количественное распределение орудий по площади раскопа (3 слой): изделия из кварцита (нижний угол); изделия из мелкозернистых пород и кремня (верхний угол квадрата).

га, расположенного в кв. И, К—27, и в центре западной половины раскопа (рис. 2). Сочетание в этих зонах нуклеусов, заготовок (т. е. сколов с них) и орудий, сделанных на этих заготовках, позволяет предположить, что такие операции, как расщепление, изготовление орудий и использование их в работе, происходило на одном месте, т. е. эти операции не имели разграничения в пространстве, как это наблюдается на некоторых более поздних памятниках.

Следует отметить отсутствие изделий из кварцита у второго очага, находящегося в кв. Л, К—16, 17. С чем это связано, сказать трудно, хотя и находки из мелкозернистого сырья вокруг него единичны. В целом же расположение изделий из кварцита (т. е. зоны концентрации и разряженные зоны) полностью совпадает с местами концентрации и единичными находками изделий из мелкозернистых пород.

Таким образом, как показывает планиграфический анализ, обитатели Кутурбулакской стоянки не делали особых различий в

использовании сырья. По всей видимости, кремнистые породы и мелкозернистый песчаник хорошего качества во время существования стоянки были менее доступны, чем кварцевые и кварцевые гальки. Низкое качество последних нашло свое отражение в уменьшении как типов нуклеусов и орудий, так и их количества по сравнению с изделиями из сырья первой группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буряков Ю. Ф., Крикис Я. К., Равшанов Р., Ростовцев О. М. Работы в Самаркандской области//Археологические открытия, 1971. М., 1972.
2. Ташкенбаев Н. Х. Исследование новой мустьерской стоянки Кутурбулак//Тезисы докладов совещания о каменном веке Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
3. Ташкенбаев Н. Х. Новая мустьерская стоянка Кутурбулак//ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
4. Сулейманов Р. Х., Ташкенбаев Н. Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.
5. Тетюхин Г. Ф., Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. К геоморфологическому положению мустьерского местонахождения Кутурбулак//ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978.
6. Ташкенбаев Н. Х. Об исследовании палеолитической стоянки Кутурбулак//ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.
7. Bordes F. Typologie du paleolithique ancien et moyen. Memoir. Bordeaux. 1961.

В. И. ИОНЕСОВ

О НОВЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ДЖАРКУТАНА

Весной 1986 г. небольшая группа Шерабадского археологического отряда Института археологии АН УзССР продолжила раскопки могильника эпохи бронзы Джаркутан 4В. Памятник находится к юго-западу от поселения Джаркутан и представляет собой отдельно стоящий холм, примыкающий к восточному берегу старого русла Бустансая. Джаркутан 4В является как бы южной границей всего археологического комплекса, объединяющего укрепленную часть поселения, собственно поселение и могильники 3 и 4 (1, с. 8). Целью раскопок являлся сбор новых археологических материалов для расширения эмпирической базы историко-философского исследования процесса становления и развития раннеклассовых отношений в оседло-земледельческом обществе древнебактрийского очага раннегородской цивилизации. На площади более 250 кв. м было вскрыто 30 погребений различной степени сохранности. Методика раскопок была следующей: специально выбранный участок холма, вытянутый по оси север-юг, разбивался на квадраты, после чего снимался верхний слой земли и вся снятая площадь тщательно зачищалась для определения контуров могильных ям. Как правило, контуры могильных

ям выявлялись на глубине от 30 до 150 см от дневной поверхности. Затем раскапывалась сама могила с детальной фиксацией специфики захоронения, характера заполнения могильной ямы и всех найденных в ней предметов. Раскопанные погребения отличаются как по хронологическим, так и по ритуально-обрядовым признакам. Первые выявлялись по керамике и стратиграфическому залеганию и захватывали три из четырех хронологических этапов в развитии древнеземледельческой культуры: кузалинский, молалинский и бустанский. Вторые выделялись по особенностям погребального ритуала и образовывали, по меньшей мере, пять неравнозначных вариантов.

Из общего числа открытых погребений 24 оказались ограбленными. Погребальные сооружения многих могил разрушены. Это затруднило определение их устройства. Однако, как правило, могилы имели подбойную конструкцию, отмечен и ряд захоронений в грунтовых ямах. Ямные могилы преимущественно принадлежали кенотафам. Входная яма в могилах подбойного типа располагалась обычно несколько выше погребальной камеры, но довольно часто она оказывалась разрушенной, а кирпичное перекрытие входного отверстия и свод погребальной камеры со временем проваливались в могилу. Доминирующая ориентировка погребений — восток — запад. Всего в могилах было найдено 17 человеческих скелетов неодинаковой степени сохранности. Ориентировка их в могилах неустойчива. Антропологическое определение пола и возраста стало возможным на 11 скелетах*. Из них шесть принадлежали женщинам, два мужчинам и три подросткам. В восьми случаях могилы являлись кенотафами. Самым популярным атрибутом погребального инвентаря служила керамика. Ее ассортимент представлен 83 сосудами, подавляющая часть которых археологически целая. В шести могилах было найдено 16 бронзовых предметов (вотивные ножи, бритвы, украшения и пр.), в трех — 4 каменных изделия (2 пряслица, терочник и ножевидная пластина). Девять могил содержали кости животных.

Исключительно важным условием получения достоверных сведений в исследовании древних погребений является их сохранность. От степени сохранности погребений во многом зависит качество реконструкции погребального обряда, а, следовательно, и всех вытекающих выводов. Поэтому наш анализ мы начали с разбивки раскопанных погребений на четыре основные группы, каждая из которых отличается по количеству и качеству сохранности в ней исторической информации.

Первая группа объединяет погребения, сохранившиеся не ограбленными и непо потревоженными, когда все предметы и кости человека находятся так же, как они были положены в древности.

* Антропологические исследования проведены антропологом С. Мустафукуловым.

Погребальное сооружение преимущественно не разрушено. К этой группе относятся 6 погребений (№ 100, 104, 105, 114, 127, 128). Вторая группа включает погребения, частично ограбленные и потревоженные. В этом случае поза и положение костяка не нарушены, а сопровождающий его инвентарь находится в перемещенном состоянии (сдвинут, разбит, перевернут и т. п.) Погребальное сооружение частично разрушено. Встречается и обратная ситуация. К этой группе принадлежат 7 погребений (№ 106, 107, 108, 109, 112, 120, 122). В третью группу входят погребения, сильно разрушенные и ограбленные, но в которых сохранены отдельные, иногда существенные признаки, то есть можно определить форму, размеры и ориентировку погребального сооружения, наличие скелета, иногда его пол и возраст, примерное местоположение некоторых предметов и т. п. К данной группе относятся 7 погребений (№ 99, 110, 111, 113, 116, 117, 121). Четвертая группа включает погребения, полностью разрушенные и ограбленные. Погребальный инвентарь и кости человека в них не сохранились. Эти погребения (№ 101, 102, 103, 115, 119, 123, 124, 125, 126) практически уничтожены и их информационная ценность близка нулю. Поэтому привлекать их к системному анализу вкуче с погребениями из других групп представляется неоправданным. Однако полностью сбрасывать их со счетов нельзя хотя бы уже потому, что само свидетельство их ограбления является полноправным историческим фактом.

Структура каждого отдельного погребения включает три основных компонента: погребальное сооружение, останки человека и сопровождающий инвентарь. Все они объединяют целый ряд признаков, таких как конструкция погребального сооружения, его размеры, форма, ориентировка, поза и положение костяка, его антропологическая характеристика, расположение погребального инвентаря, наличие жертвоприношений и т. п. Почти все эти признаки возможно достоверно определить лишь на основе первых трех групп погребений (их 20). Анализ позволяет выделить общие признаки для всех представленных могилами этапов. Имн являются: высокий показатель ограбленности могил; ориентировка погребального сооружения по оси восток-запад; отсутствие парных и коллективных погребений людей; значительное преобладание женских могил над мужскими; скорченное положение костяка на левом или правом боку; сравнительно большое число кенотафов; наличие в могилах погребального инвентаря (керамика, бронзовые предметы и др.).

Вместе с тем каждый этап обладает спецификой и содержит наряду с общими для всех признаками элементы особенного и единичного. Так, могилы кузалинского этапа (№ 108, 120, 122) оказались сравнительно богаче погребений последующих этапов. В них чаще встречаются металлические и каменные орудия, а также кости животных. В погребениях молалинского и бустанского комплексов чаще отмечены следы нагара, остатки углей и

скопления золы. Одно из молалинских погребений (№ 106) со-держало совместное захоронение человека и животного, другое (№ 100) — захоронение расчлененного скелета человека. В комплексах молалинского и бустанского времени возросла доля погребений детей и подростков.

Материалы первых трех групп погребений демонстрируют неоднородный характер погребальных обрядов джаркутанцев.

Погребение 128 — подбойное, датируется молалинским этапом. Входная яма расположена в северной части могил и имеет размеры 150×70×30 см по оси восток—запад. Погребальная камера — вытянутой формы, размерами 230×140 см по оси восток—запад. Сохранившаяся высота свода 50 см. Заполнение могилы — плотное, с многочисленными глиняными прослойками. В заполнении ничего не найдено. В северной части погребения обнаружено захоронение женщины, покоившейся в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Руки погребенной согнуты у груди. С юга от костяка находилось три сосуда. Два из них — миска с открытым венчиком (диаметр венчика 11 см, донца — 7 см, высота 5 см) и горшок на высоком поддоне с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком (диаметр венчика 7 см, донца — 4 см, высота 12 см) — стояли за черепом, третий — миска с рельефно выделенным венчиком и слегка припухлыми плечиками (диаметр венчика 15 см, донца — 15,5 см, высота 8,5 см) — располагался несколько выше и южнее нижних конечностей скелета. Аналогичный обряд захоронения мы находим в большинстве других погребений Джаркутана (2; 3, с. 22—34).

Погребение 106, подбойное, датируется молалинским этапом. Могила частично ограблена и потревожена. Входная яма располагалась в западной части могилы. Ввиду ее разрушенности от нее остались лишь беспорядочно лежащие на дне могилы кирпичи. Погребальная камера округлой формы, размерами 160×150 см, лежит на оси восток—запад. Сохранившаяся глубина могилы 45 см. В заполнении могилы найдено множество мелких костей человека и животного, а также несколько фрагментов керамики. На дне могилы обнаружено потревоженное одновременное захоронение женщины и животного (барана). Скелет женщины лежал в слабоскорченной неестественной позе на правом боку и был ориентирован головой на восток. Нижние конечности и тазовые кости находились на 25 см выше уровня дна. Череп лежал у восточной стенки могилы на двух локтевых и лучевых костях. Под ним находилась челюсть животного, а ближе к центру — нижняя челюсть человека и альчик. Весь костяк был сосредоточен в северной части могилы. Возможно, он оказался на правом боку в результате того, что захоронение было потревожено, так как анатомический порядок костей сильно нарушен. В погребении находилось два целых сосуда и несколько фрагментов керамики. У южной стенки могилы в 18 см от уровня дна стоял светлый горшок с отогнутым наружу венчиком (диаметр венчика 11 см, дон-

ца — 5 см, высота 17 см). В центре могилы на уровне дна лежал небольшой горшок на высоком поддоне (диаметр венчика 7 см, донца — 3,5 см, высота 10 см). Рядом с ним лежал фрагмент основания ножки вазы. Еще один фрагмент вазы (резервуар) находился у северной стенки могилы. Кроме того, обнаружено несколько бронзовых предметов — четыре бусины и вотивная ножевидная пластина. Все они находились в области тазовых костей скелета. В этой же части зафиксированы следы коричневого глина и остатки голубой краски. Обряд совместного захоронения человека и животного отмечен в одном из погребений Сапаллитепе (погр. № 99 (2, с. 141)).

Погребение 107, подбойное, датируется бустанским временем. Могила частично ограблена и разрушена. От входной ямы сохранились лишь кирпичи на дне могилы. Погребальная камера имеет овальную форму, размеры — 130×100 см по оси восток—запад. Сохранившаяся глубина могилы 20 см. В заполнении могилы отмечены следы нагара, остатки кирпичей и фрагменты трех горшков. В погребении обнаружен костяк подростка с ромбически расставленными в стороны ногами, головой на запад. В области грудной клетки лежал разбитый горшок округлой формы (диаметр донца 7 см, тулова — 12 см, высота 16 см). Рядом с костяком найдены фрагменты поделки из необожженной глины. В северном углу могилы, чуть выше уровня дна лежал еще один горшок на высоком поддоне с отогнутым наружу венчиком (диаметр венчика 8 см, донца — 7 см, высота 11 см). Захоронения подростков с ромбически расставленными ногами известны и в нескольких ранее раскопанных погребениях (№ 335, 497, 512, 604 — Джаркутан-4А; № 31, 32, 61 — Джаркутан-4В (1)).

Погребение 100, ямное, датируется молалинско-бустанским временем. Могила имеет овальную форму, размеры — 160×130 см, вытянута по оси север—юг. Сохранившаяся глубина могилы составляет 35 см. В погребении обнаружено захоронение расчлененного скелета женщины, в северной части могилы находился череп, ориентированный затылком на восток. Череп лежал на двух берцовых костях, у лица располагались тазовые кости. Далее лежали плотным скоплением бедренные и лучевые кости, ребра, лопатки, позвонки, ключицы и нижняя челюсть. Южная часть могилы пустовала. Погребальный инвентарь представлен лишь бронзовой миниатюрной пластинкой длиной 6 см, шириной 0,5 см, находившейся чуть западнее скопления костей. Отметим также, что при расчистке костей зафиксировано несколько угольков. Данный обряд захоронения наблюдался в ряде могил Джаркутана-4В и Бустана-4 (погр. № 41, 60, 83, 88 — Джаркутан-4В; № 8, 30 — Бустан-4 (4)).

Погребение 105 датируется бустанским временем. Могила найдена на глубине 20 см от дневной поверхности, поэтому стенки могилы не сохранились. Предполагаемые размеры могилы 60×50 см по оси восток—запад. Такие небольшие размеры обычно

характерны для могил ямного типа. На дне могилы находилось пять сосудов и один бронзовый предмет. В западной части стояли миска приземистой формы с выпуклыми плечиками (диаметр венчика 13,5 см, донца — 5,5 см, высота 6 см) и горшок со слегка отогнутым наружу венчиком (диаметр венчика 9 см, донца — 5 см, высота 10 см). Далее к востоку стояли такие же миска и горшок. За ними — небольшой горшок цилиндрической формы

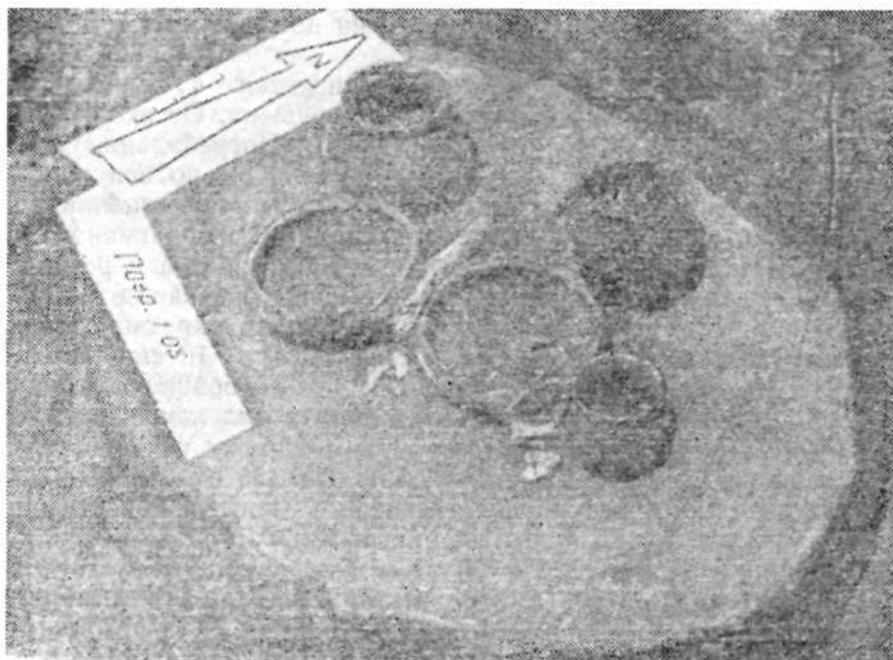

Рис. 1. Погребение-кенотаф № 105 могильника Джаркутан-4В.

со слегка скошенным донцем и отогнутым наружу венчиком (диаметр венчика 7 см, донца — 4 см, высота 7 см). В миске, находившейся в центре, лежал бронзовый символический боевой топор (секира). Между мисками найдена кость животного, а у миниатюрного горшка — альчик и другие мелкие кости животного. Скелет человека в погребении отсутствовал, что позволяет считать его кенотафом. Бронзовый боевой топорик, возможно служил своего рода «визитной карточкой» умершего и свидетельствовал о его социальных обязанностях при жизни. Аналогичный обряд отмечен и в некоторых ранее раскопанных кенотафах (погр. № 65, 66, 93 — Джаркутан-4В (5)).

Погребение 120, подбойное, датируется кузалинским этапом. Могила частично потревожена, большинство предметов на-

ходится в непеременном состоянии. Входная яма расположена в южной части могилы и имеет размеры $125 \times 60 \times 20$ см, ориен-

Рис. 2. Металл, камень, глина:

1—из погреб. № 105; 2—3—№ 120; 4—№ 122; 5—№ 107; 6—7—№ 103; 8—№ 121; 9—№ 100; 10—из погреб. № 120

тация по оси восток—запад. Погребальная камера округлой формы, размеры — 190×170 см, ориентация по оси восток—запад. Находится ниже входной ямы на 20 см. Сохранившаяся высота

свода 50 см. Заполнение могилы характеризуется плотным грунтом с натечными образованиями по краям. Никаких находок в заполнении не обнаружено. Дно погребения зачищено на глубине 150 см от дневной поверхности. В могиле найден богатый погребальный инвентарь — 15 сосудов, 4 бронзовых предмета и каменное пряслице. 12 сосудов сосредоточивались в южной части погребальной камеры в следующем порядке с запада на восток: ваза на высокой ножке (диаметр вазы 21 см, донца — 14,5 см, высота 24, 5), горшок (диаметр венчика 11 см, донца — 6,5 см, высота 17 см), три такие же вазы на высокой ножке, небольшой горшок (диаметр венчика 8 см, донца — 5 см, высота 12 см), еще две вазы на высоких ножках, горшок (диаметр венчика 9 см, донца — 5,5 см, высота 14 см) и три крупных кувшина (диаметр венчика 12 см, донца — 8,5 см, высота 26,5 см). У северной стенки могилы находились кринка (диаметром венчика — ?, донца — 4,5 см, высота 12 см) и две ножки ваз. Рядом с крайним к востоку горшком обнаружено несколько угольков, следы золы и votивный бронзовый ковшик (половничек). На противоположной, западной стороне найдены две бронзовые пластинки. В резервуаре крайней к западу вазы лежал символический бронзовый нож. В северной части могилы найдена еще одна бронзовая поделка квадратной формы с односторонним отверстием. У западной стенки погребальной камеры находилось каменное пряслице. На дне погребения в западной части между вазами найдены многочисленные кости животного (ребра, позвонки, конечности, альчик и др.), что свидетельствует о совершении в нем ритуального жертвоприношения животного (барана). Многие кости сильно обожжены. Примечательно, что две бронзовые пластинки вместе с костями животного находились на темно-коричневом тлене. Скелет человека в погребении отсутствовал и, надо думать, жертвоприношением животного сородичи умершего пытались как бы компенсировать его отсутствие. Обряд захоронения животного вместо человека известен в ряде могил сапаллинской культуры (погр. № 44, 115 — Сапаллитепа; № 473, 627 — Джаркутан (6, с. 69—70; 1).

Итак, совокупность раскопанных погребений даже по самым общим оценкам разделяется на несколько вариантов ритуальных установок в погребальной практике джаркутанцев. Заметим, что поливариантный характер ритуалов фиксируется на громадном количестве погребений сапаллинской культуры (более тысячи) и нуждается в дальнейшей всесторонней разработке. Здесь же перечислим только те варианты, которые нашли свое отражение в последних открытых погребениях Джаркутана-4В:

- погребение людей в скорченном положении на боку;
- одновременное погребение человека и животного;
- погребение человека, чаще подростка, с ромбически расставленными ногами;
- захоронение расчлененного скелета человека;

кенотафное погребение с сопровождающим инвентарем (керамика, бронзовые орудия и пр.) и ритуальным жертвоприношением животного.

Данные варианты несут важную смысловую информацию о ритуальных традициях джаркутанцев, но являются лишь незначительной частью единой общей структуры погребальной практики древних земледельцев. Структура эта, как выяснилось, — весьма подвижный и противоречивый механизм, вбирающий в себя всю диалектику общественных отношений поры раннеклассовых образований. Найти ее «равнодействующую», приблизиться к истокам каждого погребального ритуала — задача дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.
2. Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
3. Абдуллаев Б. Могильный Джаркутан//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
4. Отчет Шерабадского археологического отряда. 1983.
5. Отчет Шерабадского археологического отряда. 1986.
6. Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.

А. Э. БЕРДИМУРАДОВ, М. Х. ПАРДАЕВ

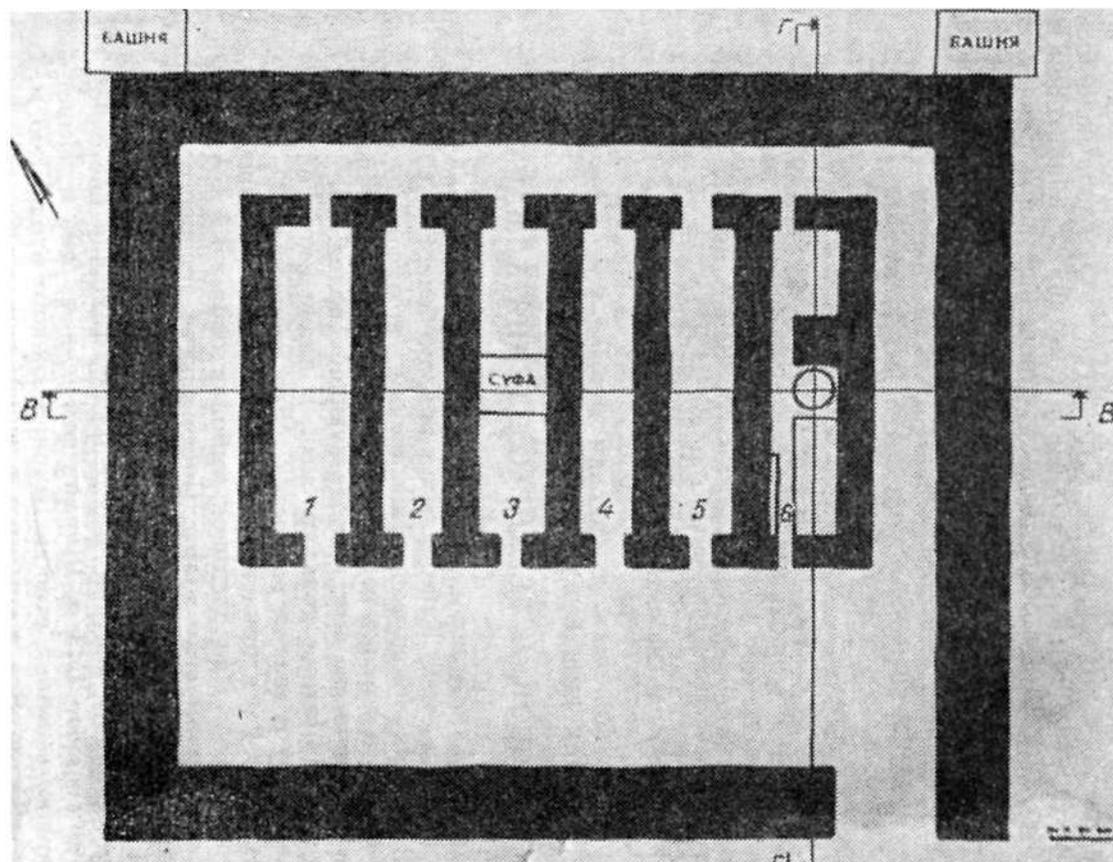
РАСКОПКИ ВЕРХНЕГО ЗДАНИЯ АЛМАНТЕПА

Замок Алмантепа находится на территории Галляаральского района в кишлаке Қашбулак на правом берегу р. Санзар.

Памятник обнаружен Джизакским археологическим отрядом в 1982 г. и в том же году был обследован. Расположение Алмантепа обеспечивает ему господствующее положение над окрестностями. Памятник двухъярусный, в плане имеет овальную форму, вытянут с запада на восток. Его размеры 40—22 м, высота 12 м. Двор памятника не сохранился из-за распашки прилегающих участков. Для раскопок выбрали площадку размерами 5х5 м в северном углу холма. После снятия дернового слоя толщиной 20—25 см появилась пахсовая стена.

Помещение № 1. Общая длина — 9,7 м (рис. 1). Толщина западной стены 1 м при высоте 95 см. Толщина восточной стены 1 м при высоте 1,45 м. Ширина помещения 2,25 м. Имеет вход с южной и северной сторон. Ширина южного входа 1,05 м, северного — 95 см. Все стены помещения тщательно оштукатурены саманной обмазкой.

Помещение № 2 имеет прямоугольную форму. Высота западной стены 1,45 м, ширина 1 м, сложена она из двух рядов пахсовых блоков. В северном углу помещения внутри западной стены сохранился каминообразный очаг шириной 1,95 м, в высо-

той 1 м. Под очагом на полу имеется круглое углубление диаметром 1,4 м, глубиной 15 см. Ширина южного входа 1 м, северного 1,1 м.

Помещение № 3. Форма — прямоугольная. Длина обеих стен — по 9,75 м. Ширина помещения — 2,30 м. Имеет входы с двух сторон. Ширина южного входа — 0,8 м, северного — 1 м. В середине помещения сохранилась суфа длиной 1,8 м, шириной — 2,3 м, высотой — 35 см. Суфа сложена из пахсы (рис. 1).

Помещение № 4 — подпрямоугольной формы, длиной — 9,75 м, шириной — 2,75 м. Сохранившаяся высота западной стены — 1,2 м, восточной — 1,4 м. Имеет входы с двух сторон. Ширина южного входа — 1 м, северного — 0,75 м. Толщина всех стен около 1 м. В восточной стене сохранилось два очага. Один из них находится возле северного входа, другой — вблизи южного. Ширина северного очага — 1,1 м, высота — 90 см. Под очагом на полу имеется круглая яма глубиной 15 см, диаметром — 1 м, заполненная золой. Верхняя часть стены, в которой находится очаг, покрыта копотью. Второй очаг шире первого, его ширина — 1,65 м, высота — 90 см. Под очагом тоже сохранилась яма — глубиной 20 см, диаметром 1,4 м.

Помещение № 5 заполнено завалом, состоящим из блоков пахсы и сырцовых кирпичей. Имеет прямоугольную форму. Ширина южного входа 90 см, северного — 1 м.

Помещение № 6. Общая длина — 9,75 м, ширина 2,25 м. Помещение разделено на две части кирпичной кладкой, оставлен только проход шириной 90 см. Толщина кладки 1,5 м, высота от пола 1,4 м. Размеры сырцовых кирпичей — 36×12×10 см. Пол южной части помещения на 1 м выше, чем пол северной. В южной части параллельно восточной стене возведены суфы шириной 1,75 м. Возле кирпичной кладки находится круглая яма диаметром 1,2 м, глубиной 20 см. Под западной стеной сохранились следы очага. От южного прохода параллельно западной стене сделана пахсовая суфа длиной 2,5 м, шириной 20 см, высотой от пола 30 см. Сохранившаяся высота западной стены 1,4 м. Ширина южного и северного входов 75 см.

Всего здесь было открыто шесть помещений. Далее была открыта оборонительная стена, окружавшая памятник, толщиной 2,2 м. Она была построена из блоков пахсы и тщательно оштукатурена саманной обмазкой. В восточном углу памятника находится прямоугольная башня, возведенная из пахсы. Между оборонительной стеной и стенами помещения имеется обводной коридор. Ширина коридора на восточной стороне 2 м, на северной — 1,5 м. Такие коридоры в Уструшанских памятниках встречались дважды. В замке Чильхуджра на втором этаже есть обводная галерея, которая тянется вдоль западного фасада здания (1, с. 144). Как

показал разрез южной стены раннесредневекового городища Калаи-Кахкаха-1, между городской стеной и внутренним зданием имеется узкое свободное пространство, которое образует обводной пристенный коридор, сужающийся книзу за счет расширяющейся городской стены (2, с. 42). Памятники, имеющие обводной коридор, в архитектуре Средней Азии известны еще с кушанского времени. Раскопанный в 1950 г. и 1953 г. юго-западный угол городища Кей-Кабашах в Шахритузском районе Таджикской ССР дал довольно ясную картину этой части города. Здесь имеется обводной коридор между мощной оборонительной внешней стеной и тонкой внутренней, названный исследователями «межстенным коридором» (3, с. 297, 298).

Как говорилось выше, все помещения имеют входы с двух сторон. Южный служил входом в помещение. Северный, наверное, служил для быстрого сообщения во время военной опасности, а также для выхода дыма при отоплении помещения и для проникновения воздуха. Поэтому обнаруженные очаги находятся вблизи входов. В расчищенных помещениях № 2 и 4 обнаружены очаги аналогичные очагам городища Калаи-Кахкаха-1 (2, с. 28) и замка Балалыктепе в Тохаристане (4, с. 83, рис. 56). Такие очаги в некоторых горных деревнях Узбекистана существовали до недавнего времени и назывались «ёрма-учок» (ёрма — вырытая). Сделанные под очагами круглые углубления, видимо, наполнялись горячими углями, на которых готовилась пища. На открытом нами памятнике не были выделены парадные помещения по внешнему и внутреннему облику. Все помещения почти равноценны. Большинство из них было жилыми. Жилыми, по-видимому, были помещения № 2, 3, 4, так как в них находятся очаги и суфа. Помещение № 6 можно считать кухней, о чем свидетельствуют структура и найденные материалы. Можно предположить, что встреченная здесь круглая яма диаметром 1,2 м и глубиной 20 см сделана для установления тандыра. Есть примеры в археологии Средней Азии, когда для тандыра использовались перевернутые хумы с пробитым дном (5, с. 16, рис. 10). Найденные при очистке ямы куски жженой глины, по-видимому, использовались для укрепления хума-тандыра. Узкие суфы в помещении № 6 служили, наверное, для хранения кухонной утвари.

Помещения № 1 и 5 можно определить как складские — для хранения продуктов и различных предметов домашнего обихода. Во время раскопок внутри проемов не были встречены остатки порошков или их следы. Очевидно, что эти проемы не имели деревянных дверей, а просто закрывались тканью. В оборонительных стенах памятника бойниц не обнаружено. Сохранившаяся высота внешних стен меньше, чем высота стен самого помещения. Поэтому трудно сказать, были ли банкет и парапеты на оборонительной стене. Уструшанские памятники Уртакурган и Чильхужра тоже не имеют бойниц, хотя на этих памятниках сохранились внешние стены довольно большой высоты (1, с. 140; 5,

с. 100). Перекрытие помещений неизвестно. Можно только предположить, что оно было сводчатым. Как говорилось выше, во время вскрытия помещения были обнаружены обломки сырцовых кирпичей. В стенах помещения на сохранившейся высоте кирпичная кладка не встречалась. Вероятно, стены помещения сверху были сложены из сырцовых кирпичей, переходивших в свод потолка. В пользу этого предположения свидетельствует малая ширина помещения при значительной ее длине.

Как видно из плана, открытый нами памятник имеет так называемую коридорно-гребенчатую планировку. У большинства памятников с такой планировкой — сводчатые перекрытия.

На территории древней Уструшаны памятники с такой планировкой были встречены и ранее. По мнению У. П. Пулатова, «центральное ядро Чильхуджры первоначально было построено как сторожевой пункт с типичной коридорно-гребенчатой планировкой» (1, с. 155—163). Другой уструшанский памятник — Тирмизактепа — имеет такую же планировку. У здания было сводчатое перекрытие Тирмизактепа определяется как укрепленный сторожевой пост. Памятник датирован XI—XII вв. н. э. (5, с. 108—134). Юго-западное здание уструшанского городища Калаи-Кахкаха-1, находящееся в Шахристанской котловине, тоже коридорно-гребенчатой планировки. Здесь 12 коридорообразных помещений, расположенных по обе стороны длинного коридора. Исследователи определяют назначение здания как караульно-казарменное. Памятник датирован VII—VIII вв. н. э. (2, с. 23—49, рис. 12). Там же находится замок Таштемиртепа с идентичной планировкой. В нем был открыт центральный длинный коридор с четырьмя помещениями с каждой стороны. Замок предварительно датирован IV—VI вв. н. э. (6, с. 570).

В восточной части Уструшаны на границе с Ферганой был открыт замок с коридорно-гребенчатой планировкой под названием Карабулак. Здесь по обе стороны коридора располагались комнаты различного назначения. Памятник был датирован VI—VII вв. н. э. (7, с. 25, рис. 20). Еще один уструшанский памятник, который имеет такую же планировку, — Мунчактепа вблизи Бекабада. Как опорный пункт на границе со степью Мунчактепа находился на левом берегу р. Сырдарьи. Здесь были открыты «пять сложенных прямоугольных в плане комнат и шестое трапециевидное помещение, сообщавшиеся посредством длинного, так называемого западного коридора с главной галереей замка» (8, с. 104—109). Памятник датирован IV—V вв. н. э. Ближайший к рассматриваемому памятник, имеющий коридорно-гребенчатую планировку, это замок на горе Муг. Здесь открыто пять помещений. Памятник датирован VII—VIII вв. н. э. О его назначении И. А. Васильев писал: «исходя из распределения комнат в первом этаже по их назначению, можно определенно говорить, что замок не может быть местом пребывания воинского отряда, а является местом жительства какого-нибудь высокопоставленного

лица из господствующего класса» (9, с. 30). По мнению С. Г. Хмельницкого, «здесь был только сильно укрепленный сторожевой пост, замыкающий дорогу незваным гостям...» (2, с. 111). По Ю. Якубову, «замок на горе Муг... не может быть военно-сторожевым постом, потому что находится в глухом и слишком отдаленном месте от главной дороги, идущей из Согда в Уструшану и дальше на восток. Замок на горе Муг был, скорее всего, сельской укрепленной усадьбой» (10, с. 122).

Здания с коридорно-гребенчатой планировкой раннего периода встречаются на территории древнего Хорезма. В архитектурном комплексе на городище Гяуркала пристроено непосредственно к северной крепостной стене шесть одинаковых, вытянутых в ряд больших помещений. Исследованный комплекс датировался II в. н. э. (11, с. 358—362). Другим памятником на территории древнего Хорезма, часть которого имеет гребенчатую планировку, является Топраккала. Северо-восточная башня данного памятника состоит из пяти совершенно одинаковых комнат. Датруется III в. н. э. (12, с. 195, 196, рис. 90, 4; 13, с. 208, 209).

На территории Афганистана, за пределами городища Беграм, раскопано здание, имеющее такую же планировку. Сохранился первый этаж памятника, который включает четыре коридорообразных помещения, три из которых параллельны друг другу, а четвертое перпендикулярно к их оси, являясь своего рода коридором между ними и входом. А. М. Мандельштам определил его как замок и пришел к выводу, что «указанный принцип планировки, по-видимому, вырабатывается в позднекушанское время» (14, с. 175).

В раннесредневековом дворцовом ансамбле Варахша комплексы помещений с коридорно-гребенчатой планировкой встречены дважды: в южной крепостной башне и обширном восточном здании, примыкающем к цитадели дворца. О назначении здания исследователи говорят следующее: здание пристройки, несомненно, имело оборонительное значение. Но отсутствие бойниц указывает, что оно служило не только целям обороны, а было, видимо, предназначено для пребывания в нем людей, т. е. оно одновременно было казармой, где располагался гарнизон, несущий охрану дворца и цитадели (15, с. 175; 16, с. 27).

На левом берегу Верхнего Зарафшана находится городище Батуртепа, в котором А. М. Мандельштам раскопал часть здания с гребенчатой планировкой и определил его как замок мелкого феодала-дехкана (17, с. 57).

Еще два верхнезарафшанских памятника раннесредневекового периода имеют такую же планировку. В крепости Кум сводчатые помещения расположены так же, как на памятнике Калаи-Кахкаха-1 — по обе стороны узкого коридора (10, с. 122, 123). Во дворце Гардани Хисор длинные, узкие помещения расположены параллельно. По словам Ю. Якубова, помещения эти имели четко выраженное хозяйственное назначение (10, с. 123—153).

Замок Джумалактепа в Ангорском районе на территории Тохаристана тоже имеет коридорно-гребенчатую планировку. Комплекс датирован V—VI вв. н. э. (20, с. 140—153).

Замок Калаи-Боло, находящийся на территории Исфаринского района Таджикской ССР, также гребенчатой планировки. Планировку, которая нас интересует, он приобрел в XI—XII вв., когда после долгих лет запустения вновь стал резиденцией крупного феодала (21, с. 99—103).

Примером коридорно-гребенчатой планировки позднего периода может служить строение на городище Старая Ниса. Здесь были обнаружены развалины двух стоящих одно на другом зданий. Так, одно из них исследователи определяют как сооружение казарменно-сторожевого типа. Здание датировано XIV в. н. э. (22, с. 134—141).

Как видно из приведенных примеров, коридорно-гребенчатая планировка на территории Средней Азии появилась в эпоху рабовладения и становления феодальных отношений и существовала до позднего средневековья.

Исследовавший этот прием древнего строительства В. А. Лавров писал, что «наиболее примитивная планировка раннесредневекового жилого дома — расчленение его массива на узкие коридорообразные помещения. Этот древнейший прием определялся простейшим способом перекрытия. Он существовал весьма долго и еще в VIII веке держался в Согде» (23, с. 44). Хотя этот прием применялся длительное время, он не был типичным для строительства Средней Азии ни в позднеантичное время, ни в раннее и развитое средневековье. Только в эпоху раннего средневековья прослеживается распространение данного приема на территории Согда. По мнению В. А. Ворониной, коридорно-гребенчатая система планировки характерна для Согда, Уструшаны и для верховьев Сырдарьи и совершенно чужда для строительства Хорезма (24, с. 190). С этим мнением нельзя полностью согласиться, потому что в архитектуре Хорезма коридорно-гребенчатая система планировки встречается, хотя не отдельно, но в башнях и пристройках (Гяур-кала, Топрак-кала и Кзыл-кала). Прослеживая эволюцию планировочных приемов раннесредневекового замка, В. Л. Лавров писал, что в ее основе лежала идея параллельных и абсолютно равнозначных комнат-коридоров. Постепенно эта планировка преобразовалась в центрическую (как, например, в плане уструшанского замка Чильхуджры). Прослеживается это не во всех замках.

О назначении здания с коридорно-гребенчатой планировкой среди исследователей нет пока единого мнения. В. Л. Воронина склонна считать, что данным строительным приемом возводились здания жилого назначения. По ее мнению, «применительно к такой исторической концепции коридорная система планировки здания может быть расшифрована примерно следующим образом: отдельные комнаты были заняты парными семьями, составлявшими

вместе большую патриархальную семью. Таким путем наилучшим образом объясняется сходство комнат между собой, при этом можно предположить, что вместо приготовления и принятия пищи было выделено в специальное помещение» (24, с. 190, 191).

Такую точку зрения вряд ли можно считать верной, так как нельзя сказать, что форма семьи, начиная с I в. н. э. по XIX в. н. э. была одинаковой. Другой исследователь, С. Г. Хмельницкий, склонен видеть в зданиях этой планировки только сооружения военно-казарменного назначения (2, с. 114). С этим мнением можно согласиться, когда речь касается Топрак-калы в Хорезме, Варахша в Бухарском Согде, имея в виду, что в этих башнях могли жить воины, которые обороняли эти памятники. Уструшанский памятник Тирмизактепа тоже можно отнести к сооружениям военно-казарменного типа, так как данный памятник находился на подступах к столице Уструшаны. Но определение С. Г. Хмельницкого вряд ли подходит для замка на горе Муг, Батуртепа, Калан-Боло, Согдийского замка вблизи Сарыга. По нашему мнению, прав Ю. Якубов, отметивший, что иногда исследователи безосновательно считают то или иное здание сторожевым постом или казармой (10, с. 124).

Нет сомнений, что открытый нами памятник Алмантепа является замком, но замком землевладельца-дехкана.

В античную эпоху в архитектуре Средней Азии «коридорно-гребенчатая» планировка не встречается отдельно, а применяется в строительстве жилых башен (Гяур-кала, Топрак-кала). В эпоху развития феодальных отношений данная планировочная схема получила широкое распространение (VI—VIII вв. н. э.) не только в строительстве вспомогательных частей зданий, башен городищ, но и отдельных замков. В последующие эпохи этот прием встречался редко и не так четко. В Согде же вообще не встречался. Причина распространения данной схемы планировки в эпоху раннего средневековья, как нам кажется, состоит в том, что после распада кушанской империи отсутствовало централизованное мощное государство, которое могло бы защитить население данного региона от вражеских набегов, а также междоусобий феодалов, очень характерных для этой эпохи. Поэтому планировка, простая и удобная для обороны, получила широкое распространение именно в это время.

Как видно из вышеприведенных доводов, «коридорно-гребенчатая» схема планировки была свойственна не только зданиям военно-казарменного типа, но и другим сооружениям. Как отмечают исследователи, пристроенные таким способом к основным зданиям помещения могли иметь хозяйственное назначение. Исходя из этого, мы можем разделить раскопанные на территории Средней Азии сооружения с «коридорно-гребенчатой» планировкой на три категории:

военные казармы и сторожевые посты: башни Гяур-кала и Топрак-кала в Хорезме, южная крепостная стена Варахши, зда-

ние на городище Старой Нисы, центральное ядро Чильхуджры, Тирмизактепа;

хозяйственные помещения: Калаи-Кахкаха-1, Мунчактепа, пристроенное к массиву цитадели здание в ансамбле Варахша, жилая башня в Кухиндизе Пенджикентского владетеля, крепость Кум, дворец Гардани Хисар, группа помещений в Джумалактепа. Замки: замок на горе Муг, часть здания, раскопанная на Батуртепа, замок вблизи городища Сарыг, замок Калаи-боло, замок вблизи городища Беграм на территории Афганистана, Алмантепа.

Анализируя планировочную структуру замка Калаи-боло, исследователи Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский писали, что коридорные помещения данного памятника являются дальнейшим развитием этой планировочной схемы, которая сложилась в VI—VIII вв. н. э. (25, с. 191—193; рис. 90). Авторы разделяют коридорные помещения, раскопанные на территории Средней Азии, по их расположению на три группы. Первая группа, самая древняя, характеризуется тем, что комнаты располагаются параллельно и последовательно соединяются друг с другом вдоль торцевой стены (планировка замка на горе Муг и на башне Варахша). Вторая группа отличается тем, что комнаты изолированы друг от друга и выходят в общий коридор (Джумалактепа, Мунчактепа и Алмантепа). В сооружениях третьей группы параллельные коридорные помещения расположены друг напротив друга и связаны между собой общим коридором. (Тирмизактепа, Калаи-Кахкаха-1, согдийский замок вблизи Сарыга, здание на городище Старой Нисы и замок Калаи-боло). Различия между тремя группами, по мнению исследователей, были продиктованы проблемой освещения жилых и хозяйственных комнат. Однако четкие границы по датировке между этими группами провести нельзя. Иногда все три схемы одновременно встречаются в одном периоде. Например, замок на горе Муг и башня Варахша входят в первую группу и датируются VII—VIII вв. н. э. Памятник второй группы Джумалактепа датируется V—VII вв. н. э., а Мунчактепа — IV—V вв. н. э. Входящий в третью группу согдийский замок вблизи Сарыга датирован VI—VII вв. н. э., а Калаи-Кахкаха-1 — VII—VIII вв. н. э. Не отвергая выводов Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского о том, что коридорные помещения Калаи-боло, датированные XI—XII вв. н. э., являются творческим развитием планировки VI—VIII вв. н. э., и о живучести традиционных приемов, отметим: проблема эта решалась иногда в зависимости от местоположения памятника или вкусов местного населения и характера данного памятника.

Самым массовым видом находок из замка Алмантепа являются керамические изделия. По способу изготовления вся керамика разделяется на три основные группы: сосуды лепные; сделанные на гончарном круге; изготовленные в калипе (форме). Миски с волнистым бортиком встречены в большом количестве. Бортики высокие, прямые в плане, образующие четырех-пяти- и шестиле-

пестковую розетку (рис. 2, 1, 2). Между бортиком и корпусом проходит рубчик. На бортике хорошо видны следы изгибавших его пальцев. Под донцем сохранились следы клетчатого материала. Как отмечали некоторые исследователи, прототипом для этих сосудов послужили сасанидские серебряные ложчатые чаши (27, с. 96—103; 27, с. 188. табл. 7). Аналогичные сосуды были встречены в древнем Пенджикенте и датированы VII—VIII вв. н. э. (28, с. 139, рис. 6). Также были обнаружены миски с шаровидным туловом, высоким и прямым венчиком. Тулово сосудов изготовлено в калипе, ангоб красный. Диаметры венчиков 19—20 см (рис. 2, 2). Аналогичные миски были обнаружены в верхних слоях древнего Пенджикента. Горшки с круглым корпусом, с выделенной горловиной, имеющие ручки, встречены во время раскопок замка Алмантепа и аналогичны горшкам из Пенджикента (рис. 3, 19). Котлы с невыделенным венчиком, с ручкой и без ручки, с прямым бортиком встречаются часто. Они лепного изготовления, с диаметром венчиков 22—4 см (рис. 3, 13, 20). Аналогичные котлы обнаружены в Пенджикенте (29, рис. 31). Здесь найдены хумы и хумчи, пиалы, дастарханы, курильницы и миниатюрные сосуды, которые находят близкие аналоги в керамике древнего Пенджикента, датированные VII—VIII вв. н. э. На полу второго и шестого помещений верхнего здания Алмантепа было найдено две фигурки барана из терракоты. Одна фигурка сохранилась неплохо, нос и рот выполнены четко, от нижней губы книзу спускается острый подбородок. Вторая терракота сломана, сохранилось только тулово. Она изготовлена из отмученной глины. Образ барана в истории верований народов Средней Азии существовал с древнейших времен. Он встречается на геммах, различных декорах и терракотах. Бараны считались животными, обладающими благодатью.

В помещении № 6 верхнего замка Алмантепа была обнаружена гемма-инталия. Изготовлена она из сердолика, по продольной оси просверлено отверстие для шнура. На овальной щитке (высота — 15 мм, ширина — 20 мм) на горизонтальной линии, обозначающей поверхность земли, вырезано изображение тонконогого коня, склонившего голову вниз и шагающего влево. В древности и раннем средневековье геммы-инталии имели широкое распространение, ареал которого выходил далеко за пределы Средней Азии. Аналогичные геммы были найдены в Бухарском оазисе на памятнике Варахша (30, с. 9) и при раскопках старого Мерва в Туркменистане (31, с. 70).

Нельзя считать, что данная гемма была изготовлена индивидуально для определенного человека, поскольку аналогичные геммы-инталии были найдены во многих местах. Скорее всего она служила как амулет, оберегающий от зла. О происхождении данной геммы говорить трудно, поскольку геммы-инталии на территории древней Уструшаны встречаются крайне редко. Сопровождающие материалы были датированы VII—VIII вв. н. э.

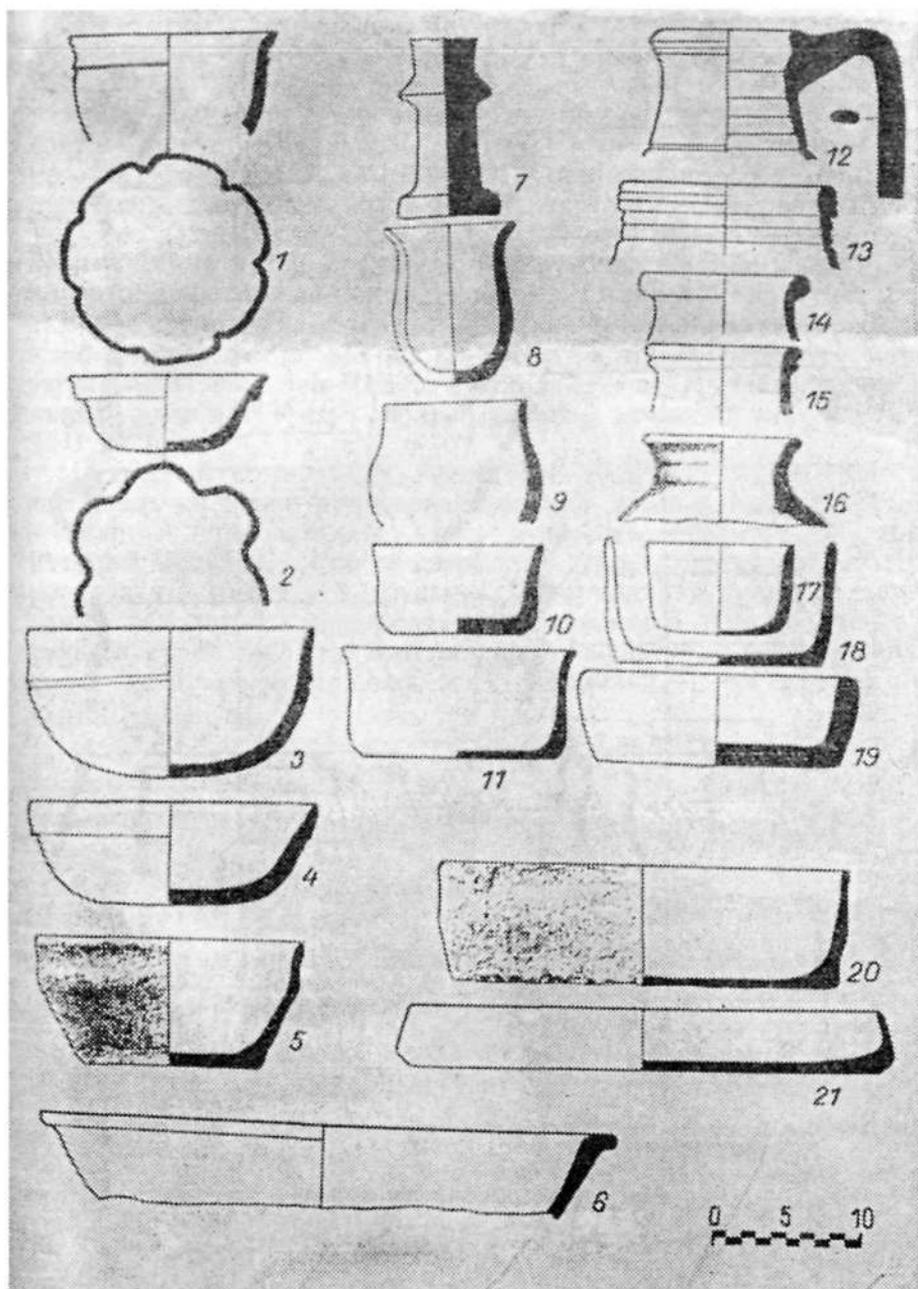

Рис. 2. Керамика.

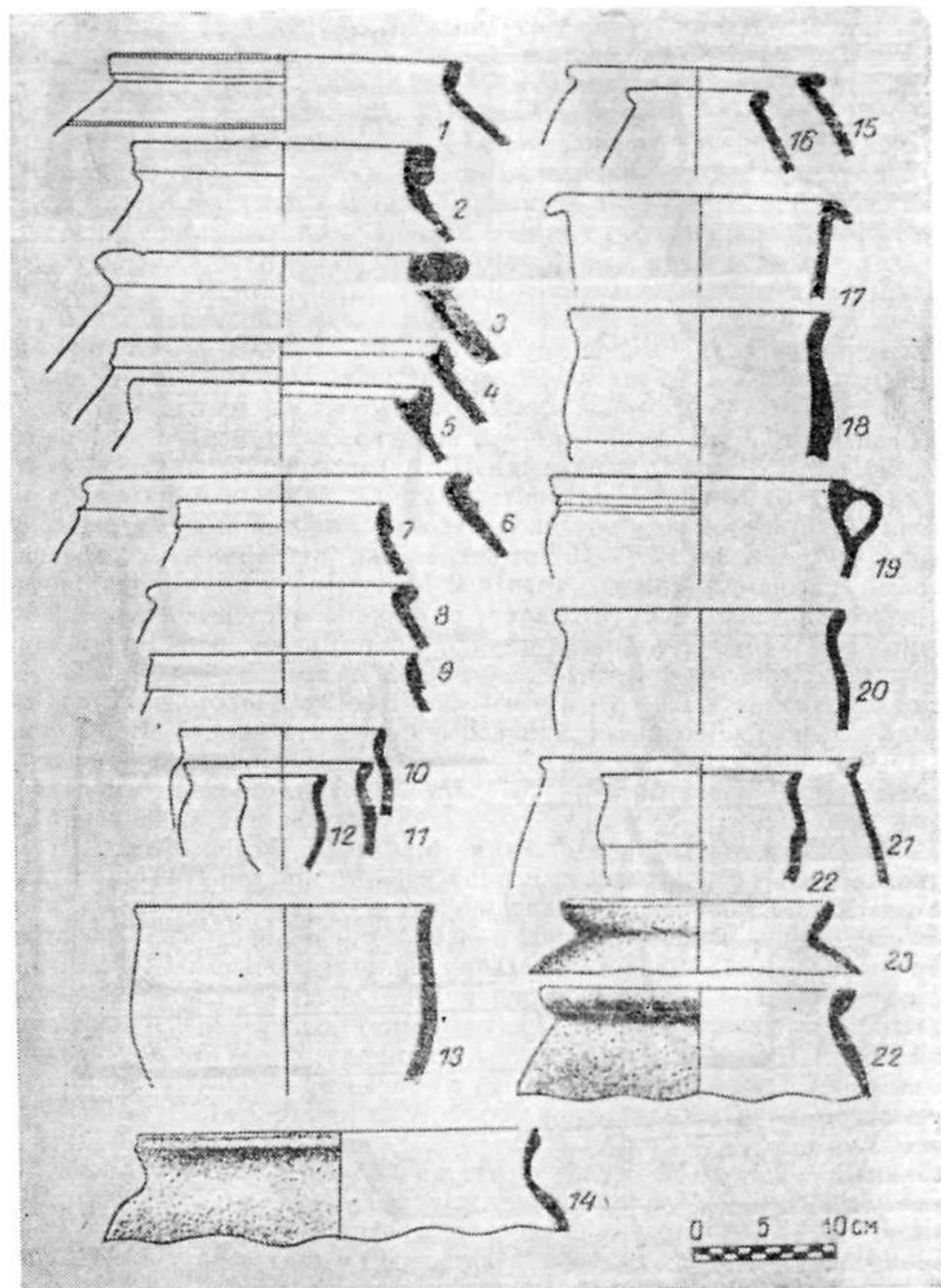

Рис. 3. Керамика.

Поскольку гемма служила не одному поколению, а передавалась по наследству, она могла относиться и к более раннему периоду.

Основным датирующим материалом замка Алмантепа является керамика. Как уже говорилось, во время раскопок Алмантепа в большом количестве были встречены чаши и миски, имеющие влияние согдийской торевтики. По мнению исследователей, эти сосуды появились только в VII—VIII вв. н. э., а позже они не изготавливались (27, с. 197—199). Аналогичные сосуды были обнаружены в верхнем слое Пенджикента и датированы VII—VIII вв. н. э. (29, с. 265—298). Надо отметить, что аналогичные керамические материалы были обнаружены в замке Кингиртепа-1, который расположен недалеко от Алмантепа. Для датировки замка Кингиртепа-1 большое значение имел обнаруженный здесь клад медных монет (35 шт.), среди которых имеются монеты тюркских правителей VIII в. н. э. (32, с. 542). Исходя из этих данных, мы датируем верхнее здание замка Алмантепа VII—VIII вв. н. э.

Открытый нами замок Алмантепа является ценным памятником для изучения раннесредневековой архитектуры Уструшаны и Средней Азии в целом. Здесь применен строительный прием, который получил широкое распространение в эпоху раннего средневековья в Согде и Уструшане. Материальная культура данного замка находит близкие аналоги в основном в Согде. Это свидетельствует о том, что материальная культура северо-западной части Уструшаны развивалась в слиянии с согдийской культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе: Дониш, 1975.
2. Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
3. Мандельштам А. М., Левзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. // МИА. М.—Л., 1958. № 66.
4. Альбаум Л. И. Балалык-тепа. Ташкент: Фан, 1960.
5. Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган Тирмизактепа. Душанбе, 1973.
6. Пулатов У. П. Раннесредневековый замок Тоштемиртепа // АО, 1975. М.: Наука, 1976.
7. Брыкина Г. А. Западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1982.
8. Гайдукевич В. Ф. Работа Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. // КСИИМК. Вып. 14. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
9. Васильев И. А. Согдийский замок на горе Мут // Согдийский сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1934.
10. Якубов Ю. Паргар в VII—VIII вв. н. э. Душанбе: Дониш, 1978.
11. Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. // Труды ХАЭЭ. Т. 2. М., 1958.

12. Рапопорт Ю. А. Топрак-кала//Труды ХАЭЭ. Т. 2. М., 1958.
13. Рапопорт Ю. А. Топрак-кала. М.: Наука, 1984.
14. Мандельштам А. М. О сборнике по археологии Афганистана//Сообщения Государств. Республ. объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств. Вып. 4. Душанбе, 1966.
15. Нильсен В. А. Археологические исследования на городище Варахша в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг.//Труды АН УзССР. Вып. 8. Ташкент, 1956.
16. Шишкин В. А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша/1947—1953 гг.//Труды АН УзССР. Вып. 8. Ташкент, 1956.
17. Мандельштам А. М. Раскопки на Батуртепа в 1956 г.//Труды АН ТаджССР. Т. 63. Сталинабад, 1956.
18. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
19. Ставский Б. Я. Раскопки жилой башни в Кухиндизе Пенджикентского владетеля//МИА. М.—Л., 1950. № 15.
20. Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VII вв. Ташкент, 1966.
21. Давидович Е. А. Раскопки замка Қалин-Боло/из работ исфаринского отряда ТА в 1951—1952 гг.//МИА. Вып. 66. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
22. Давидович Е. А. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы//ТЮТАКЭ. Т. 2. Ашхабад, 1951.
23. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
24. Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнео Пенджикента//МИА. Вып. 15. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1950.
25. Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района//Труды АН ТаджССР. Т. 35. Душанбе, 1955.
26. Григорьев Г. В. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда//КСИИМК. Вып. 12. М.—Л., 1946.
27. Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.//Труды ГЭ. Т. 5. Л., 1961.
28. Бентович И. Б. Керамика Пенджикента//МИА. Вып. 37. М.—Л., 1953.
29. Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента/VII—VIII вв.//МИА. Вып. 124. М.—Л., 1964.
30. Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в Западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.
31. Пугаченкова Г. А. Геммы из Мерва//Известия АН ТаджССР.
32. Абдукаримахунова Р., Бердимурадов А., Дормина С., Кадиров Э. Раскопки на Кингиртепа//АО, 1978. М.: Наука, 1979.

Т. И. ЛЕБЕДЕВА

КЕРАМИКА АФРАСИАБА V—VI вв. н. э.

Кризис рабовладельческих отношений в Согде приходится на IV—V вв. и совпадает с хионито-эфталитским нашествием на ослабевшую Кушанскую империю и подчинением ее и соседних государств воинственным варварам. В материальной культуре этих государств намечались значительные изменения. Существенную часть керамического материала этого времени составляет посуда лепной работы, указывая на внедрение кочевнических традиций в гончарное производство (1, с. 91, 93).

Афрасиаб дал такой материал второй половины V—VI вв. на своей северной окраине. Керамика Самарканда этого времени была собрана нами из нескольких мусорных ям и свалок, образо-

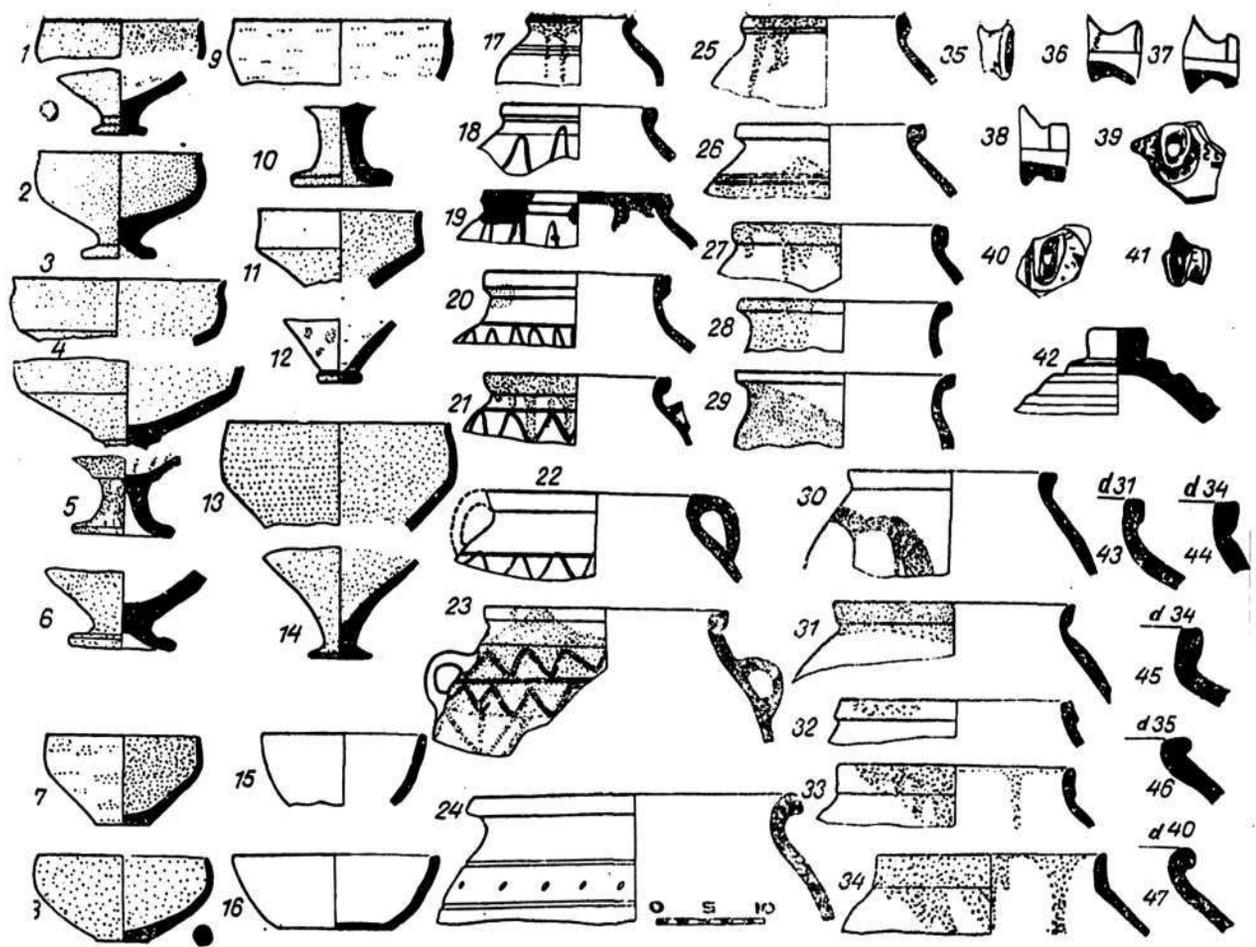
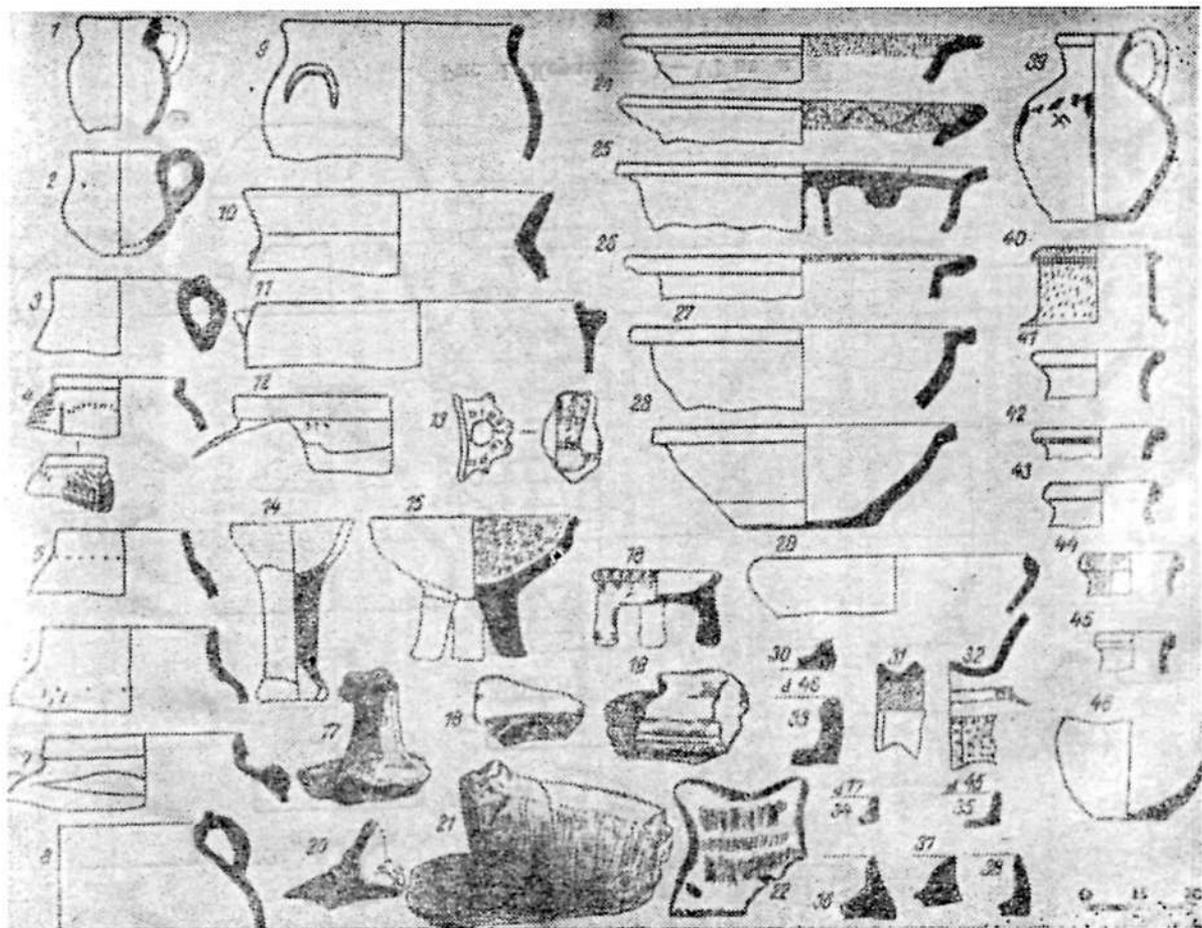

Рис. 1. Керамика V-VI вв. н. э.

вавшихся на развалинах жилого квартала, и из слоев, перекрывающих заброшенные помещения. Основная масса керамики взята для анализа из мусорного сброса, образовавшегося над заброшенными помещениями и впоследствии прорезанного обжигательными печами (2, с. 31—39) (рис. 1, 7—10, 12—18, 20—22, 24—34, 36—38, 43—47; рис. 2, 2, 5, 6, 9, 10, 17, 19—21, 23—28, 30—32, 34—38, 40—46), и из мусорной ямы № 4 в северной части раскопа, недалеко от оборонительной стены (2, с. 39—44) (рис. 1, 19, 35, 39—41; рис. 2, 1, 4, 7, 8, 11—13, 29, 45). Привлечен также материал из мусорных ям № 1 (рис. 1, 3, 5, 6, 23, 42; рис. 2, 14, 16) и № 3 (рис. 2, 15, 22), из слоя, непосредственно перекрывающего помещение № 6 (рис. 1, 1, 3, 4, 11), из зольной ямы, прорезавшей стену помещения № 4 (рис. 1, 2; рис. 2, 39). Данный комплекс керамики включает в свой состав вазы, кубковидные чаши, хумчи, тагора, чаши и жаростойкую посуду с очажными подставками. Следует отметить, что в керамических комплексах Самарканда V—VI вв. смешаны типы керамики, аналогичные Каунчи I и II, с типами, характерными для керамики нижнего слоя Пянджикента, поэтому наша датировка основана на аналогиях с ранне-средневековой керамикой последнего.

Наибольшее количество ваз было обнаружено в комплексе керамики из слоя, перекрывающего помещение № 6 (рис. 1, 1, 3, 4, 11), и в мусорной яме № 1. Вазы двух типов — на высоких профилированных ножках с большим диаметром венчиков (рис. 1, 3, 4, 5, 9, 10) и мелкие (рис. 1, 1, 2). Вазы диаметром 15—16 см обычно имеют невысокую ножку, покрыты красно-коричневым, коричневым или коричнево-черным ангобом. Вазы на высоких ножках и с диаметром венчика 20—21 см имеют аналогичное ангобное покрытие и встречаются в слоях IV—V вв. н. э. (3, с. 171; с. 70) в сочетании с кубко-чашами и с кубковидными чашами. Отличительной чертой ваз является одинаковый характер износа в процессе эксплуатации — внутри ваз обычно плохая сохранность ангоба. Ангоб выщерблен мелкими чешуйками, что характерно при употреблении сосудов для кашеобразной пищи, извлекаемой из них ложками (на что обратила наше внимание Г. В. Шишкина). Идентичный износ обнаружен также на кубко-чашах и крупных кубках, используемых во II—IV вв. н. э. (4, с. 65, 70). Имеются и кубковидные чаши (рис. 1, 11—14), но в отличие от обнаруженных С. К. Кабановым (4, с. 74) они имеют явно больший диаметр венчика и высоту. Диаметр устья чаши (рис. 1, 13) — 20 см, высота нижней части фрагмента (рис. 1, 14) составляет 10 см, в то время на раскопе № 6 (4, с. 74) такого размера была целая чаша. Тесто кубковидных чаш светло-коричневого и желтовато-коричневого цветов, ангоб красно-коричневых и светло-коричневых оттенков. В связи с отсутствием в нашем комплексе кубко-

чаш, исчезнувших в IV в., данные вазы и кубковидные чаши можно датировать не ранее первой половины V в. н. э., однако можно предположить, что они использовались некоторое время и во второй половине V в. в процессе постепенного исчезновения.

Количество обнаруженных чаш незначительно. Можно отметить две чаши на слегка выделенном поддоне (рис. 1, 7, 3), покрытые с обеих сторон красным и темно-коричневым ангобом плохого качества, и лепную чашу, серую внутри и серо-желтоватую снаружи, с серым пористым тестом, с наполнителем из кварцевого песка (рис. 1, 16).

Набор хумчей отличается большим разнообразием. Диаметр венчиков от 12 до 40 см, наиболее распространенный — 20—23 см. Хумчи имеют ряд черт, характерных для этого типа сосудов, и ряд черт, присущих им во второй половине V—VI в. н. э. Большинство хумчей имеет желобок по верху венчика для упора крышки (рис. 1, 18, 19, 20, 23, 26, 27, 30, 32) или такой изгиб венчика наружу, который предназначен для упора крышки (рис. 1, 17, 24, 31). Большая часть хумчей украшена прочерченно-процарапанным орнаментом концентрических полос по плечикам тулова (рис. 1, 17, 18, 20—24, 26), иногда в сочетании с гребенчатым орнаментом. Основная масса хумчей имеет ангобные потеки по венчику, горловине или тулову сосуда. Ангоб красного, красно-коричневого, коричневого и темно-коричневого цветов. Наружная сторона хумчей — разных оттенков, у мелких сосудов это серый (рис. 1, 1), коричневый и светло-коричневый цвета. У более крупных (диаметр венчиков 17—18 см) преобладает высветленная поверхность, но встречается и светло-коричневая. Большинство найденных фрагментов хумчей имеет размер, не позволяющий сказать о том, были ли это сосуды со сливами или без них, но наличие здесь же отбитых сливов (рис. 1, 35—38), светлых, светлоангобированных, с потеками красного ангоба, свидетельствует о том, что они принадлежали многим из хумчей.

На крупных хумчах имеется ангобное покрытие — розовое (рис. 1, 24) и светлое (рис. 1, 43). Большинство крупных хумчей — светлые или серые, иногда даже землистого цвета (рис. 1, 44). В тесто хумчей добавлялись гипс, мелкий песок с блестками слюды, высушенная дробленая глина (рис. 1, 29, 30), кварцевый песок, мелкодробленый сланец (рис. 1, 45). На некоторых из крупных хумчей имеется орнамент в виде насечек между прочерченно-вдавленными кольцевыми полосками по плечикам тулова (рис. 1, 24). Хумчи находят аналоги в керамике нижнего слоя Пенджикента (5, с. 232), в керамике Бухары (6, с. 92), Еркургана (7, с. 142) и датируются второй половиной V—VI вв. н. э.

Диаметр венчиков тагора (рис. 2, 23—28) — от 27 до 35 см, тесто их большей частью оранжево-коричневых тонов с примесью мелкого песка с блестками слюды, гипса. Ангобом покрывались с внутренней стороны, в основном полосой по бортику. Ангоб —

красного (рис. 2, 26), коричневого (рис. 2, 24), темно-коричневого (рис. 2, 23, 28) и черного (рис. 2, 25) цветов, часто использовался очень жидкий ангоб, дававший потеки. Тагора имели отогнутые наружу борта, удобные для переноски.

Кувшины встречаются двух типов — узкогорлые и широкогорлые. Единственным археологически целым найден узкогорлый кувшин (рис. 2, 39) серого цвета, с выпуклым туловом и небольшой ручкой. На тулове — крестообразный процарапанный знак и потеки жидкого черного ангоба. Хорошо видна кольцевая обработка придонной части кувшина ножом, выполненная на гончарном круге. Этот кувшин обнаружен в комплексе с вазой (рис. 1, 2) в зольном заполнении ямы, датируется V в. Подобными по форме этому кувшину являются два фрагмента узкогорлых кувшинов (рис. 2, 45, 46). Остальные кувшины в комплексе — широкогорлые. Большая часть их — со светлой наружной поверхностью (рис. 2, 40, 44) или слегка высветленной (рис. 2, 42). Некоторые из кувшинов имеют потеки темно-коричневого или красно-коричневого ангоба по горловине. Один из кувшинов (рис. 2, 40) — светлоангобированный. Цвет теста их в основном грязно-коричневый, встречаются также кувшины оранжевого и красного цветов. Все донца кувшинов имеют характерную подрезку ножом, формованы на подсыпке речного и кварцевого песка или на земляной. В тесто добавлялись песок с блестками слюды, кварцевый песок, изредка дробленый сланец, гипс. Все кувшины, кроме одного (рис. 2, 39), обнаружены в керамическом сбросе в комплексе с вазами и хумчами, датируются V—VI вв. н. э.

В ямах и сбросах найдено всего несколько фляжек (рис. 2, 31, 32) и только широкогорлые, довольно большой емкости. Венчики их сформованы на гончарном круге и соединены с лепным туловом. Имеются светлоангобированные снаружи фляжки (ангоб плохого качества). Одна из фляжек (рис. 2, 31) — светло-коричневого цвета, внутри покрыта темно-коричневым ангобом. На венчике имеется желоб для упора крышки. Тесто сосудов — с разнообразными примесями — гипсом, песком с блестками слюды, дробленой высушенной глиной.

Жаростойкие изделия подразделяются на лепную кухонную посуду (кружки, котлы), светильники, курильницы и жаровни с очажными подставками. VI — началом VII в. можно датировать жаростойкую посуду из двух верхних слоев мусорной ямы № 4 (рис. 2, 1, 4—7, 12, 13, 33), найденную в комплексе с хумчами (рис. 1, 19) и фрагментами кувшинов со смятыми сливами (рис. 1, 39—41), один из которых имеет по плечикам тулова штампованный орнамент, аналогичный орнаменту водоносного кувшина из нижнего слоя Пенджикента, и датируется VI в. (5, с. 232). Это дает нам основание датировать данную жаростойкую посуду не ранее VI в. Остальная посуда этого вида была в столь смешанных комплексах, что мы склонны датировать ее V—VI вв. н. э. Кружки лепные, серо-черные от постоянного использо-

вания на огне, с петлевидными ручками (рис. 2, 1—3), с большим количеством жаростойкого наполнителя — кварцевого песка. Встречаются они как в комплексах с керамикой V—VI вв. (рис. 2, 2, 3), так и в комплексах VI — начала VII в. (рис. 2, 1). Жаростойкая кружка (рис. 2, 2) сверху на ручке имеет вертикальные насечки, две из них от ручки идут внутрь кружки, есть насечки и на тулове сосуда. Диаметр венчика — 9 см. Она аналогична по форме кружкам периода Каунчи II (8, с. 182; 10, с. 75). К тому же периоду относится и жаростойкая кружка (рис. 2, 3) с налипком в верхней части ручки.

Котлы с туловом округлой формы и выделенной вертикальной или отогнутой горловиной; в основном лепные, но иногда с венчиком, изготовленным или правленным на гончарном круге. Котлы близки по форме более ранним котлам (4, с. 70), но имеют в отличие от них орнамент наколами по плечикам тулова и на перегибе горловины к тулову (рис. 2, 5, 6), а также ручки в виде подковы (рис. 2, 9) и налепов-шишечек (рис. 2, 10). Привлекают внимание котлы с очень высокой горловиной (5—6 см), отогнутой наружу (рис. 2, 10) и ручками в виде налепов-шишечек под горловиной. Они довольно многочисленны, иногда имеют потеки ангоба, тесто оранжевого цвета с кварцевым жаростойким наполнителем; производят впечатление высококачественной кухонной посуды. Наружная сторона их закопчена, внутренняя — оранжевого цвета. Диаметры венчиков велики — от 25 до 34 см. Наряду с этими котлами появились котлы ярко выраженного лепного характера или со слегка правленными на гончарном круге венчиками, с налипными подковообразными ручками и пунктирным орнаментом в виде вдавленных овалов или мелких кружков (рис. 2, 5, 6, 9). Подобная орнаментация наколами является чертой, присущей культуре Каунчи. Один из котлов (рис. 2, 4) имеет прочерченно-процарапанный растительный орнамент. Эти котлы прокалены до темно-серого или черного цветов. Отличаются от предыдущих (рис. 2, 7) четко выраженными подтреугольными венчиками, прочерченно-вдавленным, из сходящихся плавно двух полос, орнаментом по плечикам тулова. Имеют ручки в виде вертикальных узких налепов. Появились котлы с вертикальными ручками с налипком наверху (рис. 2, 8) и с горизонтально прикрепленными такими же ручками на плечиках тулова, а также с ручками, усеянными насечками (рис. 2, 13), которые явно имеют стилизованный зооморфный характер. Насечки имитируют шерсть баранов. Резко отличается от всех котлов круглый котел без венчика (рис. 2, 11) с горизонтальной ручкой-выступом.

Лепные, грубой выделки светильники — однотипные, на высокой цилиндрической ножке (рис. 2, 14), с наибольшим чашеобразным резервуаром (рис. 1, 15; рис. 2, 14). Как резервуары, так и ножки, сильно прокалены, в тесте — большое количество огнеупорного наполнителя — кварцевого песка. Подобные светильники уже встречались на Афраснабе (4, с. 74—76), в Кар-

шинском оазисе (9, с. 82) в комплексе с керамикой V—VII вв. н.э.

В качестве курильниц использовались чашеобразные сосуды на трех ножках (рис. 2, 15, 16), в которых сжигались благовония. Курильница (рис. 2, 15) — светлая с обеих сторон, по внутренней поверхности — небрежные разводы черного ангоба, нанесенного очень тонким слоем, сквозь который просвечивает поверхность. Вторая курильница (рис. 2, 16) — светлая снаружи и со светло-коричневыми переходами внутри, с насечками по краю резервуара, с донцем, прокаленным с внутренней стороны в центре почти на всю толщину. Тесто курильниц по составу резко отличается от теста светильников. Здесь небольшая примесь мелкого песка, изредка видны крупинки кварца. Скорее всего, внутрь курильниц помещалось несколько тлеющих угольков, на которые бросали благовония. Аналогичные курильницы появились в период Каунчи III (8, с. 185).

На керамической свалке в квадрате 4 обнаружены как лепные необожженные, так и выполненные на гончарном круге жаровни (рис. 2, 30, 33—38). Лепные — желтовато-оранжевого цвета, круглые и прямоугольной формы. В тесте — большое количество самана, в тесте одной из жаровен — самана и кварцевого песка. Лепились жаровни на земле или на матерчатой подкладке. На смену лепным жаровням пришли керамические, изготовленные на гончарном круге на подсыпке из мелкого и крупного кварцевого песка. В качестве добавок в тесто использовался кварцевый песок, дробленый сланец. Керамические жаровни — как светло-коричневого цвета, так и светлые, одна из жаровен светлоангобированная. Следует отметить, что в верхних слоях мусорной ямы № 4 найдены только керамические жаровни.

Очажные подставки (рис. 2, 17—22) изготовлены из глины с примесью большого количества самана, имеют вид голов барана и быка. Состав теста одинаков, в печах не обожжены, но в одной из мусорных ям обнаружен пережженный до шлакового состояния фрагмент подставки в виде головы барана, что указывает на попытки изготовления их в керамическом варианте. На подставках видны следы использования их на огне — закопченность и легкая прокаленность теста в нижней части с одной стороны. Находки их отмечены в Ташкентском (10, с. 70—77; 11, с. 39—75), Каршинском (12, с. 222), Самаркандском (13, с. 93) оазисах. Их корни — в каунчинской культуре.

Факт появления элементов каунчинской культуры в керамике эфталитского периода связан, скорее всего, с более ранними, сложными процессами оседания скотоводов-кочевников на территории Средней Азии. Появление керамики каунчинского типа в Самаркандском (14, с. 162), Бухарском (7, с. 151) и Каршинском оазисах (1, с. 91) относится к III—IV вв. Это свидетельствует о том, что в предшествующее время шло массовое передвижение носителей каунчинской культуры в Согд. Постепенный переход к оседлому скотоводству и синтез скотоводческой культуры с

местной земледельческой дал своеобразные локальные варианты каунчинской культуры в сельских местностях Согда. Городская же культура еще некоторое время продолжала в своем развитии эллинистические традиции. В V—VI вв. (а, возможно и несколько ранее) элементы каунчинской культуры проявились и в крупных городах, что позволяет точнее определить ареал распространения данной культуры, включая в его границы и Самарканд.

Комплексы керамики, охарактеризованные выше, далеко не полны. Взяты они из мусорных ям и свалок только на севере Афрасиаба, на небольшом по площади участке. Некоторые ямы вскрывались не полностью, попадая лишь частично в площадь раскопок, поэтому дальнейшие исследования принесут еще много находок, которые дополнят разнообразие керамических форм, бытовавших в Самарканде периода зарождения феодализма в Согде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—IV вв.). Ташкент: Фан, 1977.
2. Лебедева Т. И. Научный отчет о работе на Афрасиабе за 1985 г. Архив Института археологии АН УзССР.
3. Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб//Афрасиаб. Ташкент: Фан, 1969.
4. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент: Фан, 1973.
5. Маршак Б. И. Отчет о работе на объекте XII за 1955—1960 гг.//МИА. М.—Л.: Наука, 1964, № 123.
6. Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш. Керамика нижних слоев Бухары//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент: Фан, 1982.
7. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент: Фан, 1984.
8. Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М.: Наука, 1871.
9. Кабанов С. К. Айтугды-тепе//ИМКУ. Вып. 9. Ташкент: Фан, 1972.
10. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982.
11. Филанович М. И. Ташкент (зарождение и развитие города и городской культуры). Ташкент: Фан, 1983.
12. Кабанов С. К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—IV вв.//СА. М., 1963. № 1.
13. Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу//Тр. ОВ. Т. 2. Л., 1940.
14. Ахунбабаев Х. Г. Археологическое изучение Булунгурского района в 1979—80 гг.//ИМКУ. Вып. 18. Ташкент: Фан, 1983.

А. А. АБДУРАЗАКОВ

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ХИМИЧЕСКИХ СОСТАВОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СТЕКОЛ ИЗ РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ АФРАСИАБА

Из всех памятников средневекового Самарканда наиболее изученным в отношении находок стеклянных изделий является городище Афрасиаб. Благодаря широким археологическим рас-

копкам находки стекла выявлены почти повсеместно, во всех его частях. Во многих местах найдены и следы стекольного производства (1, с. 60—61; 2). Хотя наиболее древние образцы посудного стекла встречены здесь в слоях Афраснаб IV, датированных II в. до н. э. — I в. н. э. (3, с. 167), они не были предметом специального химико-аналитического исследования. Первые химические анализы средневековых стекол Афраснаба, относящихся к X—XI вв., были приведены в диссертациях М. Т. Амниджановой (4) и А. А. Абдуразакова (5), которые затем были опубликованы в специальной монографии (6, с. 55—57).

За последние десятилетия изучение химических составов находок стекла из Афраснаба было продолжено, причем, анализировались стекла с разных частей городища и разного периода. Такое изучение, по нашему мнению, позволит выяснить уровень развития стекольного дела в разных частях городища, разнообразие химических составов стекол и взаимосвязь их в пределах городища и за его пределами, т. е. с другими городами, где существовало стекольное дело.

Данное сообщение посвящено сравнительному изучению стеклянных изделий в пределах одного городища и вне его.

Табл. 1 содержит химические анализы средневековых стекол Афраснаба из разных его частей.

Наибольшее количество стекла найдено в так называемом «центральном раскопе» — раскопе-23. Он находится почти в центре городища, в пределах третьей крепостной стены. Здесь обнаружены квартал гончаров XI — начала XII в. и керамические печи X — начала XI в. В этой части городища в 1962 г. была выявлена роспись, расчистка которой начата в 1965 г. (с. 144—145). Благодаря широким раскопным работам в 1965—1966 и в последующие годы здесь было вскрыто более 20 помещений на площади около 1 га. Главным среди вскрытых объектов является дворец Самаркандского правителя Вархумана с остатками монументальной живописи (8, 9). В ходе раскопок кроме росписей были найдены также фрагменты керамики, стекла, металла, обугленного дерева, ткани и др. Часть образцов стекла была представлена нам для химического исследования. В табл. 1 приводятся результаты анализа стекла, обнаруженного в раскопе P-23-B: № 1 (комната 1, ярус IV, IX—X вв.), № 2 (в квадрате С—19/IV, X—XI вв.), № 3, 4 (комната 1, ярус V) и № 5, 6, 7, 8. Здесь же, в комплексе жилых помещений, у керамической печи найдены образцы стекла № 9, 10, 11, 12, 13. В раскопе наряду с фрагментами посудного стекла впервые в слоях была обнаружена и стеклянная гиря, датируемая XI—XII вв. (10, с. 229—233). Ее анализ приводится в табл. 1 под № 14.

Более крупным пунктом, где были найдены стеклянные изделия, является раскоп P-25, расположенный к востоку от центрального раскопа P-23, на бугре, где позже был построен Музей основания города Самарканда — музей Афраснаба. В западной

Таблица I

Химические анализы средневековых стёкол Афрасиаба по отдельным раскопкам (в весовых процентах)

№ п/п	Наименование и цвет образца	Раскоп и квадрат	Год раскопки и производитель работ	Датировка	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	TiO ₂
1	Чернильница с гипсовой подставкой, зеленоватая	P-23-B к. 1, я. IV	май, 1969, Ш. Ташходжаев	IX—X вв.	61,66	4,23	1,00	7,28	4,20	0,10
2	Ручка графина, бесцветная	P-23-B C-19/IV	"	X—XI вв.	61,78	4,03	0,80	7,28	3,70	0,08
3	Ручка сосуда	P-23-B к. 1, я. V	"	IX—X вв.	62,11	4,65	1,50	10,83	1,88	не опр.
4	Стенка сосуда	"	"	"	62,69	5,15	1,66	8,97	2,11	"
5	Кусочек графина, зеленоватый	P-23-B C-19/IV	1965, он же	конец X—нач. XI в.	62,03	4,99	1,00	6,68	4,86	"
6	Стенка сосуда, бесцветная	P-23 центр. раскоп	1968, Дж. Мирзаахмедов	X—XI вв.	61,16	4,94	0,80	6,72	4,00	0,05
7	Кольцевой поддон, голубоватый	"	1969, Ш. Ташходжаев	X—XI вв.	64,72	4,45	0,40	5,51	2,62	не опр.
8	Пиала, бесцветная	"	"	"	59,79	4,26	1,39	5,33	5,70	"
9	Ручка сосуда, зеленоватая	P-23 в компл. жил. помещ. у кер. печи	сентябрь 1966, М. Федоров	"	61,87	2,58	2,08	4,01	7,38	след
					61,67	2,60	2,08	4,01	7,48	"
10	Донце сосуда, зеленоватое	"	"	"	60,29	1,44	1,67	5,16	4,91	"
					60,79	1,44	1,68	5,16	4,94	"
11	Донце сосуда бесцветное	"	"	"	58,03	7,42	1,09	7,46	4,29	0,06
					58,55	7,48	1,10	7,49	4,33	0,06
12	Кусок стекла, бесцветный	"	"	"	60,03	5,39	2,20	8,01	3,79	0,03
13	Донце посуды, зеленое	"	"	"	59,78	3,82	1,19	9,41	5,24	след
					60,31	3,85	1,21	9,44	5,26	"
14	Гиря, зеленая	"	"	XI—XII вв.	58,32	10,18	1,19	3,84	4,95	0,19
15	Кусок стекла, зеленовато-голубой	P-25/1 (под музеем)	1967, Ш. Шарахимов	кон. X—нач. XI вв.	61,07	3,26	2,32	8,37	4,82	не опр.
16	Донце сосуда, зеленоватое	кв. E-7/IV	"	"	61,10	5,00	1,50	7,70	3,60	0,12

№ п/п	Наименование и цвет образца	Раскоп и квадрат	Год раскопки и производитель работ	Датировка	SO ₂	MnO* Mn ₂ O ₃	K ₂ O	Na ₂ O	шп	P ₂ O ₅
1	Чернильница с гипсовой подставкой, зеленоватая	P-23-B к. 1, я. IV	май, 1969, Ш. Ташходжаев	XI—X вв.	0,10	0,31*	4,50	15,50	0,56	0,46
2	Ручка графина, бесцветная	P-23-B C-19/IV	"	X—XI вв.	0,78	0,56*	5,00	14,00	1,02	0,25
3	Ручка сосуда	P-23-B к. 1 я. V	"	IX—X вв.	0,27	0,10*	4,35	14,26	0,21	не опр.
4	Стенка сосуда	"	"	"	0,19	0,10*	4,13	15,12	0,30	"
5	Кусочек графина, зеленоватый	P-23-B C-19/IV	1965, он же	конец X нач. XI в.	3,33	—	3,13	14,72	0,01	—
6	Стенка сосуда, бесцветная	P-23 центр. раскоп	1968, Дж. Мирзаахмедов	X—XI вв.	0,50	0,08*	5,00	15,00	1,24	0,39
7	Кольцевой поддон, голубоватый	"	1969, Ш. Ташходжаев	X—XI вв.	2,98	0,06	5,24	13,95	0,21	—
8	Пиала, бесцветная,	"	"	"	3,14	0,41	4,79	14,19	0,33	—
9	Ручка сосуда, зеленоватая	P-23 в компл. жил. помещ. у кер. печи	сентябрь 1966, М. Федоров	"	4,18 4,20	2,41 2,41	— —	15,09 15,09	0,15 0,15	— —
10	Донце сосуда, зеленоватое	"	"	"	4,60 4,64	0,91 0,91	4,80 4,84	15,09 15,11	0,31 0,31	— —
11	Донце сосуда, бесцветное	"	"	"	1,50 1,50	0,81 0,81	4,80 4,84	14,01 14,13	0,40 0,40	— —
12	Кусок стекла, бесцветный	"	"	"	0,57	0,54	4,80	14,61	0,14	—
13	Донце посуды, зеленое	"	"	"	0,24 0,24	2,25 2,25	3,84 3,85	13,23 13,24	0,10 0,10	— —
14	Гиря, зеленая	"	"	XI—XII вв.	0,02	0,05	4,49	16,98	—	—
15	Кусок стекла, зеленовато-голубой	P-25/1 (под музеем)	1967, Ш. Шарахмедов	кон. X— нач. XI в.	0,37	следы	3,92	15,07	0,60	—
16	Донце сосуда зеленоватое	кв. E—7/IV	"	"	0,11	0,03*	4,00	15,15	0,48	0,48

№ п/п	Наименование и цвет образца	Раскоп и квадрат	Год раскопки и производитель работ	Датировка	H ₂ O	CO ₂	Σ	Аналитик
1	Чернильница с гипсовой подставкой, зеленоватая	P-23-B к. 1, я. IV	май, 1969, Ш. Та ш-ходжаев	IX—X вв.	0,12	0,20	99,44	Трест СГ
2	Ручка графина, бесцветная	P-23-B C-19/IV	.	X—XI вв.	0,50	—	99,28	.
3	Ручка сосуда	P-23-B к. 1, я. V	.	IX—X вв.	не оп.	не оп.	99,87	М. Давранова
4	Стенка сосуда	100,31	.
5	Кусочек графина, зеленоватый	P-23-B C-19/IV	1965, он же	конец X—начало XI в.	—	—	100,77	Н. Абдукаюмова
6	Стенка сосуда, бесцветная	P-23 центр, раскоп	1968, Дж. Мирзаахмедов	X—XI вв.	0,64	не оп.	99,88	Трест СГ
7	Кольцевой поддон, голубоватый	.	1969, Ш. Ташходжаев	X—XI вв.	—	—	100,14	Н. Абдукаюмов
8	Пиала, бесцветная	.	.	.	—	—	99,33	.
9	Ручка сосуда, зеленоватая	P-23 в компл. жил. помещ. у кер. печи	сентябрь, 1966, М. Федоров	.	—	—	99,74	.
					—	—	99,61	.
10	Донце сосуда, зеленоватое	.	.	.	—	—	99,17	.
11	Донце сосуда, бесцветное	.	.	.	—	—	99,82	.
					—	—	99,13	.
12	Кусок стекла, бесцветный	.	.	.	—	—	99,94	.
					—	—	99,98	.
13	Донце посуды, зеленое	.	.	.	—	—	99,11	.
					—	—	100,66	.
14	Гиря, зеленая	.	.	XI—XII вв.	—	—	100,21	С. Назруллаев
15	Кусок стекла, зеленовато-голубой	P-25/1 (под музеем)	1967, Ш. Шарахитов.	кон. X—нач. XI в.	—	—	99,80	Л. Воекова
16	Донце сосуда, зеленоватое	кв. E-7/IV	.	.	0,26	—	99,27	Трест СГ

№ п/п	Наименование и цвет образца	Раскоп и квадрат	Год раскопки и производитель работ	Датировка	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	TiO ₂
17	Донце сосуда синеватое	P-25/I кв. 1.	1968, он же	X—XI вв	60,45	4,61	1,10	8,40	4,20	0,10
18	Пиала бесцветная	"	весна 1967, он же	"	63,74	3,59	1,71	6,72	4,09	0,09
19	Стенка сосуда бесцветная	"	"	"	58,21	1,16	0,76	9,63	8,38	0,12
20	Кусок стекла, зеленый	P-25/I кв. 1.	май 1966, он же	"	60,64	3,71	2,50	6,88	4,91	0,01
21	Кусок донца, бесцветный	"	"	"	61,92	2,33	1,25	8,60	3,28	0,01
22	Кусок стекла слабожелтый	"	"	"	62,60	7,49	2,38	7,54	4,21	следы
23	Кольцевой поддон, бесцветный	"	"	"	64,17	1,43	0,16	4,17	5,95	не опр.
24	Стенка посуды, зеленая	P-31/XX кв. Д-7	1968, М. Садиев.	IX—X вв	62,84	4,42	0,90	7,14	3,80	0,07
25	"	P-31/XVII ярус V	1972, "	"	63,67	3,90	0,75	8,26	4,00	0,08
26	Стенка флакона, зеленая	P-31/XVII ярус IV	"	"	61,90	3,12	1,00	6,86	5,00	0,12
27	Стенка сосуда синеватая	P-31/XXV	1968, М. Федоров, Ш. Шарахимов	"	59,73	4,61	1,00	7,97	4,50	0,07
28	Стенка сосуда, зеленая	P-31/XX кв. Г-6	1968, М. Садиев	"	62,86	4,22	0,60	6,51	3,45	0,05
29	Донце сосуда, зеленое	" , кв. Г-7	"	"	61,97	4,42	0,90	7,00	4,00	0,07
30	Стенка сосуда, зеленая	P-41/XVII кв. Л-2	1968, Т. Агзамходжаев	"	62,10	5,14	1,00	7,28	4,40	0,10
31	Ручка сосуда, зеленая	" кв. Ж-2	"	"	62,23	4,55	0,80	6,86	3,80	0,07
32	Стенка сосуда, зеленая	"	1967, "	"	59,20	4,42	0,70	7,84	4,30	0,05
33	Ручка сосуда, зеленая	кв. 3-2	1968, "	"	63,00	4,83	1,20	7,00	3,45	0,07

Продолж. табл. 1

№/п	Наименование и цвет образца	Раскоп и квадрат	Год раскопки и производитель работ	Датировка	SO ₂	MnO* Mn ₂ O ₃	K ₂ O	Na ₂ O	ппп	P ₂ O ₅
17	Донце сосуда, синеватое	кв. 1	1968, он же	X—XI вв.	0,30	0,21	3,53	15,82	0,76	0,39
18	Пиала, бесцветная	"	весна 1967, он же	"	0,83	0,29	2,59	15,49	0,40	—
19	Стенка сосуда, бесцветная	"	"	"	0,96	0,35	5,47	14,34	0,21	—
20	Кусок стекла, зеленый	P-25/I кв. 1.	май 1966, он же	"	2,44	0,47	2,89	14,60	0,39	—
21	Кусок донца, бесцветный	"	"	"	3,84	1,50	2,89	13,70	0,15	—
22	Кусок стекла, слабожелтый	"	"	"	0,88	1,78	нет	12,32	0,16	—
23	Кольцевой поддон, бесцветный	"	"	"	3,89	0,36	2,37	16,55	0,42	—
24	Стенка посуды, зеленая	P-31/XX кв. Д—1	1968, М. Садиев.	IX—X вв.	0,78	0,05*	4,67	14,15	0,50	0,39
25	"	P-31/XVII ярус V	1972, "	"	—	0,56*	4,00	13,50	0,56	0,25
26	Стенка флакона, зеленая	P-31/XVII ярус IV	"	"	1,02	0,49	2,00	17,00	1,52	0,22
27	Стенка сосуда, синеватая	P-31/XXV	1968, М. Федоров, Ш. Шарахимов	"	0,54	0,56	3,81	15,62	0,84	0,25
28	Стенка сосуда, зеленая	P-31/XX кв. Г—6	1968, М. Садиев	"	0,31	0,09*	4,27	15,62	1,02	0,25
29	Донце сосуда, зеленое	кв. Г—7	"	"	0,37	0,42*	4,18	15,50	0,29	0,25
30	Стенка сосуда, зеленая	P-41/XVII кв. Л—2	1968, Т. Агзамходжаев	"	0,51	1,00*	4,00	13,17	0,50	0,25
31	Ручка сосуда, зеленая	кв. Ж 2	"	"	0,44	0,21*	4,08	15,50	0,52	0,39
32	Стенка сосуда, зеленая	"	1967, "	"	0,61	0,70*	4,70	16,25	0,30	0,25
33	Ручка сосуда, зеленая	кв. З—2	1968, "	"	0,71	0,09*	4,00	14,00	0,58	0,39

№ п/п	Наименование и цвет образца	Раскоп и квадрат	Год раскопки и производитель работ	Датировка	H ₂ O	CO ₂	Σ	Аналитик
17	Донце сосуда, синеватое	з.в. I	1968, он же	X—XI вв.	0,44	—	99,87	.
18	Пиала бесцветная	.	весна 1967, он же	.	—	—	99,54	Л. Воекова
19	Стенка сосуда, бесцветная	.	.	.	—	—	99,61	.
20	Кусок стекла, зеленый	P-25/I кв. I.	май 1966, он же	.	—	—	99,44	Н. Абдукаюмова
21	Кусок донца, бесцветный	.	.	.	—	—	99,47	.
22	Кусок стекла, слабожелтый	.	.	.	—	—	99,36	.
23	Кольцевой поддон, бесцветный	.	.	.	—	—	99,47	.
24	Стенка посуды, зеленая	P-31/XX кв. Д-7	1968, М. Садиев.	IX—X вв.	0,24	—	99,71	Трест СГ.
25	.	P-31/XVII ярус V	1972, .	.	0,34	—	99,53	.
26	Стенка флакона, зеленая	P-31/XVII ярус-IV	.	.	0,10	0,20	100,25	.
27	Стенка сосуда, синеватая	P-31/XXV	1968, М. Федоров, Ш. Шарахимов	.	0,50	—	99,50	.
28	Стенка сосуда, зеленая	P-31/XX кв. Г-6	1968, М. Сади	.	0,62	—	99,87	.
29	Донце сосуда, зеленое	., кв. Г-7	.	.	0,28	—	99,32	.
30	Стенка сосуда, зеленая	P-41/XVII кв. Л-2	1968, Т. Агзамходжаев	.	0,34	—	99,45	.
31	Ручка сосуда, зеленая	., кв. Ж-2	.	.	0,24	—	99,45	.
32	Стенка сосуда, зеленая	.	1967, .	.	0,34	—	99,66	.
33	Ручка сосуда, зеленая	кв. 3—2	1968, .	.	0,24	—	99,56	.

№п/п	Наименование и цвет образца	Раскоп и квадрат	Год раскопки и производитель работ	Датировка	SiO ₂	Al ₂ O ₃	CaO	MgO	TiO ₂	
34	Стенка сосуда, зеленая	P-10-A	Ш. Шарахимов	XI в.	58,27	4,75	1,00	7,84	4,50	0,10
35	Стенка сосуда, голубоватая	"	"	"	64,20	4,36	0,65	6,72	3,10	0,10
36	Ручка сосуда, зеленая	P-22/XIX кВА-16	1976, М. Федоров	IX в.	67,01	3,58	0,69	7,25	3,11	—
37	Стенка орнаментальн. посуды, зеленая	P-24, о. Ш, к15 ур. II	1972, Ш. Ташходжаев	"	61,66	4,23	0,70	7,49	3,55	0,05
38	Донце сосуда, зеленое	P-24/VI-УПКВГ-10	1968, Я. Крикис	IX—X вв.	60,70	4,16	1,20	6,72	4,40	0,05
39	"	P-17, яIV	1966, М. Пачос	"	62,79	4,34	0,74	5,84	5,38	нет
40	Горловина графина с накладной нитью, зел.	P-6, АФ-6 И-11, XII	1959, С. Кабанов	X—XI вв.	61,63	5,64	0,86	7,40	5,07	0,09
41	Донце колбы, зеленое	"	"	"	56,11	5,36	0,90	10,60	5,47	0,09
42	" кружки "	P-8 на полу карательной комнаты	1959, М. Пачос	X в.	57,88	4,31	0,60	7,29	4,75	0,10
43	Шестигран. горлышко сосуда, синеватое	"	"	"	68,00	2,07	0,49	6,76	5,66	—
44	Фрагмент вазы, синий	"	"	"	69,39	1,08	0,32	6,88	5,63	следы
45	Фрагмент стенки, синий	Диссерт. М. Аминджановой	—	X—XI вв	62,93	2,58	1,81	8,75	0,94	CaO=0,46
46	" горлышка, голубой	"	—	"	60,40	2,49	0,82	9,10	1,06	0,17
47	Стенка вазы, лиловая с вишевым оттенком	"	—	"	62,18	0,83	1,28	8,56	4,86	0,21
48	Фрагмент ритона, желтоватый	"	—	"	63,90	1,83	1,00	8,60	3,82	0,17
49	Донце сосуда, зеленое	"	—	"	60,37	2,28	0,93	7,85	4,93	0,12

№ п/п	Наименование и цвет образца	Раскол и квадрат	Год ра колки и производитель работ	Датировка	SO ₂	MnO ₂ MnO ₃	K ₂ O	Na ₂ O	ppp	P ₂ O ₅
34	Стенка сосуда, зеленая	P-10-A	Ш. Шарахимов	XI в.	0,90	0,04	4,0	16,35	1,26	0,39
35	Стенка сосуда, голубоватая	"	"	"	0,71	0,09 ⁺	5,00	14,05	0,90	0,25
36	Ручка сосуда, зеленая	P-22/XIX квА-16	1976. М. Федоров	IX в.	—	0,04	3,96	13,0	0,95	не опр.
37	Стенка орнаментальн. посуды, зеленая	P-24, о. III, к 15 ур. II	1972, Ш. Ташходжаев	"	0,30	0,42	4,83	15,50	0,56	0,39
38	Донце сосуда, зеленое	P-24/VI-VII квГ-10	1968, Я. Крикис	IX-X вв.	0,37	0,48 ⁺	4,00	15,30	0,28	0,14
39	"	P-17, я IV	1966, М. Пагос	"	0,15	0,01	5,01	14,66	0,46	—
40	Горловина графина с накладной нитью, зеленая	P-6, Аф-6 И-11, XII	1959, С. Кабанов	X-XI вв.	—	0,21	3,34	14,37	0,96	—
41	Донце колбы, зеленое	"	"	"	0,01	0,39	3,96	15,34	1,82	—
42	" кружки, "	P-8 на полу караульн. ком.	1959, М. Пагос	X в.	0,43	0,27	5,90	16,67	2,00	—
43	Шестигран. горлышко сосуда, синеватое	"	"	"	0,32	0,98 ⁺	2,38	13,01	0,57	—
44	Фрагмент вазы, синий	"	"	"	0,25	—	1,41	15,07	0,21	—
45	Фрагмент, стенки, синий	Диссерт.	"	X-XI вв.	0,30	—	6,20	15,60	0,20	—
46	" горлышка, голубой	"	"	"	0,48	—	7,80	16,33	0,22	—
47	Стенка вазы, лиловая с вишневым оттенком	"	"	"	—	CuO-1 1,55	4,82	15,80	0,10	—
48	Фрагмент ритона, желтоватый	"	"	"	PbO- 0,43	0,41	4,80	14,90	SbO- 0,50	—
49	Донце сосуда, зелен.	"	"	"	0,28	0,37	5,34	16,23	1,21	—

№ п/п	Наименование и цвет образца	Раскоп и квадрат	Год раскопки и производитель работ	Датировка	H ₂ O	CO ₂	Σ	Аналитик
34	Стенка сосуда, зеленоватая	P-10-A	Ш. Шарахимов	XI в.	0,56	—	99,40	.
35	Стенка сосуда, голубоватая	.	.	.	0,40	—	100,13	.
36	Ручка сосуда, зеленоватая	P-22/XIX квА-16	1976, М. Федоров	IX в.	—	—	99,50	С. Джалалова
37	Стенка орнаментальной посуды, зеленоватая	P-24, о. III, к 15 ур. 11	1972, Ш. Ташходжаев	.	0,42	—	99,68	Трест С Г
38	Дно сосуда, зеленоватое	P-24/VI-VII квГ-10	1968, Я. Крикис	IX-X вв.	0,34	—	99,04	.
39	.	P-17. я IV	1966, М. Палос	.	—	—	99,37	Л. Воекова
40	Горловина графина с накладной нитью, зеленоватая	P-6, Аф-6 И-11. XII	1959, С. Кабанов	X-XI вв.	—	—	99,57	П. Прихидько
41	Дно колбы, зеленоватое	.	.	.	—	—	100,05	.
42	Кружки, .	P-8 на полу караульн. комн.	1959, М. Палос	X в.	—	—	100,20	.
43	Шестигран. горлышко сосуда, синеватое	.	.	.	—	—	100,24	З.С. Башун
44	Фрагмент вазы, синий	.	.	.	—	—	100,24	.
45	Фрагмент стенки, синий	Диссерт. М. Аминджановой	.	X-XI вв.	—	—	99,77	ГИКИ
46	Горлышка, голубой	.	.	.	—	—	99,89	.
47	Стенка вазы, лиловая с вишневым оттенком	.	.	.	—	—	100,62	.
48	Фрагмент ритона, желтоватый	.	.	.	—	—	100,48	.
49	Дно сосуда, зелен.	.	.	.	—	—	99,99	.

Таблица 2

Химические типы средневековых стекол Афгаснаба по разным раскопам

№ п/п	Химические типы стекол	Номера раскопов										Диссер- тация М. Амирд- жаковой	Общее к-во ана- лиз	Датировка
		P-23	P-25	P-31	P-41	P-10 A	P-22	P-24	P-17	P-6	P-8			
1	$\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-$ $-\text{MgO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$	1, 2, 3, 5, 6, 8, 11, 12 13, 14	15, 16, 17	24, 25, 27, 28, 29	30, 31, 32, 33,	34, 35	35	37, 38	39	40, 41	42	—	31	XI—XII вв.
2	$\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-$ $-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$	4, 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	IX—XI вв.
3	$\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-$ $-\text{SiO}_2$	9, 10	21, 23	—	—	—	—	—	—	—	43, 44	—	6	X—XI вв.
4	$\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-$ $-\text{MgO}-\text{SiO}_2$	—	19	—	—	—	—	—	—	—	—	47, 48 49	4	X—XI вв.
5	$\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-$ $-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$	—	18, 21, 22	26	—	—	—	—	—	—	—	—	4	IX—XI вв.
6	$\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45, 46	2	X—XI вв.
	Итого	14	9	6	4	2	1	2	1	2	3	5	49	

части городища в раскопе 25/1 были обнаружены остатки общественного здания, относящегося к концу IX — началу X в. Внутри данного помещения встречены стеклянные сосуды и их фрагменты, в числе которых — чернильница в виде небольшой баночки на алебастровой подставке, сосуд-поильник в виде современного чайника, тарелки, флакончики, графин и аламбик (11, с. 224—228).

В 1969 г. на площади раскопа под Музеем Афрасиаба в ямах вместе с поливной керамикой найдена стеклянная посуда IX — первой половины XI в. (12, с. 97).

Стеклянные изделия из раскопа Р-25 также были анализированы химически. В частности, анализ № 15 принадлежит образцу стекла конца X — начала XI в. Анализ № 16 относится к стеклу, выявленному Ш. Шарахимовым в раскопе Р-25/1 в квадрате Е-7/IV (под музеем). Стекло, анализ которого дан под № 17, обнаружено в 1968 г. Т. Агзамходжаевым и датируется X—XI вв. Там же найдены образцы № 18, 19 (X—XI вв.), добытые в 1967 г. Ш. Шарахимовым. Им же в данном раскопе в 1966 г. были выявлены образцы стекла № 20, 21, 22, 23.

В 1967 г. и весной 1968 г. все работы были сосредоточены в западной части городища вдоль дороги в аэропорт на территории более 600 м с севера на юг и от 40 до 80 м — с запада на восток. Раскоп вели: 31/XVII — Ю. Ф. Буряков, 31/XXV — М. Пачос, 31/XX — М. Садиев, 31/XXV — М. Н. Федоров, 41/XVI — Г. В. Шишкина, 41/XVII — Т. Агзамходжаев. Осенью 1968 г. работали в северной части Афрасиаба, к северу от цитадели, в пределах первой оборонительной стены (13, с. 268—293).

Во время раскопочных работ были выявлены фрагменты стеклянных изделий. Так, в дневнике М. Пачоса за 1968—1969 гг. говорится о находках стекла в северной части городища Афрасиаб на площади раскопа 31/XIX. Он отмечает, что «в квадрате М-8 вместе с керамикой встречено несколько фрагментов стеклянных сосудов зеленоватого цвета... По результатам археологических раскопок на Афрасиабе в течение многих лет, в доарабских слоях, стекло было редкой находкой, исходя из этого они имеют важное значение» (14, с. 8, 9). Стекло обнаружено им и в других квадратах данного раскопа — в кв. Л-5 — фрагменты стекла VIII—IX вв., в квадратах Н-8, Н-7, М-8 — донце сосуда с гофрами (IX — начало X в.), в квадрате Л-5 — ножка рюмки (IX—X вв.), в квадрате Н-7 — фрагменты сосудов (IX — начало X в.), в квадрате К-4 — два куска стекла (IX—X вв.), в квадрате К-2 — несколько осколков оконного стекла (конец XII — начало XIII в.), в квадратах 0-2, 0-9, П-9 — осколки стекла (XII — начало XIII в. (14, с. 17, 24, 25, 55, 58, 63, 67)).

Значительное количество стекла дал и раскоп 41/XVII, расположенный к северу от всех раскопов, т.е. ближе к р. Сиабу, с левой стороны от дороги в аэропорт. Раскоп ограничен с южной и западной сторон глубоким оврагом. Стекло имеется в различных квадратах данного раскопа. В квадратах Б-4, Б-5 найдено донце

сосуда диаметром 10 см (IX—X вв.), в квадрате В-4 — донце сосуда на кольцевом поддоне и стеклянная ручка (IX—X вв.). Мелкие кусочки стеклянной посуды встречены в квадрате Д-1, Д-4, А-2, А-4, А-5 (15).

Из отмеченного раскопа Р-31 анализировались образцы № 24, который был найден в раскопе Р-31/XX в квадрате Д-7, № 25 — из раскопа 31/XVII с яруса V (1972 г.), № 26 — из этого же раскопа с яруса VI (IX—X вв.), № 27 — добытый в раскопе 31/XXV, № 28 и № 29, обнаруженные в раскопе 31/XX в квадрате Г-6 и Г-7 (IX—X вв.).

Из раскопа Р-41/XVII анализу подвергались образец № 30 (квадрат Л-2, IX—X вв., 1968 г.), № 31 (квадрат Ж-2, IX—X вв., 1968 г.), № 32 (то же, 1967 г.), № 33 (квадрат З-2, IX—X вв.). Все они переданы нам для анализа Т. Агзамходжаевым.

Стеклянные изделия X—XI вв. (анализ № 34) и XI в. (анализ № 35) были выявлены на раскопе Р-10-А, заложенном в центральной части Афраснаба (ближе к дороге в аэропорт), для исследования третьей крепостной стены в ее западной и центральной частях. В 1959—1961 гг. там работал М. Н. Федоров.

На раскопе Р-22/XIX, заложенном у юго-западного угла цитадели для выяснения вопроса о водоснабжении цитадели и мечети домонгольского Самарканда (М. Федоров), в квадрате А-16, ярус IV, в бадрабе найдено стекло IX в., анализ которого дан в табл. 1 под № 36.

Находки стекла отмечались в 1972 г. Ш. С. Ташходжаевым в раскопе Р-24, (на объекте III, в комнате 15, на уровне II (анализ № 37). Ранее в квадрате 24/XVI вскрыта усадьба, принадлежавшая среднему горожанину. В данном раскопе, расположенном примерно в 50 м к северо-востоку от центрального раскопа Р-23, в бугре И. Ахраровым был вскрыт дом X—XI вв. с остатками ганчевых панелей. В том же раскопе, но в других квадратах — Р-24/VI—VII и Г-10 — в 30 м вправо от дороги в аэропорт обнаружены стекла IX—X вв., анализ одного из которых (№ 38) дан в табл. 1.

Во время исследований 1968—1971 гг. в бадрабе встречены стеклянные зеленовато-голубые сосуды, датируемые VIII — началом IX в. В ташнау найден желтоватый стеклянный сосуд с узким горлом, относящийся к XII в. (16, с. 33).

В 1966 г. М. Қ. Пачос на раскопе Р-17 в 100 м западнее центрального раскопа, где были найдены росписи, и возле третьей крепостной стены нашел стеклянные изделия, датируемые сопутствующими монетами 892—893 гг. (IX—X вв.), внутри помещения среди керамики встречены два донца стеклянных банкообразных сосудов (17, с. 2, 10, 14). В VII ярусе был найден фрагмент толстостенного сосуда. Такая толщина является необычной для средневековых стеклянных сосудов. В помещении № 1, 3 и в кухне также встречалось стекло (17, с. 27, 30, 35). Анализ одного образца из этой коллекции дается в табл. 1 (№ 39). Пере-

данные нам для химического анализа образцы № 40 и 41 обнаружены в 1959 г. С. К. Кабановым в раскопе Р-6 в северной части Афраснаба. Анализы № 42, 43, 44 принадлежат стеклам, обнаруженным М. К. Пачосом в 1959 г. в раскопе Р-8, расположенном на четвертой (наружной) стене Афраснаба. Как говорилось выше, анализы № 40—44 впервые были опубликованы в диссертации А. А. Абдуразакова (5); место нахождения образцов № 45—49, взятых из диссертации М. Т. Амнджановой (4), не указано.

В табл. I химические анализы стекол Афраснаба размещены по отдельным раскопам, начиная с наиболее крупных объектов, стекло которых анализировано в значительных количествах. Анализу подвергалось стекло более 10 раскопов, расположенных в разных частях Афраснаба. Всего химическому исследованию подвергнуты образцы 49 стеклянных изделий Афраснаба, преимущественно принадлежащие посуде. Среди анализированных образцов имеется стекло разных цветов, главным образом зеленоватое, а также зеленое, бесцветное, голубоватое, синеватое, желтоватое и других оттенков. Хронологически исследованное стекло лежит в пределах IX—XII вв.

Группируя анализы по содержанию в них главных стеклообразующих компонентов, присутствующих в стеклах, в количестве 3 и более процентов, мы составили табл. 2. Как видно из данных этой таблицы, анализированные стекла принадлежат к шести химическим типам. Преобладающее количество стекол Афраснаба — шестикомпонентное, принадлежащее к первому химическому типу. К нему относится 31 образец из 49 анализированных стекол (т. е. 63,2%). Причем данный состав обнаружен почти во всех частях Афраснаба без исключения. Обнаружение данного состава на Афраснабе — явление не случайное. Он является традиционным среднеазиатским составом, сложившимся на этой территории в раннесредневековый период. Начиная с этого времени он распространился почти повсеместно, встречается во всех памятниках Средней Азии. Обнаружение на Афраснабе стеклянных изделий, датирующихся IX—XII вв., бесспорно доказывает наличие здесь в указанное время крупного производства стекла. Причем этот состав был обнаружен нами здесь и для значительно более раннего периода — доарабского времени (VIII в.). Среди находок стекла из раскопа Р-6 в северной части городища С. К. Кабановым были найдены изделия, датируемые VIII в. (18, с. 254—255). В данной коллекции два образца из анализированных десяти также принадлежат к данному химическому типу. Следовательно, на Афраснабе данный состав применялся по крайней мере на протяжении пяти веков — с VIII по XII в.

Стекло второго состава обнаружено только на территории раскопа Р-23. Раньше в больших количествах оно найдено среди стекол Афраснаба доарабского времени (VIII в. (18)). Следова-

тельно, этот состав применялся в двух точках Афрасиаба с VIII по XI в. В других памятниках Средней Азии стекла этого состава встречаются сравнительно редко — присутствуют среди стекол более позднего времени — XI—XIII вв. в Южной Туркмении и Хорезме. Некоторое количество подобных стекол встречается в средневековых памятниках Кавказа (Орбети, Тбилиси).

Третий состав более распространен на Афрасиабе. Он обнаружен на трех объектах городища и датируется в пределах X—XI вв. Подобное стекло в небольших количествах встречалось раньше в других памятниках Самарканда (Кулдортепе, Кальтепе), Южном Таджикистане (Хульбук, Базардара) и Фергане (Кува, Ахсикет). В древности аналогичные составы вырабатывались в странах древневосточной цивилизации — Египте, Индии, Месопотамии и др.

Стекло четвертого типа, хотя и малочисленно среди стекол Афрасиаба, было широко распространено в других памятниках Средней Азии. Этот состав можно считать вторым традиционным составом, выработанным в местных стеколделательных мастерских. На других территориях стекло этого типа не встречается.

Пятикомпонентное стекло пятого типа широко распространено в других памятниках Средней Азии, а также на Кавказе. На месте его найдено мало — только в двух раскопах из десяти и оно датируется в пределах IX—XI вв.

Шестой состав встречен только в одном месте Афрасиаба; раньше стекло этого типа было найдено в Бухаре в слоях XI—XII вв. Подобное стекло в средние века (XI—XIII вв.) широко вырабатывалось в древнерусских городах (Киев, Вышгород).

На основе изложенного можно сделать следующие выводы:

открытие одного состава почти во всех частях Афрасиаба указывает на существование здесь крупного центра стекольного производства, снабжавшего стеклянными изделиями жителей всех районов города и удовлетворявшего потребности разных социальных слоев общества. Возможно, что в черте города существовал не один, а несколько центров стеколделия, но тогда все они пользовались одним и тем же рецептом и едиными сырьевыми ресурсами;

большое разнообразие химических составов в пределах одного города свидетельствует о высоком уровне местного стеколделия и хорошем знании мастерами-ремесленниками составов стекол, использовавшихся в других местах;

сходство некоторых составов стекол с составами изделий других регионов древнего мира (Египет, Индия, Месопотамия, Кавказ, Русь и др.) указывает на существование в средние века торговых, экономических и культурных связей между этими территориями и Самаркандом и о знакомстве местных мастеров-стеколделов с традициями стекольного производства других районов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Самарканд — Ташкент, 1926.
2. Шишкина Г. В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент: Фан, 1986.
3. Тереножкин А. И. Согд и Чач//КСИИМК. В. 33. М.—Л., 1950.
4. Амнджанова М. А. Средневековое стекло Мавераннахра. Автореф. канд. дисс... Ташкент, 1962.
5. Абдуразаков А. А. Химико-технологическое исследование средневековых стекол Средней Азии. Автореф. канд. дисс... Ташкент, 1963.
6. Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент: Фан, 1966.
7. Шишкин В. А. Кала и Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
8. Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.
9. Абдуразаков А. А., Камбаров М. К. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
10. Ахраров И., Абдуразаков А. А. Стекланная гиря XI—XII вв. из Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. 11. Ташкент: Фан, 1973.
11. Шарахимов Ш. Новые стеклянные сосуды с Афрасиаба//Афрасиаб. Вып. 11. Ташкент: Фан, 1973.
12. Садиев М. Археологические наблюдения на территории строительства здания Музея истории основания Самарканда//Афрасиаб. Вып. 11. Ташкент: Фан, 1973.
13. Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг.//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
14. Пачос М. К. Дневник полевых работ за 1968—1969 гг. Рукопись. Архив Института археологии АН УзССР. Инв. № 406.
15. Агзамходжаев Т. Дневник полевых работ за 1967—1968 гг. Рукопись. Архив Института археологии АН УзССР. Инв. № 336, 337.
16. Шишкина Г. В. Бухарские ворота средневекового Самарканда//Афрасиаб. Вып. 4. Ташкент: Фан, 1975.
17. Пачос М. К. Дневник полевых работ за 1966 г. Рукопись. Архив Института археологии АН УзССР. Инв. № 349.
18. Кабанов С. К. Изображение Шивы на оссуарии//СА. 1971. № 2.

М. А. РЕУТОВА, А. А. АБДУРАЗАКОВ

КОНСЕРВАЦИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ И АЛТАРЯ ИЗ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

Находка росписей на городище Афрасиаб не редкое явление. Уникальная монументальная живопись больших размеров обнаружена в разных частях городища. Среди них весьма известные росписи дворцового зала (1). Живописью покрыты стены не только зала, но и примыкающего к нему коридора. Остатки росписей обнаружены также и в северной части Афрасиаба — на территории соборной мечети и цитадели.

В 1982 г. были раскрыты и сняты росписи с раскопа Р-29 в центральной части городища. Все образцы живописи отличается реалистичность изображения сюжетов, тонкость и тщательная отделка передаваемых деталей, а также высокое художественное

мастерство живописцев. Необычайно широка палитра используемых красок — синяя, желтая, красная, черная, белая, серая и другие.

Данное сообщение посвящено описанию химических консервационных работ, проведенных по сохранению живописи и алтаря, выявленных на центральном раскопе городища Афрасиаб Х. Г. Ахунбабаевым в 1981 г. при вскрытии одного из помещений (№6), носящего, по-видимому, культовый характер. Оно датируется третьей четвертью восьмого века*.

Во время функционирования помещения роспись покрывала все его стены, о чем свидетельствуют остатки красочного слоя на

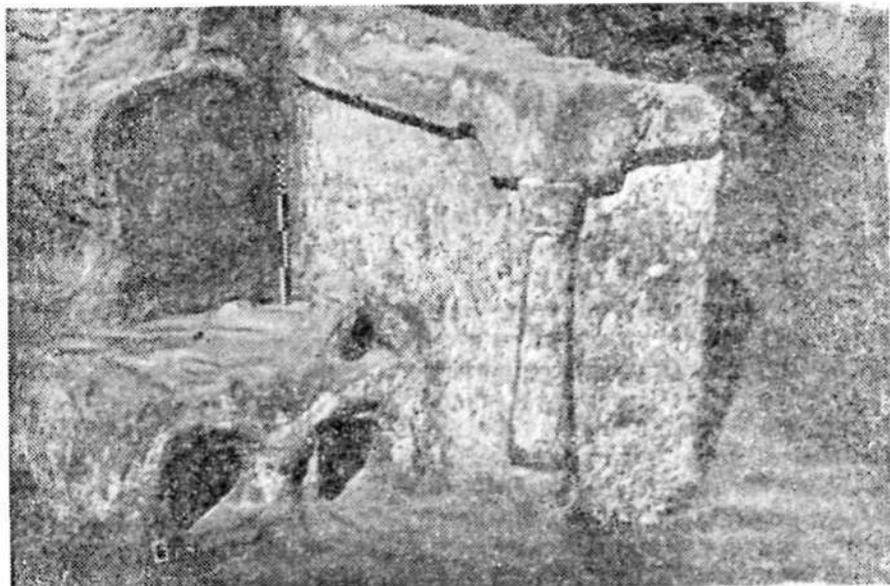

Рис. 1. Алтарь из городища Афрасиаб после консервации.

лессовой штукатурке. Однако к настоящему времени сохранилась лишь часть живописи на западной стене помещения. Ее размеры — 0,8—1,1×2,9 м.

В арсенале реставраторов, занимающихся обработкой лессовых материалов — живописи, скульптуры, резной глины и других, имеется целый ряд консервационных материалов. Среди них ставшие уже традиционными полимеры — полибутилметакрилат (ПБМА (2, с. 192)), сополимер бутилметакрилата с метакриловой кислотой (БМК-5 (3, с. 112)), различные менее универсальные

* В консервации и снятии росписи и алтаря принимали также участие сотрудники отдела химико-технологического исследования Института археологии АН УзССР Г. Ахадова, Ж. Сукасян, Г. Пулатова.

материалы — фторлон-42-Л (4, с. 52—62), кремнийорганическая смола К-15/3 (5, с. 57), полиуретановая смола УР-91 (6, с. 117—125), водная дисперсия сополимера винилацетата и 2-этилгексаакрилата (ВА — 2ЭГА (7, с. 42—54)).

Учитывая универсальность свойств ПБМА, простоту работы с ним в полевых и лабораторных условиях, решено было провести консервацию настенной живописи на основе его растворов.

Перед закреплением живопись тщательно расчищалась от лессовых наслоений. Красочный слой сначала многократно пропитывался 15%-ным раствором ПБМА (н. в.) в м-ксилоле, а затем несколько раз 20%-ным ацетоновым раствором ПБМА для создания упрочняющего полимерного слоя. Края росписи укрепили 25%-ным раствором ПБМА в ацетоне.

После окончательного отверждения смолы, на поверхность красочного слоя с помощью 20%-ного раствора ПБМА был наклеен один слой марли. Закрепленная живопись приобрела некоторую механическую прочность, что позволило разрезать ее на куски и снять со стены.

Тыльная сторона фрагментов была тщательно расчищена от незакрепленного слоя штукатурки, пропитана 20%-ным раствором ПБМА (н. в.). После просушки на нее был нанесен слой искусственной обесоленной штукатурки толщиной 3—4 см. Для придания дополнительной прочности и эластичности раствором ПБМА на тыльник был приклеен слой марли. После сушки фрагменты живописи были готовы к транспортировке и проведению консервационных работ в лабораторных условиях.

Роспись, обнаруженная в помещении № 6, по сравнению с прежними находками живописи отличается схематичностью изображения и ограниченностью красочной гаммы.

Сюжет живописи представляет собой сочетание растительного и геометрического орнаментов. Для ее написания использованы в основном два цвета красок — желтый и красный, с подавляющим преобладанием последнего. Это минеральные краски, в основе которых лежат охры с различным содержанием окиси железа.

Определенная отличительная особенность имеется и в технике исполнения живописи.

В отличие от многих образцов росписей Афраснаба, где красочный слой имел ганчевую основу, росписи помещения № 6 наносились на лессовую подгрунтовку. Материалом для нее служила тонкая обмазка из хорошо отмученной глины. Лессовая основа очень ровная, без грубых включений частиц, представляет собой твердую, однородную и плотную массу. Материал грунтовки значительно отличается от материала штукатурного слоя, рыхлого из-за добавления в его состав для армирования изрубленной соломы. Толщина данного слоя 20—23 мм.

Благодаря однородности материала, легкой растворимости массы водой, везде наблюдалось прочное сцепление слоев штукатурки друг с другом и с кладкой стены.

Всю левую часть росписи занимает изображение куста граната. Ствол куста заканчивается внизу окружностью, нарисованной красным цветом, с точками внутри ее. Это, по-видимому, или схематичное изображение сосуда, или стилизованное изображение корней растения. С каждой стороны от ствола расположено по 4 длинных ветви, каждая из которой венчается крупным плодом граната, диаметр которого 7—8 см. Ствол, ветви и плоды нарисованы красной краской. Листья на ветвях очень маленькие по сравнению с размерами веток, длиной около 2 см. Нарисованы они светло-желтой краской и едва различимы.

В центре росписи — сочетание геометрического и растительного орнаментов. Геометрический орнамент представляет собой стилизованное изображение ниш с прямым и полукруглым сводом. Растительный — гирлянды из цветов и листьев. В целом композиция образует прямоугольники. Рисунок выполнен контурными линиями, сплошных окрасок здесь не наблюдается.

С правой стороны сюжетная композиция заканчивается изображением второго куста граната, сохранившегося частично.

Уникальной находкой в помещении был алтарь, сложенный из пахсовых блоков и состоящий из тамбурной стенки, подиума и росписи, расположенной над подиумом (рис. 1).

Обычно подобные находки из лессовых материалов закреплялись полимерными клеями. Например, в 1971 г. была осуществлена консервация алтаря огня на городище Афрасиаб с помощью ацетонового раствора ПБМА (9, с. 49). Реставрацию колонны из Еркургана (10, с. 3) осуществляли кислотным раствором ПБМА различных концентраций.

Однако, как известно, растворы ПБМА, введенные в больших количествах для получения прочной укрепленной структуры лесса, сильно затемняют фактуру. Кроме того, на поверхности образуется слой блестящей полимерной пленки. Это приводит к необходимости отгонки полимера внутрь материала. Данный процесс осуществим для образцов с небольшим объемом и массой. Поскольку алтарь решено было снять целиком, разрезав на несколько крупных блоков, обладающих значительным весом (до 70 кг), то необходимо было использовать метод консервации, который исключал бы операцию по отгонке полимера и в тоже время обеспечил более высокую прочность закрепляемого объекта. В предыдущие годы для консервации крупных сырцовых сооружений — жилых помещений, оборонительных стен использовали метод с применением диизоцианатов, который дал положительные результаты (11, с. 186—190). Однако для консервации объектов, подобных алтарю, он не использовался.

Поэтому предварительно в лабораторных условиях была проведена экспериментальная работа на образцах идентичных составов. В результате были определены концентрации консервантов, отработана технология обработки алтаря, определены физико-механические показатели закрепленных образцов.

Для получения сравнительной характеристики фактуры образцов до и после закрепления на спектрофотометре СФ-14 измерялись коэффициенты отражения закрепленных материалов в длинах волн от 400 до 750 нм (табл. 1).

Для изучения оптических свойств закрепляющих консервантов образцы были пропитаны сначала по отработанной технологии водными растворами спиртов — этиленгликоля, диэтиленгли-

Значение коэффициентов в фиксируемых точках длин волн до и

Название спирта	Коэф. отражения образцов, %	Длина						
		400	420	440	460	480	500	520
Этиленгликоль	K ₁	3,9	3,9	3,8	3,6	3,5	3,4	3,2
	K ₂	3,5	3,7	3,6	3,4	3,4	3,4	3,4
	K ₃	0,4	0,2	0,2	0,2	0,1	0	0,2
Глицерин	K ₁	3,9	3,9	3,8	3,6	3,5	3,4	3,2
	K ₂	1,9	1,6	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4
	K ₃	2,0	2,3	2,4	2,2	2,1	2,0	1,8
Диэтиленгликоль	K ₁	3,9	3,9	3,8	3,6	3,5	3,4	3,2
	K ₂	3,5	3,3	3,0	2,9	2,9	2,8	2,7
	K ₃	0,4	0,6	0,8	0,7	0,6	0,6	0,5

Примечание: K₁ — коэффициент отражения образца до пропитки, K₂ — коэффициент отражения.

коля и глицерина соответственно, а затем ксилольным раствором диизоцианата в присутствии катализатора. После проведения полимеризации измерялись коэффициенты отражения.

По результатам, приведенным в табл. 1, видно, что наиболее близкие к незакрепленному сырцу коэффициенты отражения получаются у образцов, обработанных с помощью растворов этиленгликоля и диизоцианата. Предлагаемые консерванты хорошо проникают вглубь пахсы — до 1,5 см (растворы ПБМА закрепляют до 0,3—0,4 см). Достигается значительная прочность лессовой структуры, которая более чем в 5 раз превышает прочность незакрепленного образца и составляет 54,7 кг/см².

В результате проведенных исследований был определен метод консервации алтаря.

Химическая обработка его проводилась следующим образом: после тщательной расчистки он был обработан сначала водным раствором этиленгликоля, а затем раствором диизоцианата в присутствии катализатора — триэтиламина. После обработки консервантами поверхность сырца не только хорошо сохраняет фактуру, но значительно повышается ее устойчивость к внешней среде.

Реакции полимеризации с участием многоатомных спиртов прошли в полевых условиях без особых осложнений. Температура воздуха и солнечные лучи вполне обеспечили необходимую скорость и прочность закрепления сырцового объекта, что дало возможность успешно перенести алтарь в Музей истории основания города Самарканда — Афрасиаб и отреставрировать его для экспозиции.

Таблица 1

после закрепления образцов растворами гликолей и диизоцианата

волны, мм										
540	560	580	600	620	640	660	680	700	720	740
3,0	2,8	2,6	2,5	2,5	2,5	2,5	2,4	2,4	2,4	2,4
3,3	3,1	3,0	3,0	2,9	2,8	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7
0,3	0,3	0,4	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
3,0	2,8	2,6	2,5	2,5	2,5	2,5	2,4	2,4	2,4	2,4
1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2
1,6	1,4	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2	1,2
3,0	2,8	2,6	2,5	2,5	2,5	2,5	2,4	2,4	2,4	2,4
2,6	2,5	2,3	2,3	2,2	2,2	2,2	2,2	2,1	2,1	2,1
0,4	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3

K_2 —коэффициент отражения образца после пропитки, K_3 —изменение коэффи-

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
2. Костров П. И. Техника живописи и консервации росписей древнего Пянджикента//Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.
3. Иванова А. В. Укрепление фрагментов живописи на лессовой основе сополимера БМК-5//Сообщения ВЦНИЛКР. Вып. 27. М., 1972.
4. Соколовский В. М., Виноградова В. П. Применение фторлона Ф-42Л при реставрации росписей из Шахристана//Художественное наследие. М., 1975. № 1(31).
5. Дорофеев А. Д. Применение кремнийорганической смолы К-15/3 при консервации и реставрации фрагментов живописи на лессовой основе из Кара-тепе//Художественное наследие. М., 1978. № 4(34).
6. Иванова А. В., Рузавин Ю. А. О возможности применения полиуретановой смолы УР-19 для закрепления живописи и скульптуры на лессовой основе//Сообщения ВЦНИЛКР. Вып. 28. М., 1973.
7. Иванова А. В., Лелекова О. В., Филатов В. В. Подбор материалов и разработка методов укрепления росписи стен мавзолея Гур-Эмир//Сообщения ВЦНИЛКР. Вып. 21. М., 1968.
8. Абдуразаков А. А., Камбаров М. К., Ильхамов Ш. Консервация алтаря огня на Афрасиабе//ОНУ. 1971. № 4.
9. Абдуразаков А. А., Лебедева Т. И., Рузанов В. Д., Ильхамов Ш. Реставрация колонны из Ер-жургана//Реферативный сборник. Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Вып. 1. М., 1976.
10. Абдуразаков А. А. Реставрационные работы на археологических памятниках Узбекистана//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОБРАБОТКИ РОСПИСЕЙ БАЛАЛЫКТЕПЕ

Археологические исследования, проводимые на Балалыктепе (Сурхандарьинская область) под руководством Л. И. Альбаума в 1953—1955 гг., привели к открытию уникальных образцов стеновых росписей, интересных в научном отношении как памятник искусства и культуры народов Средней Азии эпохи раннего средневековья.

Балалыктепе расположено в 2 км к востоку от дороги, проходящей из Термеза в Ангор, не доезжая 4 км до последнего, на территории колхоза им. Куйбышева.

При раскопках в 1953 г. на стенах одного из помещений памятника — № 14 — были обнаружены фрагменты живописи. Из-за отсутствия специальных материалов по фиксации монументальной живописи раскопки, проводимые в настоящем помещении, были приостановлены и продолжены осенью 1955 г. (1, с. 105—106).

Исследователями было установлено, что комната в плане квадратная, длина каждой стены 4,85 м. Все четыре стены помещения были расписаны. Росписи в основном повреждены в нижней и верхней частях стен. На остальной поверхности видны отдельные выпадения красок, потертости и следы копоти. Все это затрудняло расшифровку отдельных деталей рисунка, но, судя по снятым копиям, общая композиция читалась хорошо.

В специальной работе, основанной на результатах раскопок замка Балалыктепе и посвященной настенной живописи эпохи раннего средневековья, Л. И. Альбаум отмечает: «для закрепления росписей был применен тот же материал, что и при фиксации живописи Пенджикента и Варахши, т. е. синтетическая смола полибутилметакрилат (ПБМА), растворенная в ксилоле» (2, с. 193). В монографии отсутствуют подробное описание закрепительных операций и достоверные сведения об использованных консервантах. Спустя многие годы со дня закрепления росписей трудно было что-либо предпринять без дополнительных научных исследований (3, с. 147—156).

Реставрация монументальной живописи предусматривает два основных этапа — работа в полевых условиях и в лаборатории. При изучении состояния найденных росписей нам в первую очередь нужно было установить процесс ее консервации в полевых условиях.

Исходя из ссылки автора и изучая состояние росписей, можно установить, что в полевых условиях проводилась расчистка живописи, закрепление, копирование и снятие росписи со стены. Живопись снимали отдельными небольшими фрагментами. Излишек лесса с обратной стороны удаляли, оставляли лишь чистый

слой штукатурки — около 3 мм, который в свою очередь пропитывали закрепителем. После этих работ фрагменты были упакованы для перевозки.

Уже позднее в лаборатории реставрации института изнаночная сторона росписей была покрыта трехмиллиметровым слоем мастики, приготовленной из смеси обессоленного лесса с 20%-ным раствором ПБМА на ацетоне, и заклеена марлей с помощью 20%-го раствора ПБМА на ацетоне.

Из всех фрагментов стенной росписи из замка Балалыктепе нами был выбран фрагмент № 14 ввиду его плохой сохранности*. В 1983 г. он был доставлен в лабораторию научной реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа для совместного изучения и реставрации. Фрагмент № 14 (размерами 68×87,5 см) был снят с южной стены помещения, где изображена сцена пиршества.

Поверхность росписи при поступлении на реставрацию была покрыта очень толстым слоем смолы. Имелись мелкие и глубокие утраты красочного слоя и части штукатурки. Справа вверху фрагмента от угла проходила широкая трещина. Имелись деформации штукатурки в виде помятостей. Красочный слой толстый, он полопался и имел чешуйчатую фактуру; чешуйки — вогнутой формы.

Изображение читалось с большим трудом, вся поверхность живописи была покрыта черным слоем копоти. Имелись потертости красочного слоя. Особенно их много в нижней части росписи, где красочный слой стерт до грунта по всему нижнему краю. Потертости видны и на некоторых местах изображения в пределах контуров изображаемого предмета. На росписи наблюдаются незначительные лессовые загрязнения.

Реставрационные работы над фрагментом велись по программе, составленной в соответствии с его состоянием. Она была принята на специальном совещании членов реставрационной комиссии лаборатории научной реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа.

Наличие чрезмерно толстого слоя полибутилметакрилата (ПБМА) на поверхности красочного слоя требовало длительного пребывания его в закрытой камере в парах ксилола для удаления полимера с поверхности (угонки его в глубину штукатурки) с последующей замедленной сушкой. Полимерная пленка начала растворяться и уходить внутрь штукатурки, начиная с третьей недели. Такое медленное растворение акрилата объясняется тем, что лицевая поверхность фрагмента покрывалась в полевых условиях раствором ПБМА высокой вязкости и очень высокой концентрации. Акрилат неравномерно растворялся в парах кси-

* Первоначально данный фрагмент был подвергнут реставрации в лаборатории Государственного Эрмитажа. В этой работе приняли участие Е. Г. Шейнина, Т. С. Василенко.

лола, местами он уходил полностью в штукатурку, местами оставался, образуя вязкие «лужи».

После того как роспись была освобождена от толстого слоя ПБМА, приступили к устранению деформации штукатурки, выравниванию неровностей. Затем проводилось тщательное обследование состояния красочного слоя живописи под микроскопом.

В ходе работ с этой росписью пришлось столкнуться с особыми трудностями. Всякая клеевая живопись на лессовой основе, закрепленная в полевых условиях ксилольным раствором ПБМА с нанесением на поверхности ее защитного слоя из ацетонового раствора ПБМА, после удаления излишков последнего с поверхности живописи в парах ксилола становится светлой и приобретает фактуру клеевой живописи (4, с. 22).

Роспись же из Балалыктепе осталась очень темной с равномерным блеском на всей поверхности, хотя ПБМА был удален. По состоянию и виду она была похожа на потемневшую масляную живопись. Красочный слой изрезан густой сетью пересекающихся трещин (кракелюр) с приподнятыми краями («корытца») от действия какого-то сильного поверхностного закрепления. На каждом цвете лежал одинаковый черный слой. Все это мешало просмотру и искажало четкость линий рисунка. Чернота была очень жирной и трудно снимаемой, поэтому ее расчистку желательно было вести механически, т. е. с помощью острого скальпеля и под микроскопом.

На отдельных участках росписи в процессе расчистки стал выявляться цвет краски. Так, например, при расчистке третьей фигуры выявилась коричневая охра.

Необходимо было подобрать такой растворитель или состав смеси растворителей, которые максимально способствовали бы устранению черноты и в то же время не действовали бы на красочный слой. Для этого необходимо было установить состав черного покрытия, так как практика реставрационных работ ни в Эрмитаже, ни у нас не сталкивалась с такого рода покрытиями.

Сначала были проведены некоторые эксперименты по расчистке росписи с помощью растворителей и их смесей. Были сделаны пробы расчистки перхлорэтиленом (ПХЭ), слегка размягчающим копоть, но и раскрепляющим красочный слой, состоящий из мельчайших кракелюр, которые начинали смещаться, вызывая опасность повреждения красочного слоя. Был произведен химический анализ черного покрытия. Исходя из его результатов, сотрудники химической лаборатории Государственного Эрмитажа предложили следующую смесь растворителей:

глицерин, вода	1:1
желатин	0,01% (30% в воде)
аммиак или изопропиловый спирт	2–3 капли

Обработка различными растворителями и их смесью не давала желаемого результата. Смачивание такой смесью не растворяет

черноту, а слегка размягчает, проводить такой способ расчистки было рискованно для красочного слоя.

При вторичном более детальном химическом исследовании анализ показал присутствие на поверхности живописи поливинилбутираля (ПВБ), сахарозы, смолы и БФ (7), вызвавших потемнение и растрескивание красочного слоя. Была рекомендована расчистка поверхности живописи с помощью горячей воды, ацетона и спирта. Данный метод, впервые использованный в реставрационной практике, дал положительный результат.

Первоначально определенный участок расчищался ацетоном с целью удаления возможных остатков смолы ПБМА. Затем проводилась расчистка спиртом остатков ПВБ. И, наконец, прикладывался горячий водный компресс (распарка) к подготовленному участку, затем — полиэтиленовая пленка с несколькими слоями марли, потом — горячий утюжок. После снятия компресса размягченный черный слой расчищался с помощью ватного фитилька, смоченного в кипятке.

Расчистка, проводимая таким способом, безвредна для красочного слоя и намного ускоряет темп работы.

Расчистка лицевой стороны живописи, восстановление ее красочного слоя требовали особой тонкости и осторожности, достичь которых можно было, лишь работая с микроскопом, причем стали проявляться некоторые детали рисунка, которые ранее невозможно было заметить.

Итак, в результате исследований было установлено, что черное покрытие представляет собой смесь копоти от светильников, используемых древними жителями, и полимеров, нанесенных на росписи 28 лет тому назад.

Таким образом, нам удалось путем специально разработанных реставрационных операций выявить оптимальный путь расчистки балалыктепинских росписей и вернуть науке образец древней живописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбаум Л. И. Балалыктепе. Ташкент, 1960.
2. Костров П. И. Техника живописи и консервации росписей древнего Пянджикента//Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.
3. Шейнина Е. Г. Консервация и реставрация стеновых росписей древнего Пянджикента//МИА СССР. М.—Л., 1953. № 37.
4. Абдуразаков А. А., Камбаров М. К. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, Д. МИРЗААХМЕДОВ, Е. НЕКРАСОВА

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НАСТОЛЬНЫХ ИГРАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУХАРЫ

При археологических исследованиях шахристана Бухары близ купола ювелиров в 1977 г. сотрудниками Бухарского отряда

Института археологии АН УзССР в слое бадраба с фрагментами керамики и стекла был найден комплект фишек и игральные кости (рис. 1).

Комплекс по фрагментам керамики, стекла*, а также саманидской монете, датируемой третьей четвертью X в. (определение Б. Д. Кочнева), может быть отнесен к середине — второй половине этого столетия. Судя по остаткам полусгнившей ткани, комплект в момент попадания в бадраб находился в матерчатом мешочке и состоял из 24 фишек и четырех игральные кости

Рис. 1. Комплект фишек и игральные кости из раскопа близ Мир-Араба.

костей, сильно разрушенных из-за долгого лежания в кислотной среде. Все фишки — из кости желтовато-коричневого цвета; овальной, приближающейся к кругу формы с рельефными круговыми резными линиями по тулову. Основание — плоское, полусферическая верхняя часть оформлена в виде вписанных одна в другую трех рельефных кругов. Высота сохранившихся образцов варьирует в пределах 3,1—3,8 см с преобладанием 3,5 см. Размеры овального основания соответственно 3,1—3,4×2,8—3,1 см с преобладанием 2,8×3,1 см. Некоторые колебания в размерах между отдельными образцами фишек, видимо, объясняются не только отсутствием необходимости их одинаковости, но и длительным и

* Отдельные образцы стеклянных изделий, происходящих из данного комплекса, были предварительно опубликованы в печати (1, фиг. 12, 14).

интенсивным использованием фишек в быту. При этом, исходя из структуры кости (бивня слона или носорога), разрушение фишек происходило в виде отслаивания кружочков разной толщины*. В результате разрушения одни фишки понизились в большей, другие в меньшей степени. На факт длительного использования и интенсивного прижизненного разрушения фишек указывают также следы ремонта на одной из них в виде медного стержня, стягивавшего ее изнутри от верхнего края к основанию. В комплект с фишками входят две одинаковые по размерам (1,7×1,9 см) игральные кости, изготовленные

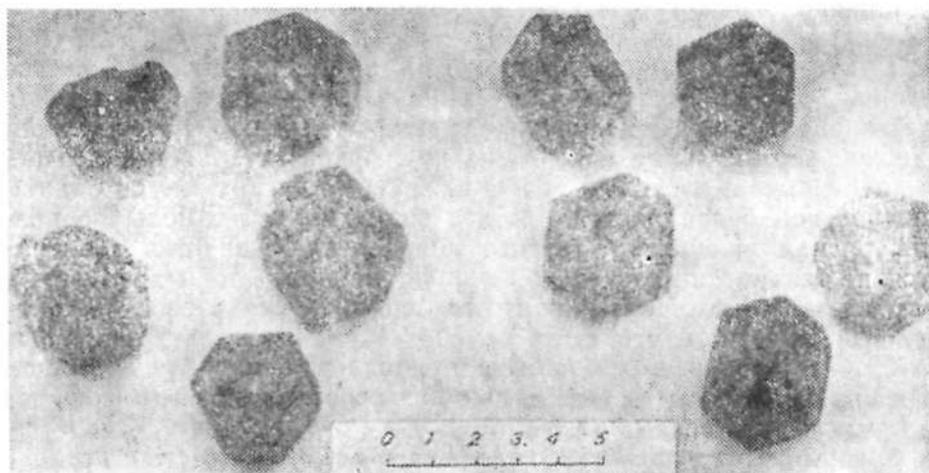

Рис. 2. Комплект фишек для нард из разреза стены Арка Бухары.

из того же материала и имеющие нанесенные на гранях цифровые знаки от одного до шести. Они выполнены вписанными один в другой в пунсонной технике кружочками, заполненными сохранившейся на отдельных из них ярко-красной краской. Две другие игральные кости почти вдвое меньше по размерам, видимо, являлись запасными. Первая зеленоватого цвета, сделана из нефрита (1×1 см), вторая имеет металлическую основу (возможно, свинцовую), обложенную поверху потемневшей от времени костяной пластиной (1,1×1,2 см). Судя по различию в материалах и размерах как с двумя первыми, так и между собой, эти игральные кости, видимо, являются остатками несохранившихся комплектов.

Другая группа игровых фишек была найдена в 1978 г. при проведении разреза крепостной стены и стратиграфии Арка Бухары (рис. 2). Они также были зафиксированы в бадрабе на

* Данные реставраторов о том, «что каждая фигурка собрана из отдельных костяных округлых пластин диаметром около 2 см и толщиной 0,3 см, соединенных между собой клеящим веществом», при нашем обследовании не подтвердились (2, с. 132).

сравнительно небольшом отрезке слоя в разбросанном виде, что может указывать на единовременность их выброса. Судя по полученному из ямы комплексу поливной и неполивной керамики, стекла и саманидской монете середины X в. (определение Э. В. Ртвеладзе), обе группы фишек можно считать принадлежащими к одному и тому же времени. Второй набор был выполнен из гагата густо-черного цвета и состоял из 12 целых и нескольких полностью разрушенных образцов, сохранившихся в мелких фрагментах. Фишки имеют шестигранное основание, постепенно переходящее в конусовидное завершение. Высота их колеблется в пределах 3,2—3,6 см. Размеры оснований по грани также неодинаковы — от 2,4 до 3,3 см, как неодинаковы и размеры граней на каждой отдельной фишке.

Судя по сохранившимся образцам, фишки делятся на две группы: орнаментированные и неорнаментированные. На грани шести образцов нанесены поднимающиеся цепочкой от основания сверху вертикальные пояски из кружочков с точкой в центре, выполненные в пунсонной технике. Углубления кружочков залиты контрастной белой пастой. Плохое состояние даже целых образцов, раскалывающихся в разных направлениях, видимо, объясняется не только интенсивным использованием, но и хрупкостью материала, из которого они изготовлены. Беруни в своей «Минералогии» отмечает, что «этот камень «сабадж» (гагат) глянцевитый, очень мягкий и легкий... не принадлежит к числу драгоценных камней, и бусы из него самые низкосортные, так что их надевают на шею и ослам» (3, с. 186).

Говоря о группе фишек, найденных в мешочке вместе с игральными костями, можно определенно утверждать, что это целый или относительно целый комплект. Единственный вопрос, возникающий в связи с ним, это отсутствие признаков разделения между фишками, что является обычным в игре между партнерами. Это, видимо, объясняется тем, что половина фишек имела натуральный светлый цвет, а вторая, по крайней мере в верхней части, могла быть окрашена. Окраска, по всей видимости, сошла в кислотной среде бадраба. На подобный факт может указывать и то обстоятельство, что красная краска плохо сохранилась даже в углублениях для знаков на игровых костях*.

Вторую группу фишек можно назвать комплектом лишь условно, так как здесь отсутствуют игральные кости и количество фишек почти вдвое меньше первого набора. Нет никакого сомнения в том, что обе группы находок представляют собой какую-то или какие-то очень популярные в народной среде настольные игры. В замечательных произведениях средневекового устного народного творчества, занимательной и поучительной прозе таковыми выступают шахматы и нарды (4, с. 236—239; 5, с. 67; с. 236;

* Факты окраски фигур противников в разные цвета (в частности, красный и белый) встречаются в отдельных источниках (4, с. 236).

7, с. 169). Отсутствие других фигур, кроме простых фишек, ставит под сомнение вывод о том, что мы имеем дело с шахматами. Это утверждение может быть более доказательным для целого или относительно целого первого комплекта. Во втором, неполном комплекте фишки могли быть и пешками в шахматной игре. Косвенное подтверждение этому мы находим в данных Бериуни, посвященных горному хрусталу (буллуру). «По правилам, пешки для шахмат вытачивают шестигранные, а для нарда — круглые» (3, с. 175). Казалось бы, полная увязка этих сведений с нашими материалами опровергается другим сообщением: «удивительно, какие встречаются у хрустала естественные формы!... в окрестностях Варзфанджа... нашел среди камней (куски хрустала), похожие на пешки нарда и шахмат, восьмигранные и шестигранные, точно выточенные искусственно» (3, с. 174). Бериуни говорит не только об изготовлении из горного хрустала шахматных фигур, но и пешек для нарда, напоминающих по форме изображение собак (3, с. 172). В связи с этим очень интересны находки небольших глиняных столбиков с уплощенным основанием и головкой, напоминающей морду собаки. А. М. Беленицкий считает их фигурками для нардов (8, с. 90). Он отмечает по этому поводу: «не является ли данное название для времени Бериуни (XI в.) отголоском более раннего периода, когда пешкам названной игры придавали форму этого животного? На это указывают также приводимые им описания, по которым в его время пешки для нарда имели простые геометрические формы» (9, с. 130).

Таким образом, исходя из данных Бериуни, а также вышеприведенных материалов археологических исследований, можно с определенностью говорить о том, что хотя и существовали общие правила по форме пешек шахмат и нарда, но они, видимо, строже соблюдались в более ранние периоды или при изготовлении дорогих долговечных комплектов. В случаях же, когда комплекты изготавливались из менее дорогих материалов или требовалась их максимальная дешевизна, они, видимо, выполнялись в более упрощенных вариантах.

Некоторому прояснению вопроса по назначению фишек второго комплекта могут служить обстоятельства находки, выявленной в разрезе крепостной стены Арка. Топографически здесь могли располагаться казармы для солдат, охраняющих крепостную стену. Это подтверждается не только материалами Арка Бухары периода позднего феодализма (10, с. 137—138), но и археологическими исследованиями на Арке домонгольского Ахсикета (11, с. 70). Нарды, видимо, все же были более популярны и доступны в народной среде, в эту игру вполне могли играть солдаты в свободное от караульной службы время. С другой стороны, кажущаяся близость фишек второго комплекта, число которых приближается к 16, то есть количеству шахматных пешек, может быть приемлема только в том случае, если фигуры были

выполнены из другого, более долговечного материала. Хотя мы и не исключаем этого, но и не считаем такой вариант более достоверным. Фишки из гагата — мягкого, хрупкого и очень дешевого материала — были предназначены для представителей просто-народья, вытачивать из этого материала сложные шахматные фигуры было бы по крайней мере нерационально.

Одним из вопросов, требующих решения, видимо, являются обстоятельства, при которых оба комплекта могли оказаться в бадрабе. Даже при том, что комплекты из-за длительного использования подверглись разрушению или были утеряны отдельные фишки, они вполне могли использоваться в детских играх. С определенной долей уверенности можно утверждать, что первый комплект попал в бадраб не случайно, а был выброшен преднамеренно. Отметим, что нарды, как и шахматы, в средние века относились к азартным видам игр. Игра обычно велась на всевозможные ставки, при несдержанности партнеров могла закончиться трагически для некоторых из них. Поэтому на родине шахмат и нард — в древней Индии — игроки наряду с фальшивомонетчиками, гадалками, обманщиками, взяточниками и продажными женщинами причислялись к открыто действующим вора́м, похищающим чужое имущество (12, с. 241). Классическая мусульманская традиция также относится к ним отрицательно, в хадисах игра в нарды сравнивается с прикосновением к свинине, что является нарушением одного из основных запретов мусульманства.

Со временем теологи примирились с шахматами: «если постоянно не грозит опасность убытка, а молитве пренебрежение, то тогда игра в шахматы приятное занятие двух друзей» (13, с. 323). Более азартная игра — нарды — называлась порождением сатаны наряду с бегами ослов, псовой охотой, бараньими и петушиными боями (13, с. 324). Тем не менее, большое количество находок на территории Средней Азии игральных костей различных форм (14, с. 313, рис. 22; 15, с. 175, рис. 39; 16, рис. 33; 17, с. 108, рис. 1), вероятность существования общественных помещений, где играли в кости (18, с. 200), игорных притонов на Ближнем Востоке (13, с. 325), а также частые упоминания о шахматах и нардах в поэзии и устном творчестве народов мусульманского Востока указывают не только на их широкое бытование, но и исключительно азартный их характер. В книге назиданий «Кабус-наме» Кейкавус посвятил специальный раздел предостережениям и советам юношам при игре в нарды и шахматы (19, с. 105).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев К. Стекланные изделия X—XII вв. из Бухары// ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
2. Реутова М., Ильхамов Ш., Абдуразаков А. А. Реставрация древних игральных фишек из Бухары//ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.

3. Абу-р-Райхан ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Л., 1963.
4. Тысяча и одна ночь. Т. 7. Душанбе, 1984.
5. Самак-айар. Кн. 1. М., 1984.
6. Мухаммад аз-Захири Ас-Самарканди. Синбад-наме. М., 1960.
7. Абу Али аль-Мухассин ат-Танухи. Занимательные истории и примечательные события из рассказов собеседников. М., 1985.
8. Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г.//Тр. Института истории АН Таджикской ССР. Т. 27. Душанбе, 1961.
9. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
10. Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972.
11. Усманова З. И. Работы кафедры археологии ТашГУ по археологическому изучению городища Ахсикет//Материалы по археологии Средней Азии. Ташкент, 1983. № 707.
12. Вигасин А. А. «Меры против воров» в «Нарадасмрити». Древняя Индия. М., 1985.
13. Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1973.
14. Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.//МИА. М.—Л., 1964. № 66.
15. Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг.//МИА. М.—Л., 1964. № 124.
16. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.
17. Салтовская Е. Д. О резных костных предметах первых веков нашей эры из Ашта (Древняя Фергана)//Известия АН Таджикской ССР. Вып. 2 (52). Душанбе, 1968.
18. Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента//МИА. М.—Л., 1958, № 66.
19. Кабус-наме. М., 1958.

Х. Г. АХУНБАБАЕВ

ОБ ОДНОМ СОГДИЙСКОМ ОБЫЧАЕ

С 1978 г. в центральной части городища Афрасиаб, в пределах его третьей крепостной стены, нами были возобновлены раскопки на объекте Р-23 («центральный раскоп»). В 1965—1975 гг. раскопки на этом участке проводились целым рядом исследователей. Результатом работ явилось вскрытие (неполное) дворца самаркандских правителей третьей четверти VII в. н. э. с уникальными настенными росписями (1, с. 12—22; 2, с. 83—89; 3). На участке севернее дворца изучались остатки квартала Гончаров X—начала XI в. (4, с. 60—103). Основным направлением наших исследований явилось изучение руин аристократического квартала раннесредневекового Самарканда, сложившегося на этой территории (согласно археологическим и нумизматическим данным) в последнем десятилетии VII в. Квартал был построен на развалинах дворцового комплекса предшествующего периода. В полевые сезоны 1978—1985 гг. нами была полностью выявлена планировочная структура трех крупных домовладений и частично — двух. Вскрыт участок уличной магистрали, ограничивавшей квартал с востока. Подробное рассмотрение планировки этих

строений не входит в задачу данной работы, укажем лишь, что структурно каждое домовладение делилось как бы на три части: парадную, жилую и хозяйственную. Первая располагалась на первом этаже и состояла из обширного коридора-кулуара, парадного квадратного зала (площадь залов в исследованных домовладениях составляла 51,5; 60 и 81 м²) и примыкавшего к залу домашнего святилища. Жилая часть располагалась, как правило, на втором этаже (строения второго этажа почти не сохранились). Хозяйственные помещения находились как на первом, так и на втором этажах.

В полевом сезоне 1980 г. при раскопках парадной части двух смежных домовладений (дома 2 и 4) нами были найдены две интересные согдийские бронзовые монеты. Первая относится к эмиссии согдийского царя Тукаспадака (696—698 гг.), была найдена в проходе в квадратный зал (помещение 4) дома 4. Монета находилась под истлевшими остатками деревянного бруса порога (внешнего со стороны кулуара), в гнезде, вырубленном в западной щековой стене прохода*. Вторая относится к эмиссии согдийского царя Тархуна (700—710 гг.), была найдена также в гнезде внешнего бруса порога в восточной щековой стене прохода в парадный зал (помещение 5) дома 2. Следует отметить, что первая находка сделана под первоначальным бруском порога, т. е. относится ко времени сооружения дома. Вторая же монета найдена в гнезде бруса, относящегося к одному из ремонтных периодов, когда дом уже был обжит. Место нахождения этих двух монет исключает их случайное попадание, скорее всего они были положены в гнезда порогов преднамеренно, еще до установки деревянных конструкций входных проемов. Кроме того, монеты не имеют следов потертости, т. е. очень мало или почти не были в обращении. В поисках аналогичных находок мы обратились к результатам раскопок на городище Пенджикент, где наиболее полно к настоящему времени изучен облик согдийского города предарабского времени. Оказалось, что такие находки известны и в древнем Пенджикенте. В частности, при раскопках помещения 21 в составе пятого комплекса объекта VI в проеме выхода на улицу, в пазу от деревянного порога была найдена монета согдийского царя Вархумана (650/55 — не позже 675 г. (6, с. 151—152, приложение 1)). Монета пенджикентской царицы (первая четверть VIII в.) была найдена на дне ямки у северной стены прохода в помещение 1 на объекте XIV, такая же ямка имелась напротив, у южной стены прохода. Здесь в проходе отсутствовал деревянный порог (7, с. 244—245).

Во всех приведенных случаях находки монет связаны с дверными проемами. Монеты находились под бруском порога; в одном случае, когда устройство порога не было предусмотрено конст-

* Подробнее об аналогичных устройствах деревянных частей дверного проема см.: 5, с. 73—78.

рукцией дверей, монета оказалась в ямке, которая служила для установки деревянной стойки дверного косяка. Напрашивается мысль, что здесь мы столкнулись с примером древней обрядности. Попробуем рассмотреть, в чем семантика этого ритуала.

Ритуальными символами в предполагаемом нами древнем обычае выступают монета и порог. Монеты (деньги) имеют устойчивую семантику «богатства», «благополучия». Свидетельство этому находим в многочисленных обычаях, обрядах и поверьях народов Средней Азии. Об одном обычае, связанном с рождением ребенка, имеется упоминание в письменных источниках. В древнем Самарканде родившемуся мальчику давали пососать леденец, а на ладони клали клей, «чтоб он был сладкоречив и крепко держал денежку» (8, с. 310). У таджиков долины Зарафшана А. Л. Троицкой был зафиксирован обычай при купании новорожденного класть в воду предметы, символизирующие богатство, достаток, здоровье и счастье: так в Фальгаре клали серебряную монету (таньгу), мясо, землю, соль (9, с. 120).

В свадебной обрядности народов среднеазиатско-казахстанского региона широко распространен обычай осыпания новобрачных плодами, мелкими деньгами, мукой, сладостями, мелким печеньем (10, с. 113, 127, 183; 11, с. 165; 12, с. 318—320). В основе этого ритуального действия, бесспорно, лежит стремление обеспечить семье плодородие (плоды), благополучие, богатство (зерно, деньги). Аналогичный ритуал характерен и для свадебных обрядов многих народов (13, с. 173, 174).

В арабских источниках о праздновании Науруза (нового года) в сасанидском Иране упоминаются интересные подробности этого ритуала. Так, в этот день при дворе сасанидских царей «писалось на (разных) местах...: умножилось, умножится, умножение, богатство, счастье и изобилие» (14, с. 025). Среди предметов, которые подносились царю на серебряном столе, клались семь серебряных дирхемов чеканки того года и новый динар (14, с. 025).

В верованиях, связанных с образом албасты, известных на всей территории Средней Азии, монета также выступает символом богатства. По поверью, албасты нельзя отпускать до тех пор, пока демон не отдаст своей книжечки или монетки. Монетка демона является «неразменным рублем», будучи истраченной, она снова возвращается к своему владельцу (15, с. 34—36; 16, с. 32).

Семантика другого ритуального символа — порога — неразрывно связана с семиотическим значением дверного проема. Средством дверного проема осуществляется связь дома с внешним миром. Поскольку границы дома призваны защищать его обитателей от внешнего мира, постольку наличие прохода обеспечивает их проницаемость, т. е. является слабым звеном, точкой возможного проникновения из внешнего мира враждебной обитателям дома стихии. У памирских таджиков, например, с дверью

я световыми отверстиями в кровле были связаны разные поверья. Через дверь в дом «проникали» злые духи (джины, шайтаны), а через «чистое» световое отверстие — ангелы и святые. Таким же путем все они покидали дом (17, с. 82). В Ишкамише постороннему человеку, входившему после наступления темноты в дом, где имелся младенец, клали под ноги немного раскаленных углей и золы из очага, на которые он должен был наступить. Этим он «очищал свой след» (17, с. 82). В Самарканде (в гузаре Дегчаиброн) для того, чтобы в период чилля уберечь ребенка от враждебных сил, которые могли проникнуть в дом с входящим, около порога комнаты роженицы в землю вбивали кол из плодового дерева. Каждый входящий к роженице ударял рукой по колу и лишь после этого входил в комнату (18, с. 134).

Кроме того, проходы объединяют помещения в структуре дома, которая отражает социальную структуру семьи. Пороги отдельных помещений дома могут рассматриваться как внутренние границы, призванные регламентировать различные виды деятельности обитателей дома: социальную, хозяйственно-экономическую, религиозную.

Высокая степень семиотичности порога обусловлена его функцией маркировки проницаемых границ. Пересекая эти границы, субъект оказывается в новом мире, отличном от того, который он только что покинул, с определенной системой правил, предписаний, ритуалов, вне зависимости от того, является ли эта черта границей дома или отдельных помещений в его структуре.

Общая семантика этого символа достаточно известна. В представлениях оседлого населения Средней Азии порог связан с культом предков. Истоки этих верований уходят в далекое прошлое, археологически зафиксирован обычай захоронения под полами жилых помещений: под порогом, напротив входа или под стенами. Обычай этот был распространен на обширной территории древнеземледельческих культур Востока и в европейских культурах эпохи неолита*. Отголосками этого древнего верования является встречаемый повсеместно в Средней Азии обычай закапывания поседа в помещении, чаще всего у порога (21, с. 31).

Порог, который играет существенную роль в обрядности народов Средней Азии, по-видимому, наравне с очагом почитается как место средоточия духов предков. Иллюстрацией этого верования является обряд *чилля гуризон* (проводы чилли) у таджиков долины Зарафшана, когда несворожденного поочередно несут в семь домов, там ему смазывают рот пылью с порога дома — *остани пирон*, т. е. «порога пиров (предков)» и золой из очага — *хокистари пирон*, т. е. «золой пиров (предков)» (9, с. 128; 10

* Литература этого вопроса очень велика. В Средней Азии захоронения в жилых помещениях были зафиксированы на раннеземледельческих поселениях эпохи неолита (IV тысячелетие до н. э.) в Южной Туркмении. См.: 19, с. 328—331; 20, с. 229—238.

с. 58). Интересен в этом отношении и обычай (отвергаемый ортодоксальным духовенством) у узбеков Хорезма трижды приспускать носилки с телом покойного у порога дома, так как считалось, что только после этого умерший не «потянет за собой кого-либо из родных» (16, с. 116).

В свадебной обрядности таджиков можно встретить пример умиловительной жертвы духам предков, где связь последних с порогом дома прослеживается наиболее отчетливо. Так, среди кулябских таджиков сохранился обычай, по которому при входе жениха в дом невесты на порог дома ложится старуха, родственница невесты, и прикидывается мертвой. Встает она после того, как получит от жениха какой-нибудь подарок. В других местах то же самое проделывается родственниками новобрачного при прибытии невесты в дом мужа (10, с. 102, 113). Очень часто умиловительной жертвой выступает баран**. В Дарвазе и у припамирских таджиков по прибытии молодой к дому мужа режут барана перед девушкой в тот момент, когда она собирается переступить порог дома (10, с. 112). Принесением этой жертвы стремятся снискать для молодой расположение духов рода мужа. Эти обряды связаны с представлениями, что духи предков весьма ревниво относятся к чистоте своего рода и к принятию в него чужих. Для приобщения новобрачной к родовому культу своего мужа и отстранения от родового культа своих предков и требовалась умиловительная жертва. Подобные обычаи являются широко распространенными (13, с. 187).

С порогом у народов Средней Азии связаны также многочисленные магические действия. В Ягнобе при первом выгоне скота из хлевов под порог клали серп или, если его не было, топор, чтобы у скота «душа стала бы крепче железа». Если коровы были черные, то железо под порог не клалось, так как черный цвет являлся для них охраной от разных бед (23, с. 8). Для охраны роженицы под порог двери клали большой нож и кусочек имбиря, чтобы *Ол* (албасты) не ходила через двери (23, с. 66). В семьях, где дети систематически не выживали, у узбеков Хорезма применялся следующий магический прием: повитуха старалась, чтобы ребенок вышел вместе с последом, после чего его клали на пороге комнаты так, чтобы он находился со стороны внутреннего помещения. Затем производили обрезание пуповины топором или серпом (16, с. 93). Аналогичный обычай зафиксирован у таджиков, ребенка в таком случае называли *Остонакул* (18, с. 130). С порогом были связаны и многие магические действия знахарок с целью предупреждения и лечения различных болезней (9, с. 119, 120; 24, с. 253; 15, с. 75) и предупреждения некоторых видов сглаза (16, с. 41).

Таким образом, анализ ритуальных символов обычая, реконструируемого нами, позволяет предположить, что в данном случае мы

** О верованиях таджиков, связанных с культом овцы, см.: 22, с. 107—109.

столкнулись с примером строительной обрядности. При постройке дома, а иногда, видимо, и при крупных ремонтах, когда в связи с поднятием уровней полов приходилось обновлять деревянные конструкции дверных проемов, под брус порога в паз закладывалась монета. Когда конструкцией дверей не было предусмотрено устройство деревянного порога (как в помещении 1 объекта XIV на городище древнего Пенджикента), монета закладывалась под один из устоев дверного косяка. Устои дверного косяка являются носителями той же культовой семантики, что и порог. Подтверждение этому мы находим в пережитках культа предков у памирских таджиков, проявлявшихся в обычае принесения жертв балкам-прогонам и столбам-колоннам. Среди элементов, которые считались священными, обладающими сверхъестественной силой, почитались и две колонны, образующие входной проем жилого помещения. Они олицетворяли Хасана и Хусейна, сыновей бога-творца Муртузо-Али. Под влиянием исмаилитской идеологии произошло переосмысление древних анимистических верований (17, с. 76—83).

Следует отметить интересный и, видимо, неслучайный факт: в обоих случаях в раскопе на Афрасиабе монеты находились в гнезде для порога в щечковой стене прохода, справа при выходе из помещения. В Пенджикенте на объекте XIV монета также была положена в правую, при выходе из помещения, ямку устоя дверного косяка (в другом случае место находки монеты в пазу порога не указано). Вне сомнения, что именно правой стороне при выходе из помещений приписывалась наибольшая сакральность. Пережитки этого представления зафиксированы у ягнобцев. «Весной, когда хлеб уже посеян и в долине появлялась трава, скот выгоняли из хлевов..., скот первый раз выводила женщина. Она бросала серп под порог и становилась с правой стороны двери» (23, с. 8).

Сакральный смысл древнего согдийского обычая заключался в принесении строительной жертвы духам предков, чтобы обеспечить богатство и благополучие в новом доме.

Неслучайно в качестве строительной жертвы использовалась монета. Деньги у разных индоевропейских народов «устойчиво связываются не только с идеей благополучия, но и с загробным (подземным) миром» (25, с. 67—68). Интересен обычай, связанный с похоронным ритуалом у белуджей: если умерший был при жизни богатым, счастливым человеком, пользовался почетом, то его именуют *пешани розидар* (в переводе с белуджийского: *пешани* — лоб, *рози* — богатство, *розидар* — имеющий богатство, богатый), и перед тем, как завернуть в саван, по его лбу водят серебряной монетой, которую передают близким, «чтобы богатство и счастье не ушли из семьи», чтобы *пешани* этого человека осталось в семье (26, с. 236).

Пережитки рассматриваемого обычая сохранились у таджиков долины Хуф, где в момент установки главного опорного стол-

ба («ха-сетан») был — обычай резать барана, кровью которого смазывали прогоны «вус». Одна ножка зарезанного живого закапывалась под «ха-сетан». В богатых хозяйствах по одной ножке барана закапывают под все четыре столба, чтобы обеспечить обитателям дома благоденствие и богатство (27, с. 445). В долине Хуф, где до недавнего времени были слабо развиты товарно-денежные отношения, семантику денег — бескровной жертвы — дублирует жертва домашнего животного.

Близкие аналоги древнего согдийского обычая мы находим в строительной обрядности восточно-славянских народов: «Заставлявая (закладывая) избу, кладут под угол деньги — для богатства, шерсть — для тепла, ладан — для святости». «Кладут монеты, ладан в углы, «под первый венец», «под матицу» и под оконные подушки» (Владимирская губерния). «При закладке дома на углы бревен первого ряда кладут несколько кусочков церковного ладана и серебряные монеты: ладан — чтобы домовый не шутил, а монеты — чтобы богато жить» (Рыбинский уезд). «При постройке дома жито кладут под угол, деньги — под закладное бревно» (Шенкурский уезд). «Под передним, святым углом по желанию хозяев закапывали монету на богатство, и плотники от себя — кусочек ладану для святости». На Украине «при закладке хаты пьют «закладшины» и при этом кладут иногда в ямы для стояков в углах хаты деньги, жито и шерсть» (25, с. 63). Очевидно, что истоки рассмотренной нами обрядности восходят к эпохе индоиранской общности.

Отметим, что на Афрасиабе ритуальные действия были связаны не с входными дверями домовладений, а с проходами в квадратные парадные залы. Такие залы, как свидетельствуют раскопки на городище Афрасиаб и Пенджикент, являлись неотъемлемой частью богатого аристократического жилища согдийского города в начале средних веков. В планировке жилища знати отчетливо заметна тенденция выделения парадной группы комнат с квадратным залом. Эти залы являли собой своего рода организующий центр в общем плане дома. Интерьер его богато украшался живописью и резьбой по дереву. План такого зала — всегда квадратный или подквадратный, вдоль стен устраивалась широкая (1—1,1 м) суфа высотой до 0,5 м, напротив прохода суфа имела выступ-эстраду. Балочное перекрытие покоилось на четырех колоннах. В парадно-культовой зоне богатого согдийского дома (святилище, квадратный зал, коленный коридор) парадный зал мог играть роль «даре-мехра», где совершались ритуалы с большим числом участников (28, с. 45—47).

Как уже отмечалось, в реконструируемом нами согдийском обычая монеты клались справа при выходе из помещения. У многих народов при условном разделении пространства жилища левая сторона считается женской, а правая — мужской (29, с. 85, 86). Например, в свадебном обряде таджиков «порог дома мужа новобрачная должна переступить правой ногой, порог же своего

дома при отъезде из него она переступает левой ногой» (10, с. 193, 194). Не исключено, что согдийский обычай был связан с культом родовых предков главы семьи и отражал представления об условном делении жилого пространства в согдийском доме. Отголоски этих представлений, видимо, сохранились в образе *камарбандон* (опоясывания) мужской половины дома у памирских таджиков, хотя по их представлениям выны дом (речь идет о традиционном однокамерном жилище) считался одушевленным существом, олицетворением мужчины (17, с. 78).

Выше говорилось, что монеты, найденные нами, по всей видимости, не были в обращении или находились в нем недолго. Здесь уместно вспомнить ритуал празднования Науруза в сасанидском Иране. В его описании подчеркивается, что серебряные дирхемы были «чеканки того года», динар также брался новый (14, с. 25). Пережитки этого ритуала находим в описании Науруза в Персии XIX в. В этот день шах раздавал новые монеты, которые, по поверью, приносили счастье (14, с. 36). В Древнем Риме существовал обычай: при закладке корабля в степс — гнездо для установки мачты — клали новую монету, дата которой обозначала год постройки корабля (30, с. 63). Видимо, особой сакральной силой в различных ритуалах наделялись новые, не бывшие в хождении монеты. В описанном нами обычае, возможно, также были использованы новые монеты эмиссии царя, правившего в период совершения ритуала. Если наше предположение верно (а оно подтверждается датировкой времени постройки домовладений, исследованных нами на Афрасиабе в пределах 696—698 гг., основанной на четкой стратиграфии многочисленных монетных находок), то этот древний обычай имеет с археологической точки зрения немаловажное значение в качестве датирующего фактора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент: Фан, 1966.
2. Альбаум Л. И. Новые росписи Афрасиаба//СИНВ. Вып. 10. 1971.
3. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
4. Шарахимов Ш. Ш. Квартал гончаров X — начала XI в.//К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент: Фан, 1981.
5. Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента//МИА. 1964. № 124.
6. Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг.//МИА. 1964. № 124.
7. Зеймаль Е. В. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище/ 1956 и 1957 гг.//МИА. 1964. № 124.
8. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
9. Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана//СЭ. 1935. № 6.
10. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX — начала XX века. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

11. Лобачева Н. П. Об одном обычае свадебного комплекса хорезмских узбеков//Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
12. Лобачева Н. П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
13. Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности//МАЭ. Т. 8. 1929.
14. Иностранцев К. А. Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в Сасанидской Персии//ЗВРАО. Т. 16 (1904—1905). 1906.
15. Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
16. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
17. Мухиддинов И. Обычаи и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. Конец XIX — начало XX в./материалы к историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана//СЭ. 1982. № 2.
18. Сухарева О. А. Мать и ребенок у таджиков/Обряды и представления, связанные с материнством и младенчеством у таджиков г. Самарканда и кишлаков Кусохо, Канибадама и Шахристана//Иран. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
19. Массон В. М. Карадепе у Артыка//Тр. ЮТАКЭ. Т. 10. 1960.
20. Сариниди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр//Тр. ЮТАКЭ. Т. 10. 1960.
21. Литвинский Б. А. О древности одного среднеазиатского обычая//КСИЭ. Вып. 30. 1958.
22. Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев/1//Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
23. Пещерева Е. М. Ягнобские этнографические материалы. Душанбе: До-ниш, 1976.
24. Троицкая А. Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана//Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник, III. Л.: Наука, 1971.
25. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
26. Гафферберг Э. Г. Пережитки религиозных представлений у белуджей//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
27. Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958.
28. Гуревич Л. Л. К интерпретации пенджикентских «капелл»//Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М.: Наука, 1981.
29. Иванов В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио. 1976.
30. Попов А. Древняя традиция кораблестроителей//ТМ. 1976. № 6.

Р. АБДИРИМОВ, Ю. П. МАНЫЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АКТЕПА В БУХАРСКОМ СОГДЕ

Изучение раннесредневековых поселений занимает одно из ведущих мест в древней истории Средней Азии, поскольку их исследование имеет важное значение для воссоздания социально-

экономической истории. В этом плане достигнуты значительные успехи в отдельных регионах (1, с. 154; 2; 3; 4; 5; 6; 7).

В последнее время все больше внимания уделяется обследованию поселений раннесредневекового периода Бухарского Согда, являющихся до сих пор малоизученными.

С целью выявления внутренних планировочных структур поселений на некоторых проводились стационарные раскопки. Одним из таких памятников является Актепа, расположенное в 5 км северо-восточнее городища Варахша (рис. 1).

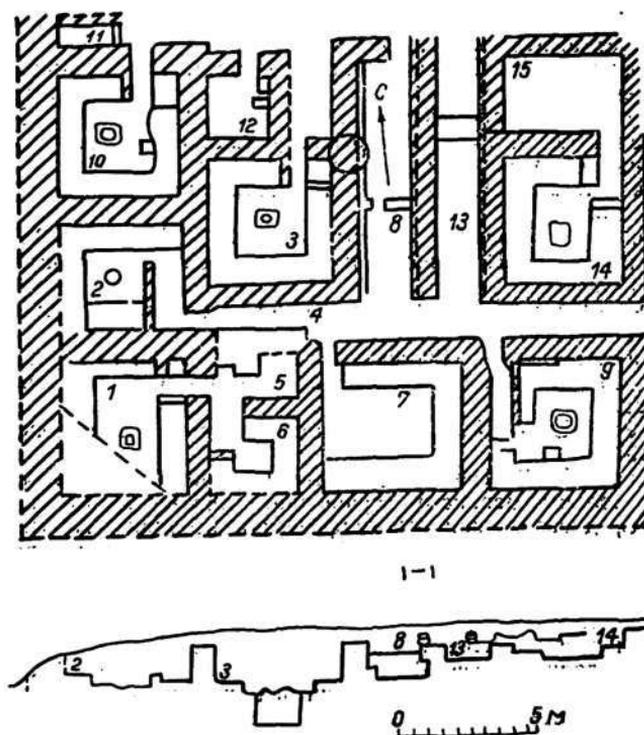

Рис. 1. Актепа. План после раскопок.

Актепа до раскопок представляло собой отдельно стоящий холм высотой около 10 м с овальной вершиной и крутыми краями. Размеры поверху — 30×30 м. До раскопок следы планировки не прослеживались. Вокруг тепа найдены фрагменты керамики, которые могут быть датированы раннесредневековым периодом. На памятнике керамический материал не обнаружен.

До наших раскопок на Актепа никакие работы не проводились, хотя эта часть Бухарского оазиса изучалась и до войны, и в послевоенные годы (8; 9; 10). Эти работы показали, что западные районы Бухарского оазиса орошались водами оросительных сис-

тем Хайрабад, Самджан (Рамитан) и Гоухитфар (8, с. 3—4; 11, с. 74).

Вскрытые помещения имеют в основном 2—3 строительных периода в границах почти одних и тех же стен.

Помещение 1 находится в юго-западной части памятника, имеет прямоугольную форму, размеры — $4,3 \times 5,35$ м. Юго-западная часть помещения смыта. Толщина стен в помещении 0,9—1 м. Стены сохранились на высоту 0,77 м (северная) и 1,03 м (восточная), западная и южная стены не сохранились. Только на северной стене прослежены следы перестройки. На последнем этапе жизни помещения северная стена была перестроена кирпичом размерами $40 \times 28 \times 9$ —10 см. Эта кладка сохранилась на высоту двух рядов кирпича.

Вдоль северной, западной и восточной стен имеются суфы шириной 0,75—1 м, возвышающиеся над полом на 0,31—0,36 м. Суфа вдоль западной стены сильно смыта и ее высота отличается от других. О наличии суфы вдоль южной стены можно говорить только предположительно. На северном конце восточной суфы имеется стеночка шириной 0,25 м, сохранившаяся на высоту 0,3—0,35 м. Она отгораживала суфу от прохода, расположенного в северной части восточной стены. Ширина прохода — 0,7 м. Аналогичная стеночка шириной 0,4 м и высотой около 0,5 м имеется на северной суфе. Между этой стеночкой и восточной стеной помещения — заком шириной 0,7 м, возможно, для хранения бытовой утвари для повседневных нужд. Боковые стороны суф и стены помещения тщательно обмазаны слоем глины с саманом толщиной до 5 см.

На расстоянии 0,8 м от западной суфы и 0,65 м от восточной находится прямоугольной формы очажная выкладка длиной 0,75—0,8 м и высотой 0,6—0,8 м. Верхняя часть очага прокалена до красна. В средней его части имеется незначительное понижение. Пол помещения ровный и многократно обмазанный глиняным раствором. Толщина обмазок — до 7 см. Между обмазками имеются тонкие зольные прослойки. Высота напластований в помещении от пола до дневной поверхности максимально равна 1,08 м. Верхний слой толщиной около 0,5 м представляет собой слой разрушения. Все помещение было забутовано обломками сырцового кирпича толщиной 5—6 см.

Культурного слоя на полу практически нет. Керамические находки представлены фрагментами столовой и хозяйственной посуды.

Помещение 2 расположено севернее помещения 1. Его размеры $4,6 \times 3,95$ м. Вдоль северной, западной и южной стен расположены суфы шириной 0,9—1,05 м и высотой над полом 0,27—0,37 м. Боковые поверхности суф тщательно обмазаны глиной с саманом. Между суфами на полу имеется очажное пятно диаметром 0,6 м. Центральная часть очажного пятна несколько понижена по сравнению с уровнем пола. Вся поверхность пола

тщательно обмазана слоями глины, общая толщина которых равна 0,06 м.

Помещение отделено от прохода перегородкой толщиной 0,28 м, длиной 2,55 м. Между этой стеной и северной суфой оставался проход шириной 0,7 м, расположенный в южной части восточной стены и ведущий в коридор (помещение 4). В проходе сохранились следы от дверной коробки толщиной 0,06 м, вмazanной в стены. Ширина порога, вмazanного в пол, равняется 0,11 м. Его концы заходят в стены на 0,25 м. Пол коридора у входа в помещение ниже пола помещения на 0,3 м.

Стены помещения сохранились на высоту до 1,4 м и обмазаны глиняным раствором. Западная стена помещения не сохранилась. Толщина стен — 0,9—1 м. Второй пол помещения находится выше первого на 0,37 м. Промежуток между ними забутован плотным слоем кирпича. Под второй пол, западнее перегородки, положены кирпичи размерами $40 \times 28 \times 9$ —11 см в один ряд. Длина выкладки от перегородки равна 1,45 м. Культурный слой над полом достигал 5 см и содержал большое количество фрагментов хума и костей животных. Помещение до верха стен забутовано битым кирпичом. Третий пол сохранился только вдоль восточной стены. В северо-восточном углу найден очаг в виде перевернутого вниз горловиной хума, диаметр тулова которого равен 0,6 м. Толщина стенок 1 см. Очаг был заполнен на всю сохранившуюся высоту золой.

Помещение 3 расположено к северо-востоку от помещения 2. Его размеры: $4,58$ — $4,65 \times 4,3$ — $4,35$ м. Вдоль всех его стен расположены суфы шириной 0,97—1,1 м. Они возвышаются над полом на 0,44—0,56 м. Боковые стороны суф тщательно обмазаны. Как и в помещении 1, имеются стеночки, отгораживающие их от прохода. Ширина стеночки на северной суфе — 0,2 м. Площадка в северо-восточном углу помещения, отгороженная от остальной части суфы вышеуказанной стеночкой, видимо, служила местом, где хранились необходимые в обиходе вещи.

В центральной части помещения расположен прямоугольной формы очаг размерами $0,85 \times 0,7$ м, возвышающийся над уровнем пола на 8—10 см. Верхняя площадка очага имеет небольшое заглубление от длительного пользования. Пол помещения тщательно обмазан слоем глины с саманом толщиной до 0,1 м. Культурный слой на полу отсутствует. На полу найдено несколько фрагментов глиняной посуды и костей домашних животных. Проход шириной 0,65 м находится в северной стене. Толщина стен в помещении 0,95—1 м. Они сохранились на высоту 1,35 м. Западная и восточная стены сохранили следы многочисленных обмазок толщиной 6—7 см. В северной стене прослежены сырцовые кирпичи размерами 41 — $42 \times 27 \times 9$ см.

Помещение от первого пола на высоту до 1,52 м забутовано плотным слоем битого сырцового кирпича. Поверх этой забутовки прослежен второй пол. Культурный слой на полу содержал боль-

шое количество фрагментов гончарной посуды и костей животных и был сильно зазолен.

К второму полу относится стеночка, сложенная из сырцовых кирпичей размерами $27 \times 9 \times ?$ см. Сохранившаяся высота — 0,42 м. Длина с запада на восток — 3,7 м, затем стена сворачивает к южной стене помещения, длина этого отрезка равна 1,35 м. Назначение этих стен осталось неясным. Вероятно, к вышележащему полу относится очаг в виде перевернутого вниз горловиной хума, толщина стенок которого 1 см. Он был заполнен золой. Диаметр хума 0,8 м. К этому же полу относится яма, прорубившая восточную стену и суфу. Ее диаметр — 1,1 м. Она раскопана на глубину до 2,11 м. Еще одна яма — диаметром 1,4 м — расположена в северо-восточном углу помещения. Ее глубина 1,9 м.

Помещение 4 представляет собой коридор, идущий с запада на восток. Западная часть коридора по сравнению с восточной более узкая. Его ширина у выхода из помещения 2 до расширения — 0,9 м, длина узкой части 3,65 м. Нам представляется возможным считать, что по уровню первого пола выходы из помещений 1 и 2 были в один коридор. Южная стена коридора от выхода из помещений 1 и 2 до расширения отсутствовала. Отметки полов в коридоре 4 у выхода из помещения 2 близки отметкам первого пола у выхода из помещения 1.

По первому полу в западной части коридор расширялся до северной стены помещения 6. Ширина коридора после расширения равна 1,45—1,5 м. В 7,5 м восточнее выхода из помещения 2 коридор перегорожен стеной шириной 95 см, относящейся ко второму периоду. Осталось пока невыясненным, имеется ли стена по первому полу.

Помещение 5 расположено восточнее помещения 1 и связано с ним проходом. Его длина 3,35 м. По первому полу помещение 1 было связано при помощи прохода, ширина которого остается неизвестной. Мы судим об этом по уровню полов в помещениях 5 и 4. Северная стена помещения, примыкающая к восточной стене помещения 1, целиком закрыла промежуток стены между проходами в помещениях 1 и 2. Она построена с наклоном. Наиболее широкая часть помещения находится в восточной части. Ее размеры — $1,5 \times 1,65$ м. Ширина южной стены равна 0,7 м. Пол в помещении — ровный, покрытый слоем золы. В культурном слое найдены фрагменты хумов, кости животных.

Помещение 6 находится южнее помещения 5 и связано с ним проходом шириной 1,2 м. Размеры помещения $3,35 \times 2,8$ м. Вдоль северной, восточной, южной и частично западной стен имеются суфы, ширина которых 0,8—1 м. Суфы возвышаются над полом на высоту до 0,27 м. На северном конце западной суфы поставлена стеночка толщиной 0,27 м. Ее длина равна ширине суфы. Она возвышается над уровнем суфы на 0,23 м. Очага в центральной части помещения не обнаружено. Южная часть помещения сильно смыта. Культурный слой на полу очень тонкий, состоит из золы.

Что касается планировки верхнего горизонта, то она ничем не отличается от планировки нижнего пола.

Помещение 7 расположено восточнее помещений 5 и 6 и отделено от них стеной толщиной 0,7 м. Его размеры — $5,25 \times 4,8$ м. Как и в других помещениях, вдоль трех стен (кроме западной) имеются суфы размерами $0,9 \times 1,25$ м. Они возвышаются над полом на 0,22—0,28 м. Боковые и верхние стороны суф тщательно обмазаны глиной с саманом. На полу прослежены следы прокаленности. Пол покрыт тонким слоем золы. Проход шириной 0,65 м находится в западной части северной стены и ведет в помещение 4 (коридор). Северная и южная стены по сравнению с западной и восточной имеют худшую сохранность. Южная стена смыта до уровня суфы.

Помещение 8 расположено восточнее помещения 3, отделено от него стеной шириной 0,96 м и представляет собой коридор шириной 1,9 м. Вдоль западной стены коридора имеется приставная стеночка шириной 0,25 м. Пол в южной части коридора ровный, покрытый слоем золы. На высоте 0,69 м от первого пола на восточную стену помещения поставлена ремонтная стена, сохранившаяся на 0,56 м. Второй пол находится выше первого на 0,93 м. Он неровный, поднимается к западной и восточной стенам и покрыт слоем золы толщиной до 5 см. Коридор вскрыт в длину на 9 м. По первому полу он был связан с коридором, идущим с запада на восток (помещение 4). В 3,35 м от южной части коридора поперек его имеется стеночка толщиной 25—35 см. Ширина прохода в ней равна 1 м. В 5,2 м от этой стеночки имеется еще одна поперечная стена толщиной 0,85 м. Ширина прохода 0,75 м. Первый пол коридора поднимается к северной его части. Пол неровный, его средняя часть несколько понижена по сравнению с боковыми частями.

Помещение 9 расположено к востоку от помещения 7 и отделено от него стеной толщиной 1,05 м. Его размеры — $4,35 \times 4,8$ м. Вдоль всех стен имеются суфы шириной 0,85—1,2 м. Поверхность их тщательно обмазана глиной с саманом. Они возвышаются над полом на 0,35 м. Пол в помещении ровный и многократно обмазанный. У середины южной суфы имеется квадратной формы ямка размерами $0,5 \times 0,45$ м, глубиной 7 см.

В центральной части помещения расположен очаг прямоугольной формы в плане, размерами $0,86 \times 0,79$ м. Центральная часть очага прокалена докрасна и имеет прямоугольной формы углубление. Очаг по краю имеет бортик высотой 5—6 см и шириной около 15 см. Проход шириной 0,65 м находится в западной части северной стены и ведет в коридор (помещение 4). Вход в помещение отделен от его жилой части стеночкой длиной 2,45 м и шириной 0,25 м, поставленной на суфу. Поверхность пола прохода ниже уровня суфы на 0,2 м. На южной суфе напротив входа в помещение имеется возвышение, напоминающее стеночку. Ввиду плохой сохранности назначение его осталось неизвестным. Стены

помещения за исключением южной тщательно обмазаны глиной с саманом. Южная стена сильно смыта.

В помещении найдены два пряслица, бусина и брусок. Второй пол помещения расположен выше уровня первого. Он, как и в других помещениях, отделен слоем забутовки из битого кирпича. Размеры помещения по второму полу были изменены. Длина с запада на восток осталась прежней. Северная часть помещения была смещена в южную сторону на 1,05 м, то есть она начиналась на линии северной суфы первого пола. Западная и восточная стены сохранились полностью. Северная стена построена из кирпича размерами $37 \times 23 \times 9$ см. Ее высота 0,6—0,63 м. Она тщательно обмазана с боковой и верхней сторон, что дает нам основание считать, что помещение было открытого типа (двор?). На каком-то этапе эта стена была надстроена из сырцового кирпича вышеуказанного стандарта. Сохранился только один ряд кирпича. Уцелевшая часть пола ровная, покрыта тонким слоем золы. Центральная часть помещения занята очагом прямоугольной формы, размерами $0,95 \times 1$ м. Вдоль северного края очага возвышается бортик шириной около 0,2 м и высотой около 0,11 м. Вдоль западной и восточной стен сохранились суфы шириной 0,9—1 м. Они возвышаются над уровнем пола на 5—7 см. Южная часть помещения не сохранилась. На этом полу были найдены фрагменты столовой и хозяйственной посуды.

Помещение 10 расположено севернее помещения 2. Его размеры — $4,4 \times 4,6$ м. Вдоль всех стен построены пристенные суфы шириной 0,87—1 м. Высота суф от пола равна 0,3—0,4 м. На восточном краю северной суфы имеется стеночка толщиной 0,32 м. Длина стеночки равна 1 м. Северо-восточный угол помещения приподнят над полом на 0,73 м. Суфы и стены помещения тщательно обмазаны.

В центре помещения расположен очаг прямоугольной формы размерами $0,95 \times 0,76$ м, окруженный по краю бортиком шириной около 0,17 м. Центральная часть заполнена золой и прокалена докрасна. У восточной суфы имеется прямоугольной формы яма размерами $0,47 \times 0,5$ м, глубиной 9 см. Пол — ровный и неоднократно обмазанный. Проход шириной 0,7 м находится в северной стене. Второй пол расположен выше первого на 1,01—1,09 м. Внутренняя планировка помещения не претерпела существенных изменений. Отличие планировки по первому полу состоит в том, что между южной и западной суфами имеется промежуток шириной 0,95 м. В центре помещения находится очажное пятно. Пол ровный, покрытый многократными обмазками. Суфы имеют ширину 1—1,05 м и высоту от пола 0,16—0,26 м. Суфы построены из сырцового кирпича размерами $40 \times 22 \times 10$ см на глиняном растворе. Проход в помещение шириной 0,75 м расположен в северной стене. Третий пол лежит выше второго на 0,26 м. Сохранилась только восточная суфа, надстроенная на суфу и относя-

щаяся ко второму полу. К западу от нее на полу отмечены следы очажного пятна.

Помещение 11 (коридор) расположено севернее помещения 10. Его ширина 0,8—0,85 м. На расстоянии 1,9 м от западной стены коридора поперек его построена стеночка шириной 0,25 м, возвышающаяся над полом на 0,29 м. Эта часть коридора использовалась, видимо, для хозяйственных целей.

Помещение 12 размерами 2,3×2,35 м расположено севернее помещения 3 и отделено от него стеной шириной 0,76 м. Проход по первому полу шириной 0,7 м находится в северной стене. Пол помещения опускается от южной стены к северной. Культурный слой на полу толщиной до 0,1 м состоял из плотнослежавшегося камыша и золы. В культурном слое найдены мелкие фрагменты мисочек и костей животных. По второму полу проход из помещения находился в восточной стене. Его ширина 1,15 м. У этого прохода обнаружена плохо сохранившаяся стеночка длиной 0,65 м. Промежуток между первым и вторым полами был заполнен плотным слоем битого кирпича.

Помещение 13 расположено в центре постройки и вытянуто, как и рядом расположенное коридорообразное помещение 8, с севера на юг. Оно вскрыто в длину на 10,5 м. Его ширина по второму полу 1,5 м, в северной и южной части — 1,65 м. Оно перегорожено поперечной стеной шириной 0,85 м, находящейся в 6,75 м от южной стены помещения 4. Коридор заполнен обломками сырцовых кирпичей. Ширина коридора под вторым полом 1,75 м.

Помещение 14 размерами 4,50×4,85 м расположено к востоку от южной части помещения 13. Оно вскрыто только по второму полу. Вдоль всех стен построены пристенные суфы шириной 0,9—1,2 м. Высота суф — 0,25—0,33 м. Центральная часть помещения занята прямоугольной формы очагом размерами 0,72×0,86 м. Его высота над полом около 0,11 м. Очаг сильно прокален и неоднократно подмазан. Проход в помещение шириной 0,9 м находится в восточной части северной стены. На северном конце восточной и на восточном конце северной суф имеются стеночки шириной соответственно 0,25—0,68 м, закрывающие обзор входящему в помещение. Аналогичные стеночки выявлены также в помещениях 1, 2, 3 и 9. Подобное явление отмечено при раскопках замка в Шахристане (12, с. 206).

Помещение с суфами вдоль стен вскрыто нами в западной части Бухарского оазиса на более раннем памятнике Нортела (V в. н. э. (13, с. 521)). Аналогичные помещения известны также в памятниках Южного Согда (7, с. 40, рис. 23). Помещения с суфами-лежанками были широко распространены в Хорезмийских памятниках, в частности, в Якке-Парсане (3, с. 176, рис. 105). Помещения с суфами вдоль трех стен и прямоугольными очагами в середине вскрыты на городище Ток-кала (15, с. 45). Подобные

по планировке и интерьеру помещения отмечены при раскопках замка в Шахристани (12, с. 216).

При раскопках получены разнообразные формы керамических сосудов.

Одной из основных форм керамических изделий являются чаши с плоским поддоном и вертикальным бортиком (рис. 2, 1—7). Диаметр венчика — в пределах 11—20 см. Толщина стенок 0,4—0,7 см. В изломе обычно кремового и красноватого цветов. Покрываются светлым ангобом. Сосуды тонкостенные, с хорошим обжигом. Все изготовлены на гончарном круге. Схожие чаши найдены на поселении Талимаронтепа, расположенном в западной части Бухарской области (15, с. 446), а также на Джангалтепе в Южном Согде, где были покрыты красным ангобом (7, с. 15—16, рис. 7, 11—14). Подобные чаши имеются в керамическом комплексе «Е» раскопа 5 на Еркургане, где в оплыве была найдена нахшебская монета V—VI вв. (16, с. 99).

Встречено несколько видов кувшинов с диаметром венчиков от 4 до 12 см (рис. 2, 8—36):

с ручками и цилиндрическим корпусом, покрыты красным или светлым ангобом, в изломе имеют красноватый цвет;

без ручек, с горловиной, профилированной в виде валиков. Черепок в изломе красноватого цвета, обычно покрыты светлым ангобом;

с узкой шейкой венчика диаметром 4—6 см, покрыты светлым ангобом. Толщина стенок 0,4 см. В изломе имеют красноватый цвет. Аналогичные кувшины с ручкой имеются на рядом расположенном памятнике Таллигуза в слоях VI в. (10, с. 229—239, рис. 6, 1—3).

Схожие кувшины с ручками найдены также на городище Варахша в слоях раннесредневекового времени (9, с. 64, рис. 24, 3). Кувшины с сложнопрофилированными горловинами в виде круговых валиков с внешней стороны обнаружены при раскопках Аксачтепа в восточной части Бухарской области (17, с. 81—82). Фрагменты венчиков узкогорлых и широкогорлых кувшинов диаметром 7—12 см с цилиндрической горловиной, покрытые светло-серым и розовым ангобом, имеются в керамическом материале с городища Наршахтепа (18, с. 151, рис. 2, 7, 16—17). Они встречаются также на городище Еркурган (16, рис. 82, рис. 35, 12, 13, 16, 17, 19), в руинах согдийского здания Аултапа. Они украшены круговыми валиками, волнистыми линиями (7, с. 65, рис. 31, 2—8).

Покрываются светлым ангобом кувшины с узкой горловиной и округлым туловом, расширяющимся от горловин, найдены на городище Варахша, где датируются VI—VII вв. (19, с. 127—143, рис. 15, 2).

Среди керамического материала встречаются горшки с диаметром венчика 12—18 см, толщиной стенок 0,4—0,6 см. Венчик слегка отогнут наружу, тулово имеет шаровидную форму. Дно

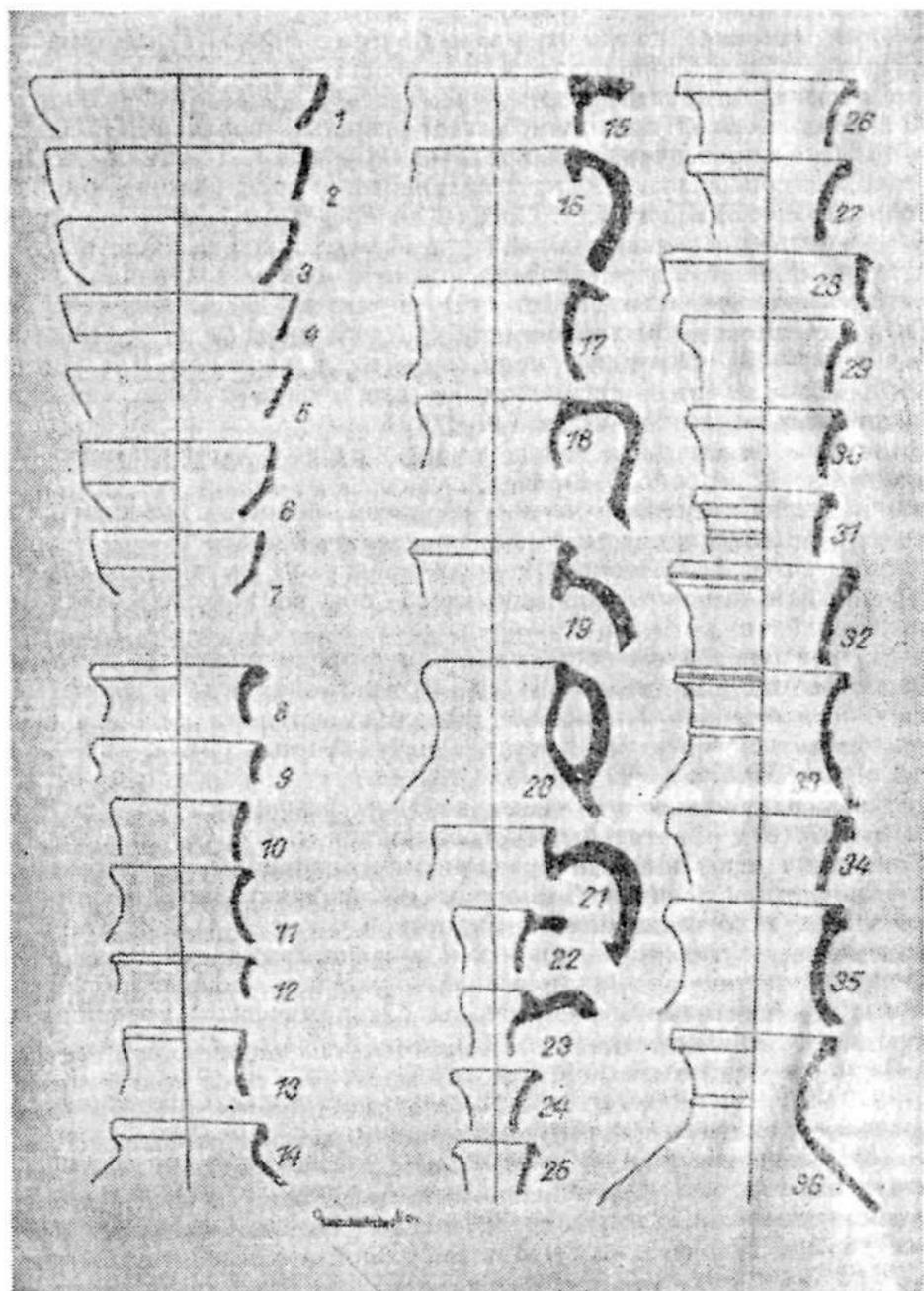

Рис. 2. Керамика из раскопок.

плоское. Черепок в изломе красноватый. Поверхность покрыта светлым ангобом (рис. 3, 1—7).

Аналогичные горшкообразные сосуды встречаются среди керамических комплексов V—VI вв. в Самаркандском Согде (20, с. 209—210, рис. 9—10). Они отмечены на городище Варахша, где датируются VI—VII вв. (19, с. 136, рис. 15, 3, 4), на Джангалтепа в Южном Согде (7, с. 24, рис. 15). Они отличаются от горшков с Актепа тем, что «наиболее характерным орнаментом для комплекса Джангалтепа является именно полоска из одной или двух круговых волнистых или зигзагообразных линий в сочетании с круговыми насечками между этими линиями или над верхней из них» (7, с. 23). Подобные горшки найдены на городище Еркурган в комплексе «Е» раскопа 5, а также раскопа 13, 14, 10 и 8, Р-1 ВХ (16, с. 82, рис. 35).

Среди керамического материала значительное место занимают хумы различных форм и размеров (рис. 3, 15—20). Они сделаны без гончарного круга. Диаметр венчика колеблется от 23 до 46 см.

Отмечены следующие типы хумов:

с валикообразным венчиком, покрытые светлым или красноватым ангобом, в изломе темно-серого цвета. С внешней стороны под венчиком имеются вдавления в виде орнамента. У некоторых из них в тесте имеется примесь гипса;

с манжетовидными венчиками диаметром 30—40 см и толщиной стенок 1,5—2 см, покрытые светлым ангобом. В изломе — темно-серого цвета;

хумчи диаметром 23—24 см, покрытые красноватым ангобом. Имеют четко профилированный в сечении венчик. Толщина стенок не превышает 2 см. Черепок в изломе темно-красный;

с орнаментом из пальцевых вдавлений в виде фестона. В изломе — темно-серого цвета, с примесью, покрыты обычно красноватым ангобом.

Аналогичные формы хумов встречены при раскопках шурфа в центре Варахши, где датируются VI в. (9, с. 116, рис. 55). Синхронные керамические формы хумов известны на Аксачтепа, где наиболее часто встречаются лепные толстостенные, с отогнутым наружу венчиком светло-серого цвета. На некоторых хумах от венчика по тулову — красные потеки. Здесь же встречались хумы со слабоотогнутым наружу венчиком, украшенным при переходе к плечикам фестонами. На некоторых под венчиком — орнамент в виде вдавлений (17, с. 81—82). Аналогичные хумы обнаружены в слое Бухара-VI (21, с. 92, рис. 3), на городище Калаи-Зохаки-Марон, где данный комплекс датируется V—VI вв. (22, с. 73—75, рис. 2). Подобные формы хумов имеются в материалах пятого строительного периода храма на городище Еркурган, где относятся к VI—VII вв. (16, с. 112, рис. 45).

При раскопках в незначительном количестве были найдены фрагменты корчаг диаметром 18—22 см, толщиной стенок

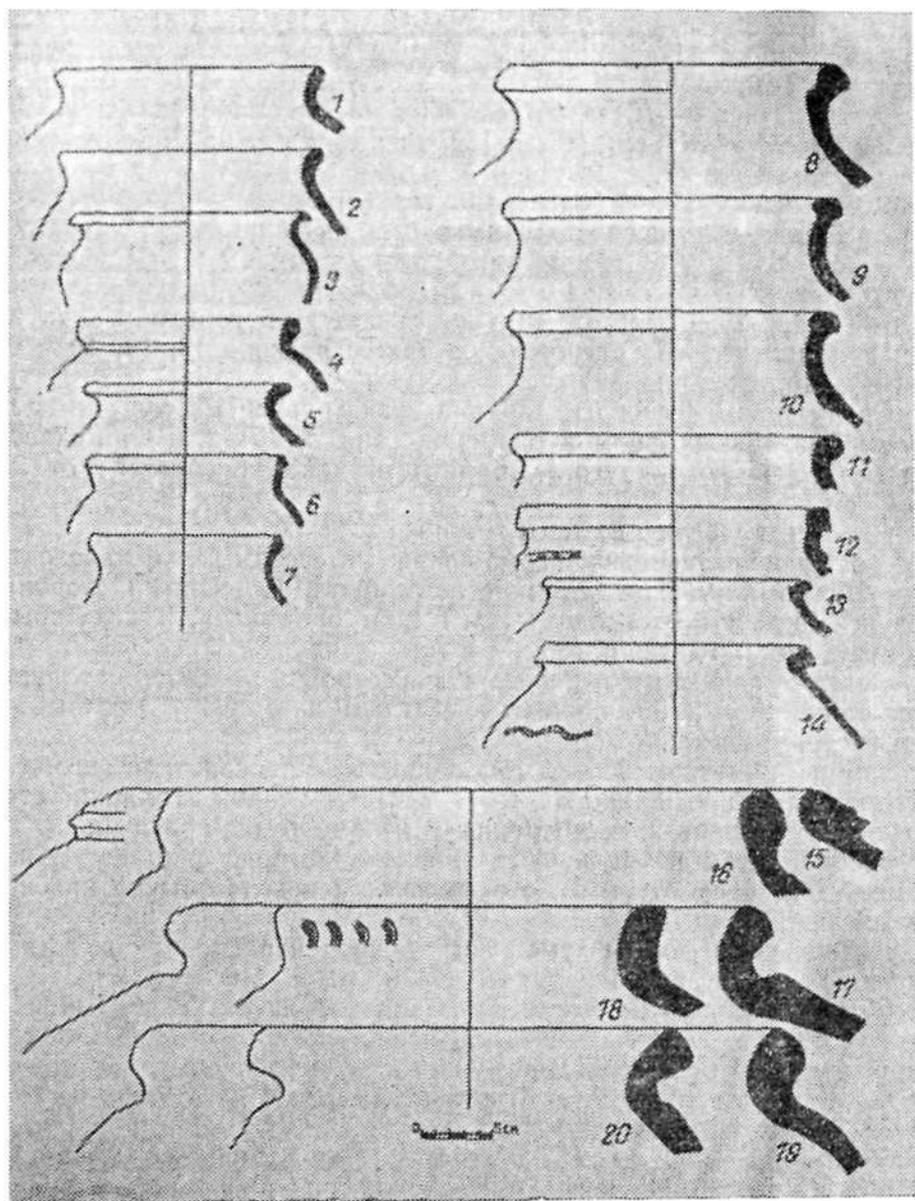

Рис. 3. Керамика из раскопок.

0,4—0,9 см, в изломе красноватого цвета, покрытые красноватым ангобом. У некоторых по тулову нанесен орнамент в виде двух параллельных линий (рис. 3. 8—14).

Аналогичные формы керамических сосудов выявлены в комплексе Рамитан III и IV (23, с. 127), в слое Бухара-VI (21, с. 92, рис. 3). Корчаги с вертикальным бортиком и уплощенным валикообразным венчиком, плечики которых украшены с наружной стороны волнистым прочерченным орнаментом, имеются среди керамических материалов раннесредневекового периода с городища Еркурган (16, с. 102).

Керамические сосуды, сделанные лепным способом, встречались очень редко. Найдено всего несколько фрагментов горшкообразного сосуда (видимо, котла) грубой лепки, в глиняном тесте которого имеется шамот. Фрагменты венчиков — диаметром 18—22 см, и толщиной стенок 0,9 см. Почти целым был один сосуд горшкообразной формы с прикрепленной к венчику ручкой, выпуклым туловом, отогнутым наружу венчиком. Диаметр устья 13 см, толщина стенок 0,4 см, донная часть сосуда не сохранилась.

На Актепе наряду с керамическими сосудами встречаются пряслица разнообразной формы. Некоторые пряслица — в виде дисков диаметром от 2,5 см до 3,5 см и высотой 0,5—0,9 см, диаметром отверстий 0,65—0,7 см. Они лишены орнамента, некоторые из них покрыты красной краской.

Аналогичные пряслица, в частности, обнаружены при раскопках Махитабонтета, Талимаронтета, Нортета в Бухарской области. Разнообразные типы пряслиц широко были распространены на поселениях Южного Согда (7, с. 70, рис. 35). Похожие пряслица найдены среди керамических материалов VI—VII вв. на Актепе близ Ташкента (24, с. 123, рис. 25.5), раннего средневековья в Беркуткалинском оазисе Хорезма (2, с. 95; 25, табл. 55).

Кроме перечисленных находок на Актепе найден серповидный нож. Подобные изделия найдены на Аултапе (7, с. 73).

На Актепе найдено несколько целых и фрагментированных зернотерок. У целых зернотерок рабочая часть вогнутая, обратная сторона неровная, грубая.

Встречены также обломки точильных брусков, изготовленных из кремнистых и глинистых сланцев.

Из украшений найдена бусина шаровидной формы из белого мрамора с отверстием в середине. Она была обнаружена в помещении 9 на северной суфе. При раскопках Актепа в помещении 14а обнаружена медная монета. Выпуск такой серии монет продолжался до VII в. (25, с. 210, табл. 5, 10, 11).

Если судить по вскрытой части, то помещения носили, в основном, жилой характер, о чем можно судить по наличию суф-лежанок, которые отмечены во всех вскрытых помещениях. В середине всех помещений имеются очаги или очажные пятна. У всех этих

помещений был выход в коридор, ориентированный с запада на восток (помещения 1, 5, 6, 7, 9).

Можно с уверенностью сказать, что параллельно указанному коридору в южной части здания и в северной его части проходил аналогичный коридор.

По вскрытой части планировки можно установить, что здание было одноэтажным и имело балочное перекрытие. На одноэтажность здания указывает и толщина стен, которая, кроме обводных, не превышает 1 м.

Как уже указывалось, керамический материал с Актепа находит широкие аналогии в керамических материалах Бухарского оазиса, а также памятников Южного и Самаркандского Согда. На основе этих аналогий и даты монеты, обнаруженной в верхнем слое, мы датируем Актепа VI в. н. э.

Частично раскопанное здание является первым для периода раннего средневековья в Бухарском Согде сельским феодальным замком. Благодаря раскопным работам в некоторой степени выявились характерные черты бухарских раннесредневековых сельских замков, исследование которых играет важную роль в изучении динамики развития сельских поселений Бухарского оазиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
2. Неразик Е. Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма. М., 1966.
3. Неразик Е. Е. Сельские жилища в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.
4. Альбаум Л. И. Болалик-тепе. Ташкент, 1962.
5. Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Автореф. канд. дис... Л., 1984.
6. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977.
7. Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда. Ташкент, 1981.
8. Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.
9. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
10. Нильсен В. А. Материалы из раскопок на Талли-Гуза//Труды ИИА АН УзССР. Вып. 8. Ташкент, 1956.
11. Мухамеджанов А. Р. История орошения Бухарского оазиса (С древнейших времен до начала XX в.). Ташкент, 1978.
12. Негматов Н., Зеймаль Т. И. Усрушанский замок в Шахристане//СА. М., 1959, № 2.
13. Абдиримов Р. Раскопки Нортете//АО, 1983 г. М., 1985.
14. Гудкова А. Ток-кала. Ташкент, 1964.
15. Абдиримов Р. Работы Бухарского отряда//АО, 1980 г. М., 1981.
16. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган. Ташкент, 1984.
17. Абдиримов Р. К изучению памятника Аксачтепа//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
18. Абдиримов Р. Новые данные о поселении Наршахтапа//ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1983.
19. Урманова М. Х. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г.//Труды ИИА АН УзССР. Ташкент, 1956.

20. Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом//ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
21. Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Дж., Адылов Ш. Керамика нижних слоев Бухары//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
22. Туребеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохаки-Марон//ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.
23. Сулейманов Р. Х. Результаты предварительного изучения городища Рамитан//ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.
24. Тереножкин А. И. Холм Актепа близ Ташкента//Труды ИИА АН УзССР. Т. 1. Ташкент, 1948.
25. Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансокеании по нумизматическим данным//Древность и раннесредневековье. Л., 1978.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сергей Кузьмич Кабанов. (К 80-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности)	3
А. А. Аскарлов, В. Д. Рузанов. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5	6
К. Абдуллаев, Т. Аннаев. Раскопки на городище Зартепа в 1979—1981 гг.	12
А. Бобоходжаев, Т. Аннаев, Ш. Рахманов. Некоторые итоги изучения древних и средневековых памятников предгорной и горной полосы Кугитанг—Байсунтау	25
Ш. А. Рахманов. Исследование на городище Кулаглитепа в Ангорском районе Сурхандарьинской области	36
Ш. Шайдуллаев. Новые данные о керамических комплексах периода Кучук III и Кучук IV (по материалам Талашкантепа I)	42
Ю. П. Манылов. Раскопки Кулжудукской курганной группы в центральных Кызылкумах	45
У. В. Рахманов, Ш. Р. Пидаев. Раскопки караван-сарая в Рабаде средневекового Термеза	60
Т. Ширинов. Алтари огня из храма Джаркутана — памятника эпохи развитой бронзы юга Узбекистана	69
К. Алимов, Х. Дуке. Археологические исследования на Кавардане в 1985 г.	79
Т. К. Ходжайов, Е. Г. Некрасова, В. Д. Домолего. Поздне-средневековое городское население Бухары	83
Т. К. Ходжайов, Г. К. Ходжайова, Ш. Л. Абилов. Антропологический тип населения г. Анджана по данным краниологии	90
Ю. Ф. Буряков, Г. И. Богомоллов. Изучение рабадов средневекового Харашкета	95
А. А. Грицина, Л. М. Сверчков. Археологические исследования в Сырдарьинской области	114
А. Р. Батиров. Фаунистические остатки млекопитающих из древних городищ Бухарского оазиса	122
Т. Ю. Гречкина, Н. Х. Ташкенбаев. К вопросу о кварцевых изделиях Кутурбулака (3 слой)	131
В. И. Ионесов. О новых погребениях Джаркутана	139
А. Э. Бердимуратов, М. Х. Пардаев. Раскопки верхнего здания Алмантепа	147
Т. И. Лебедева. Керамика Афрасиаба V—VI вв. н. э.	160
А. А. Абдуразаков. Сравнительное изучение химических составов средневековых стекол из разных частей Афрасиаба	168
М. А. Реутова, А. А. Абдуразаков. Консервация монументальной живописи и алтаря из городища Афрасиаб	184
Г. Ахадова. К вопросу о методике обработки росписей Балалыктепе.	190
А. Р. Мухамеджанов, Д. Мирзаахмедов, Е. Некрасова. К вопросу о некоторых настольных играх средневековой Бухары	193
Х. Г. Ахунбабаев. Об одном согдийском обычае	199
Р. Абдиримов, Ю. П. Манылов. Археологические исследования на Актепа в Бухарском Согде	207

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 23

*Утверждено Ученым советом Института археологии, Бюро отделения истории,
языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор *И. Я. Ильясова*
Художник *В. С. Тий*
Технический редактор *Г. П. Негматова*
Корректор *А. А. Ковалева*

ИБ №4773

Сдано в набор 28.09.89. Подписано к печати 9.01.90. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 14. Тираж 1000. Заказ 216. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР; Ташкент, проспект М. Горького, 79.

***В Издательстве „Фан“ УзССР
выходит в свет в 1990 г.:***

История материальной культуры Узбекистана. Вып. XXIV.

В сборник вошли материалы, которые подводят итоги исследования определенных памятников. По данным раскопок и обследований рассматриваются вопросы первобытной, античной и средневековой археологии Узбекистана. Один из разделов посвящен материалам Свода памятников археологии. В работе освещаются достижения смежных с археологией наук, в частности, палеозоологии, почвоведения, технологического изучения древних стекол.

Для археологов, историков, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов.

Заказы направлять по адресу: 700029, Ташкент, ул. Ленина, 73. «Академкнига».

